Ельницкий.

Инородцы Сибири...

К. ЕЛЬНИЦКІЙ.

ИНОРОДЦЫ СИБИРИ И СРЕДНЕАЗІАТСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ РОССІИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Д. Полубояринова.
1895

...родаются заведующимъ книги для учителей, библіотекъ и для наградъ ученикамъ

1) Прот. В. ПѢВЦОВЪ. **Опытъ методическаго руководства для нагядныхъ бесѣдъ** по картинамъ Священной Исторіи. Ц. 40 к.

2) А. ГОЛЬДЕНБЕРГЪ. **Методика Начальной Ариѳметики.** Ц. 75 коп.

3) В. ЕВТУШЕВСКІЙ: а) **Методика Ариѳметики.** Пособіе для родителей, учителей, учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и преподавателей низш. классовъ средн. учебн. заведеній. Ц. 1 р. 50 коп. и б) **Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію начальной Ариѳметики въ народныхъ школахъ.** Ц. 75 коп.

4) Ѳ. П. ЕГОРОВЪ. **Ключъ къ преподаванію начальной Ариѳметики по учебному руководству того же автора «Счетъ».**

5) М. ВОЛЬПЕРЪ. **Руководящія замѣтки о преподаваніи русскаго языка инородцамъ по всѣмъ тремъ выпускамъ «Русской Рѣчи».** Ц. 30 к.

6) А. БАРАНОВЪ: а) **Руководящія замѣтки для учащихъ къ преподаванію родного языка по всѣмъ тремъ книгамъ «Наше Родное».** Ц. 30 коп. б) **Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію родного языка по «Книгѣ для чтенія».** Ц. 40 к. и в) **Подробный планъ** занятій въ начальной народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ, съ указаніемъ самостоятельныхъ работъ. Ц. 15 коп.

7) К. ЕЛЬНИЦКІЙ: а) **Методика начальнаго обученія отечественному языку.** Ц. 75 к. б) **Общая педагогика.** Ц. 75 к. в) **Курсъ Дидактики.** Ц. 75 к. г) **Очерки по исторіи педагогики** Ц. 75 к. д) **Основы начальнаго школьнаго воспитанія и обученія.** Ц. 60 к. е) **Мысли и чувства.** Ц. 40 к. ж) **Условія успѣшности обученія въ начальной школѣ.** Ц. 20 к. и и) **Янъ-Амосъ Коменскій** и его педагогическія идеи.

8) Н. БУНАКОВЪ: а) **Родный языкъ,** какъ предметъ обученія въ начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ. Ц. 1 р. б) **Руководство къ обученію грамотѣ** по книгамъ того же автора **«Азбука»** и **«Первинка».** Ц. 15 к. в) **Руководство** къ преподаванію по книгѣ для чтенія того же автора **«Въ школѣ и дома».** Ц. 30 к. г) **Школьный годъ.** Распредѣленіе учебныхъ занятій и самостоятельныхъ ученическихъ работъ въ начальной школѣ съ тремя отдѣленіями, при одномъ учителѣ, Ц. 25 коп. д) **Школьное дѣло.** Учебный матеріалъ, проработанный авторомъ на многихъ учительскихъ съѣздахъ. Ц. 1 руб. 50 коп. и е) **Русская подвижная школа,** воскресные повторительные уроки. Ц. 50 коп.

9) П. СОЛОНИНА: а) **Записки по методикѣ Русскаго языка,** составленныя для учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и для учителей и учительницъ народныхъ школъ, въ трехъ выпускахъ: 1) *Первый выпускъ.* — Методика обученія грамотѣ. Ц. 35 коп. 2) *Второй выпускъ*—Методика объяснительнаго чтенія. Ц. 40 коп. и 3) *Третій выпускъ*—Методика начальной грамматики. Ц. 50 к. б) **Курсъ Училищевѣдѣнія,** составленный для учительскихъ семинарій и институтовъ. Ц. 80 к.

10) В. ГЕРБАЧЪ: а) **Методическое руководство** къ обученію письму. Ц. 40 коп. и б) **Уроки чистописанія.** Учебное пособіе для учителей церковно-приходскихъ школъ. Ц. 20 коп.

11) И. ЯХОНТОВЪ. **Методическое руководство** къ «Сборнику письменныхъ упражненій по русскому языку» того же автора. Ц. 45 к.

12) П. ПОЛЕВОЙ. **Методика преподаванія Русской Грамматики.** Ц. 50 коп.

13) АѲ. СОКОЛОВЪ. **Методика начальнаго обученія** церковно-славянскому языку. Ц. 25 к.

14) П. ПОЛЕВОЙ. **Исторія Русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ,** съ большимъ количествомъ изящно исполненныхъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ. Цѣна за обѣ части 5 р.

15) АѲ. СОКОЛОВЪ: а) **Методика Закона Божія,** 5-е исправленное и значительно дополненное изданіе. Ц. 1 р. 50 к. и б) **Библейская географія.** Ц. 50 к.

16) ВИНОГРАДОВЪ. **Краткія руководящія замѣчанія** о преподаваніи русскаго языка по **«Книгѣ для чтенія»** того же автора. Ц. 20 к.

17) В. РУДНЕВЪ. **Руководство къ преподаванію** по книгѣ того же автора **«Родной мірокъ».** Ц. 30 коп.

18) А. ВОРОНЕЦКІЙ. **Иллюстрированная Географическая Хрестоматія,** въ трехъ частяхъ. Цѣна за всѣ три части 5 руб.

19) В. СИПОВСКІЙ. **«Родная старина».** Отечественная исторія въ разсказахъ, въ трехъ выпускахъ (во всѣхъ трехъ выпускахъ 400 рисунковъ). Цѣна полнаго экземпляра 6 руб.

20) Я. КОВАЛЬСКІЙ. **Сборникъ первоначальныхъ опытовъ,** при помощи которыхъ можно познакомить дѣтей съ самыми простыми физическими и химическими явленіями. Пособіе для учителей начальныхъ школъ, а также для родителей и воспитателей. Ц. 2 р.

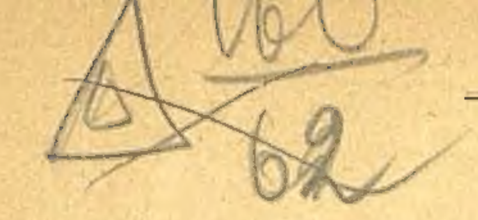
21) Проф. Э. БРАНДТЪ. **Популярная Зоологическая Энциклопедія** (Млекопитающія), съ большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ. Ц. 5 руб.

Примѣчаніе. Въ этой книгѣ изложены просто и кратко свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыя приносятъ человѣку пользу или вредъ или представляютъ интересъ въ какомъ-либо отношеніи.

22) **Иллюстрированная Географическая Библіотека.** *Выпускъ I.* **Путешествіе вокругъ свѣта.** Составила *О. И. Шмидтъ,* авторъ извѣстныхъ дѣтскихъ разсказовъ, премированныхъ Фребелевскимъ Обществомъ. Ц. 1 р.

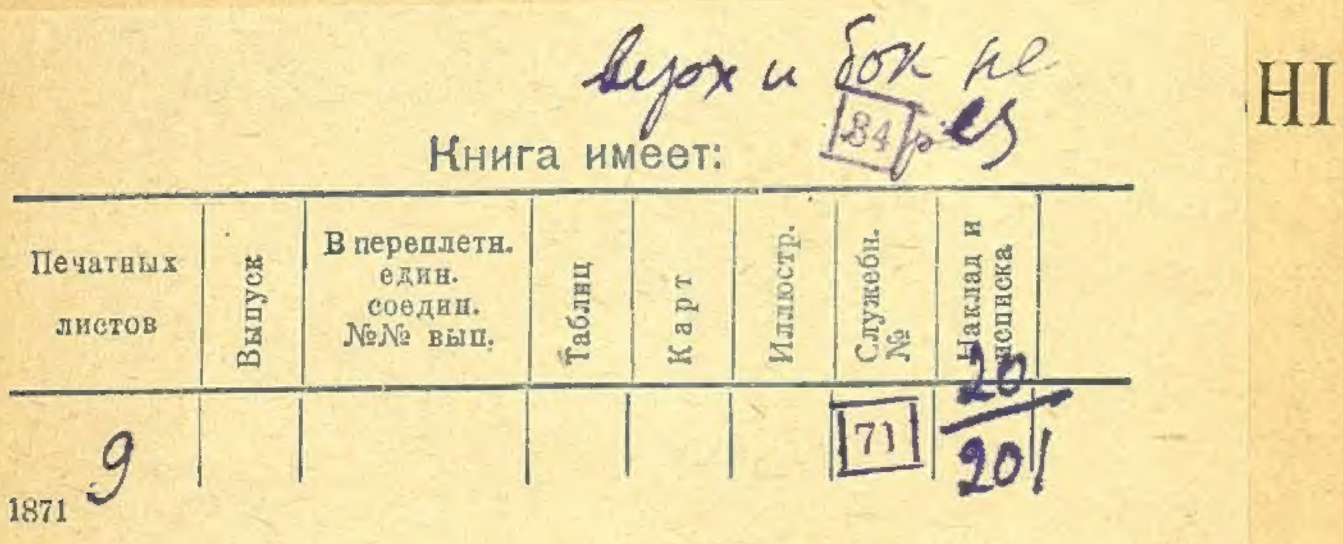
23) А. ОВСЯННИКОВЪ. Географическіе очерки и картины: Томъ I — Поволжье. Ц. 2 р. Томъ II — **Малороссія.** Ц. 1 р. 50 к.

Русскій Начальный Учитель. Ежемѣсячный журналъ, издаваемый *В. Латышевымъ,* при постоянномъ участіи народныхъ учителей. Отдѣлы программы: 1) педагогическій, 2) библіографическій, 3) практическій (сообщеніе полезныхъ свѣдѣній), 4) историко-статистическій. (Принимаются и объявленія о книжномъ дѣлѣ). *Ежегодный конкурсъ народныхъ учителей.* Ежемѣсячно не менѣе 2 листовъ. Подписка принимается въ магазинѣ Н. Фену и К°. Подписная цѣна 2 р. въ годъ, съ пересылкою 3 р.

К. ЕЛЬНИЦКІЙ.

ИНОРОДЦЫ
СИБИРИ
И

НІЙ

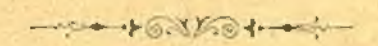
ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Д. Полубояринова.
1895

К. ЕЛЬНИЦКІЙ.

ИНОРОДЦЫ СИБИРИ и СРЕДНЕАЗІАТСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ РОССІИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Д. Полубояринова.
1895

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 25 Января 1895 г.

Паровая Скоропечатня М. М. Гутзацъ, Колокольная, 13.

I.

ИНОРОДЦЫ СИБИРИ.

Карта инородцевъ Сибири.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ИНОРОДЦЫ СИБИРИ.

Финскія племена.

Монголо-манчжурскія племена.

Полярныя племена.

Турецко-татарскія племена.

II. ИНОРОДЦЫ СРЕДНЕ-АЗІАТСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ РОССІИ.

Турецко-татарскія племена.

Монгольскія племена.

I.

СИБИРСКІЕ САМОѢДЫ.

Самоѣды сами себя называютъ „хозово" (человѣкъ); остяки называютъ ихъ „орхой" (дикій человѣкъ); „самоѣдами" же назвали ихъ русскіе. Такое названіе дано этимъ жителямъ сѣвера, по мнѣнію однихъ лицъ, оттого, что въ прежнія времена они приносили человѣческія жертвы и ѣли человѣческое мясо; другіе полагаютъ, что они получили свое имя отъ названія одного вида рыбы, которою питаются; третьи же думаютъ, что названіе ихъ есть буквальный переводъ слова „хозозо", а именно: „хозъ" означаетъ по-русски „само", „ово" — „единъ" (одинъ), передѣланное въ „ѣдъ".

О происхожденіи своемъ самоѣды разсказываютъ, что въ очень давнія времена предокъ ихъ Хозово (человѣкъ) сотворенъ былъ Нумомъ (Богомъ) въ землѣ, прилегающей къ Ледовитому океану, и потому они считаютъ себя коренными жителями сѣвера.

До XVI-го столѣтія самоѣды находились въ подчиненіи остякамъ. О покореніи первыхъ послѣдними самоѣдское преданіе передаетъ, что въ давнія времена самоѣды жили привольно, занимая мѣста отъ рѣки Иртыша вплоть до Сѣвернаго Ледовитаго океана. Они имѣли такъ много оленей, что не знали имъ счета. Но вотъ съ верховья рѣки Оби приплыли на плотахъ остяки и начали тѣснить ихъ, отбирая рыболовныя мѣста и стада оленей; возникли постоянныя войны, во время которыхъ самоѣды принуждены были подвигаться все далѣе и далѣе къ сѣверу. Наконецъ, когда остяки и тамъ стали притѣснять ихъ, они принуждены были признать надъ собою ихъ владычество; остяцкій князь сдѣлался правителемъ самоѣдовъ, и съ тѣхъ поръ послѣдніе начали сближаться съ остяками.

Въ XVI столѣтіи русскіе подчинили своей власти остяковъ, а вмѣстѣ съ ними и самоѣдовъ. Для управленія покоренными инородцами и для торговли съ ними основанъ былъ городъ Обдорскъ.

Самоѣды, живущіе о-бокъ съ русскими крестьянами, переняли отъ послѣднихъ и костюмъ, и постройку жилищъ, и бытовыя черты; они отличаются отъ русскихъ только большею грубостью, лѣнью, нечистоплотностью и отсутствіемъ стремленія къ умственному и хозяйственному улучшенію. Здѣсь мы будемъ говорить преимущественно о тѣхъ самоѣдахъ, которые еще не обрусѣли, т. е. въ значительной мѣрѣ сохранили свои народныя черты.

Въ настоящее время сибирскіе самоѣды бродятъ на пространствѣ отъ 60° сѣверной широты до Сѣвернаго Ледовитаго океана и отъ рѣки Кары и сѣверо-

восточнаго склона Уральскихъ горъ до рѣки Енисея. Самоѣды, кочующіе на восточномъ склонѣ Уральскихъ горъ и на полуостровѣ Ямалѣ, называются „каменными", а тѣ, которые кочуютъ на материкѣ между Обскою и Енисейскою губами, носятъ прозваніе „низовскихъ". Какъ тѣ, такъ и другіе живутъ отдѣльными родами или чумами. Каждый родъ или чумъ бродитъ отдѣльно отъ другихъ. Впрочемъ, нерѣдко случается, что бѣдные самоѣды ютятся въ чумахъ богатаго самоѣда, который кормитъ ихъ, даетъ имъ оленей для ѣзды, но зато и самъ пользуется ихъ услугами. Какъ только бѣднякъ-самоѣдъ обзаведется такимъ числомъ оленей, что можетъ просуществовать безъ пособія богатаго, онъ сейчасъ отдѣляется отъ послѣдняго и начинаетъ бродить самостоятельно.

Въ прежнее время самоѣдовъ было несравненно больше, чѣмъ мы ихъ находимъ въ настоящее время. Въ давнее время, — гласитъ самоѣдское преданіе, — ихъ было „тысячу тысячей, раздѣленныхъ на сто родовъ"; въ настоящее же время ихъ насчитываютъ не болѣе 16 тысячъ человѣкъ. Причиной вымиранія ихъ служатъ неблагопріятныя условія жизни, главнымъ же образомъ — заразительныя болѣзни и страсть къ водкѣ.

По своему происхожденію самоѣды принадлежатъ къ восточной вѣтви финскаго племени, что подтверждаетъ и наружный ихъ видъ. Большею частью они средняго роста, голову имѣютъ круглую, лицо широкое, съ выдавшимися скулами, носъ приплюснутый, глаза узкіе, черные, небольшіе, ротъ большой, губы толстыя, лобъ узкій, вдавленный, уши небольшія, оттопырившіяся, волосы на головѣ носятъ длинные, иногда заплетенные въ двѣ косы. Выраженіе лица ихъ большею частью угрюмое, непривѣтливое, какъ угрюма и непривѣтлива природа, среди которой они живутъ.

Одежда самоѣдовъ шьется изъ шкуръ оленей, собакъ и дикихъ звѣрей. Бѣлья они не носятъ. Непосредственно на тѣло они надѣваютъ „малицу", которая шьется изъ шкуръ молодыхъ оленей и имѣетъ форму мѣшка съ рукавами, къ которымъ пришиваются рукавицы въ одинъ палецъ. Она надѣвается чрезъ голову, шерстью къ тѣлу. По подолу обшивается она длинной собачьей шерстью, а по шву подола нерѣдко обводится сурикомъ красная полоска. Надѣвъ малицу, самоѣдъ опоясывается широкимъ ремнемъ, украшеннымъ разными пуговицами. Къ поясу онъ привѣшиваетъ съ лѣвой стороны ножны съ ножомъ, съ правой — оселокъ, а сзади — сумку, также украшенную пуговицами; въ ней лежатъ: трутъ, огниво, кремень, нитки, иголки и волчій зубъ. Малица выдергивается изъ-подъ пояса настолько, что самоѣдъ можетъ за пазухой хранить десятки шкурокъ. На голову надѣвается треухъ, сшитый изъ мягкой оленьей шкуры и прикрѣпленный къ малицѣ; иногда впрочемъ онъ замѣняется круглой оленьей шапкой. Поверхъ малицы самоѣды надѣваютъ „парку", сшитую тоже изъ оленьихъ шкуръ, но надѣвающуюся шерстью наружу. Къ подолу парки пришиваются узорчатыя каймы, сдѣланныя изъ кусочковъ разношерстныхъ оленьихъ кожъ и разноцвѣтнаго сукна. Въ большіе морозы самоѣды надѣваютъ еще „гусъ" и второй треухъ. „Гусъ" — это та же парка, сшитая изъ толстыхъ оленьихъ шкуръ; онъ надѣвается шерстью вверхъ. Второй треухъ дѣлается тоже изъ болѣе толстыхъ оленьихъ шкуръ. На ноги самоѣды надѣваютъ кожаныя панталоны; обувью же имъ служатъ олены чулки („кисы") и длинные сапоги изъ оленьихъ шкуръ шерстью наружу („уты"). Послѣдніе прикрѣпляются ремешками къ панталонамъ и сверхъ того обвязываются ниже колѣнъ шерстянымъ цвѣтнымъ пояскомъ.

Женская одежда состоитъ изъ „ягушки", т. е. длиннаго оленьяго халата, подпоясаннаго шерстянымъ поясомъ; къ рукавамъ ягушки нерѣдко прицѣпляются колокольчики, бубенчики, погремушки и длинные кусочки разноцвѣтнаго сукна. Голова покрывается шапкой съ мѣховымъ околышемъ, тулья которой дѣлается изъ полосокъ разноцвѣтнаго сукна. Двѣ косы, переплетенныя красною или желтою лентой и украшенныя на концахъ кольцами или погремушками, выходятъ изъ-подъ шапки. Къ ушамъ женщины прицѣпляютъ мѣдныя серьги, а на пальцахъ носятъ массу мѣдныхъ колецъ.

Нужно замѣтить, что самоѣдки — большія щеголихи, и даже бѣдныя любятъ увѣшивать себя разноцвѣтными лоскутками сукна и разными побрякушками. Это однако не мѣшаетъ имъ, подобно ихъ мужьямъ и братьямъ, быть крайне нечистоплотными. Самоѣдки не находятъ нужнымъ даже разъ въ годъ мыть свое тѣло, которое, поэтому, всегда покрыто слоемъ копоти и грязи. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что онѣ считаютъ себя очень чистоплотными — на томъ основаніи, что носятъ множество колецъ, а металлъ, особенно желтая мѣдь, по ихъ понятію, очищаетъ всѣ нечистоты, какія бы ни были на человѣкѣ.

Жилищемъ самоѣдовъ служитъ чумъ, который устраивается такимъ образомъ: длинныя жерди ставятся конусомъ и покрываются — лѣтомъ берестой, а зимой —

ствуя покрывалами изъ оленьихъ шкуръ, изъ которыхъ одно кладется шерстью внизъ, а другое—шерстью вверхъ. Вверху чума оставляется отверстіе для выхода дыма; дверью же служитъ боковое отверстіе, которое завѣшивается оленьей шкурой. Посреди чума—очагъ, на которомъ почти всегда горитъ огонь. Надъ очагомъ укрѣпляются перекладины, на которыхъ виситъ котелъ, сушится платье и коптится мясо или рыба. Мѣсто противъ входа, у стѣны, считается священнымъ, переступить чрезъ него женщина не смѣетъ; если же ей случится переступить его, то она спѣшитъ бросить туда уголекъ, какъ очистительное средство. Въ этомъ мѣстѣ помѣщаются наиболѣе цѣнныя хозяйственныя принадлежности: котелки, ящики и т. п.; тутъ же можно видѣть и петукановъ. У самаго входа въ чумъ обыкновенно лежитъ хворостъ для топлива. По сторонамъ очага кладутся широкія доски, замѣняющія собою столы; у стѣнъ же чума устраиваются постели для спанья: на землю постилаются рѣшетки, сплетенныя изъ ивовыхъ или березовыхъ прутьевъ, а поверхъ ихъ кладутся травяные ковры, которые покрываются оленьими шкурами. Въ чумѣ зимой, даже въ сильные морозы, тепло, если на очагѣ непрерывно поддерживается огонь. Постановка чума и снятіе его, при перекочевкѣ на другое мѣсто, лежитъ на обязанности женщинъ. Какъ только самоѣдскій родъ перекочевалъ на новое мѣсто, женщины сейчасъ же ставятъ чумъ, разводятъ огонь,—и жилище готово.

Несмотря на свой мрачный видъ, самоѣды добродушны и миролюбивы. Между ними бываютъ драки только тогда, когда они пьяны. Умственный кругозоръ ихъ крайне ограниченъ, отчего и языкъ бѣденъ. Если самоѣду приходится разсказать какое-нибудь происшествіе, то разсказъ свой онъ сопровождаетъ всевозможной мимикой и жестикуляціей, стараясь ими выразить то, для выраженія чего у него недостаетъ словъ.

Большинство самоѣдовъ—язычники, и лишь небольшая часть ихъ крещены русскими миссіонерами; впрочемъ, нося мѣдный или серебряный крестъ на шеѣ, они не покидаютъ и своихъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ. У самоѣдовъ-язычниковъ высшій богъ называется Нумъ. Онъ, по ихъ понятіямъ, живетъ на небѣ. Присутствіе его самоѣды видятъ во всѣхъ атмосферныхъ явленіяхъ—въ снѣгѣ, дождѣ, вѣтрѣ и т. п. Воля Нума можетъ быть узнана людьми только при помощи избранныхъ лицъ—шамановъ, называемыхъ также тадибеями. Но и сами шаманы не непосредственно узнаютъ волю Нума, а при посредствѣ духовъ, называемыхъ тадебціями. Къ шаманамъ самоѣды обыкновенно прибѣгаютъ для излѣченія болѣзни, для отысканія потерянныхъ оленей или вещей и т. п. Случится у самоѣда, напр., пропажа оленей,—онъ обращается къ шаману съ просьбой поворожить, кто угналъ ихъ. Тотъ садится на землю, беретъ въ руки бубенъ и начинаетъ въ него бить, причемъ тяжело вздыхаетъ, издаетъ различные звуки, кривляется, затѣмъ бьетъ себя по груди и животу и, наконецъ, въ изнеможеніи падаетъ. Полежавъ немного, онъ приподнимается и говоритъ, что тадебціи требуютъ, чтобы въ жертву имъ принесли оленя, причемъ указываетъ примѣты его. Разыскавъ въ стадѣ по указаннымъ примѣтамъ оленя, самоѣды давятъ его и часть приносятъ въ жертву, а остальное съѣдаютъ вмѣстѣ съ шаманомъ, причемъ послѣдній получаетъ самые лакомые куски. Вслѣдъ затѣмъ шаманъ продолжаетъ ворожить, говоря, что олени угнаны человѣкомъ такого-то роста, такого-то вида, имѣющимъ столько-то дѣтей, и т. п. Нашедши человѣка съ признаками, описанными шаманомъ, самоѣдъ пристаетъ къ нему, чтобы тотъ возвратилъ

оленей. Если обвиняемый не чувствуетъ себя виновнымъ во взводимомъ на него преступленіи, онъ даетъ присягу въ своей невинности и тѣмъ слагаетъ съ себя обвиненіе: но если онъ чувствуетъ за собой вину, то никогда не дастъ такой присяги: послѣдней самоѣды вообще очень боятся. Присяга дается обыкновенно въ одномъ изъ слѣдующихъ видовъ: а) присягающій цѣлуетъ переднюю лапу медвѣдя и клянется, что если онъ говоритъ неправду, то пусть медвѣдь растерзаетъ его; если случится, что медвѣдь въ самомъ дѣлѣ нападетъ и помнетъ его, то это считается признакомъ, что его клятва невѣрна, и онъ признается виновнымъ; б) присягающій цѣлуетъ ледъ, взятый изъ водъ, признаваемыхъ самоѣдами священными, и на немъ произноситъ клятву; в) обвиняющій беретъ пальцами одной руки за конецъ языка обвиняемаго, а другою разрѣзываетъ ножомъ снѣгъ или землю и произноситъ заклинаніе: „если скажешь неправду, то пусть твой языкъ распадется на части, какъ распадается этотъ снѣгъ, или эта земля“.

Кромѣ Нума, самоѣды признаютъ еще различной степени младшихъ боговъ. Чувствуя надобность прибѣгнуть къ помощи бога, самоѣдъ сначала всегда обращается съ мольбой и жертвоприношеніемъ къ самому младшему богу; если отъ него не получаетъ желаемаго, онъ обращается уже къ другому, постарше, и т. д. Въ жертву своимъ богамъ самоѣды приносятъ оленей, шкуры разныхъ звѣрей, шерстяные пояски, кольца и т. п.

Вѣруя, что постигшее бѣдствіе можно посредствомъ заклинанія перенести на животное, дерево или другой неодушевленный предметъ, самоѣдъ при каждомъ бѣдствіи и поступаетъ согласно этому вѣрованію. Случилось, напр., самоѣду заболѣть, — онъ третъ больное мѣсто шкуркой песца или другою вещью, предназначенной для жертвы, и затѣмъ вѣшаетъ эту шкурку или вещь на дерево и заклинаетъ, чтобы его болѣзнь перешла на это дерево. Желая перенести свою болѣзнь на оленя, самоѣдъ самъ или же посредствомъ шамана старается вызвать въ животномъ такую же боль, какою страдаетъ онъ самъ. Такимъ образомъ иногда замучиваются нѣсколько оленей, и все-таки, конечно, больному отъ такого лѣченія легче не становится.

Самоѣды дѣлаютъ истукановъ и относятся къ нимъ, какъ къ живымъ существамъ, понимающимъ ихъ. При нуждѣ они обращаются къ нимъ съ мольбой, но если не получаютъ по своей просьбѣ, то бранятъ, бьютъ и разбрасываютъ ихъ, чтобы затѣмъ снова собрать въ одно мѣсто и опять просить о помощи. Чтобы задобрить истукановъ, самоѣды мажутъ имъ губы кровью, наряжаютъ ихъ въ разноцвѣтные лоскутки матеріи и ставятъ въ чумѣ на почетномъ мѣстѣ или же возятъ на особой нартѣ. Нерѣдко случается, что самоѣдъ, укладываясь спать, ставитъ среди стада оленей истукановъ для охраны этого стада. Если случится, что ночью волкъ зарѣжетъ оленя, то самоѣдъ бьетъ своего бездушнаго сторожа за то, что онъ не бдительно исполнилъ возложенную на него обязанность.

Произведеніями народнаго поэтическаго творчества самоѣды не особенно богаты. Они имѣютъ нѣсколько фантастическихъ разсказовъ о подвигахъ богатырей, миоическихъ сказокъ, лирическихъ пѣсенъ и — только. Пѣсни пользуются у нихъ меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ героическіе разсказы; въ нихъ главную роль играетъ не столько содержаніе, сколько мелодія, напѣвъ. Впрочемъ, умѣнье хорошо пѣть самоѣды ставятъ очень высоко.

Скажемъ теперь о бытовыхъ обрядахъ самоѣдовъ.

Самоѣдская свадьба не сопровождается, какъ это обыкновенно бываетъ, особенными обрядами. Послѣ соглашенія между женихомъ и невѣстой, родные жениха ѣдутъ къ роднымъ невѣсты и условливаются относительно платы (калыма) за невѣсту и приданаго за нею. Покончивъ переговоры, давятъ оленя, и начинается угощеніе сырымъ мясомъ и кровью, а если есть, то и водкой. Пьютъ всѣ, не исключая невѣсты, и напиваются до-пьяна. На слѣдующій день родные жениха угощаютъ у себя въ чумѣ родныхъ невѣсты. При угощеніи женихъ и невѣста сидятъ рядомъ. Женихъ, отрѣзавъ кусокъ мяса, безмолвно передаетъ его невѣстѣ; та молча беретъ и ѣстъ. Точно также онъ беретъ вино и, отпивъ самъ, остатокъ чрезъ плечо передаетъ невѣстѣ, которая допиваетъ его. Получивъ слѣдуемый калымъ, родные невѣсты складываютъ ея приданое на нарты и везутъ его вмѣстѣ съ нею въ чумъ жениха. Невѣста обыкновенно ѣдетъ въ передней, богато убранной нартѣ. По прибытіи ея къ чуму жениха, ее обвозятъ нѣсколько разъ вокругъ этого чума, а родственники и знакомые, стоя кругомъ, привѣтствуютъ ее радостными криками. Свадьба оканчивается новымъ пиршествомъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ брака молодая жена ѣдетъ къ своимъ роднымъ въ гости. Отправляя ее въ обратный путь, родные обязаны надѣлить ее подарками, сложенными въ особую нарту, запряженную въ тройку или пару хорошихъ оленей, которые тоже поступаютъ ей въ даръ. Если случится, что родные скупо ее одарятъ, то мужъ ея почтетъ себя обиженнымъ, что не преминетъ выразить какъ ей самой, такъ и ея родственникамъ.

Къ своимъ дѣтямъ самоѣды относятся нѣжно, съ любовью. Что бы дитя ни сказало, или ни сдѣлало, все въ глазахъ родителей представляется хорошимъ, забавнымъ и даже умнымъ.

Какъ только родится ребенокъ, его вытираютъ снѣгомъ, а лѣтомъ купаютъ въ холодной водѣ, чтобы, такимъ образомъ, съ первыхъ же дней закалить его для перенесенія стужи и всѣхъ климатическихъ невзгодъ. Затѣмъ новорожденнаго кладутъ въ колыбель и, прикрывши мягкой оленьей шкурой, привязываютъ его къ ней, такъ что онъ можетъ шевелить только головкой.

Воспитаніе дочерей лежитъ исключительно на обязанности матери: она учитъ ихъ съ малолѣтства сучить нитки изъ оленьихъ жилъ, шить одежду, обувь, ставить чумъ и вообще исполнять работу, составляющую удѣлъ женщинъ-самоѣдокъ. Воспитаніе же сыновей лежитъ на обязанности отца: онъ беретъ ихъ съ собою на охоту, пріучаетъ владѣть лукомъ, арканомъ, учитъ ихъ ловить рыбу, загонять оленей и т. п.

Отецъ, имѣющій взрослыхъ сыновей, еще при своей жизни выдѣляетъ ихъ, т. е. даетъ каждому изъ нихъ часть своихъ оленей и другого имущества, и они начинаютъ кочевать самостоятельно; онъ оставляетъ при себѣ только самаго младшаго сына и невыданныхъ замужъ дочерей. Если отецъ умретъ, не раздѣливши между своими сыновьями имущества, они сами дѣлятъ его поровну; въ такомъ случаѣ они же принимаютъ на себя обязанность имѣть попеченіе о сестрахъ, т. е. выдать ихъ замужъ, надѣливши приданымъ и получивши за нихъ соотвѣтственный калымъ. Если остались малолѣтнія дѣти, то имущество отца остается при матери, подъ надзоромъ кого-нибудь изъ взрослыхъ родственниковъ.

Умершій человѣкъ, по вѣрованію самоѣдовъ, переселяется въ далекую страну, за море, гдѣ живетъ вмѣстѣ съ Нумомъ (богомъ), постоянно пируетъ и вдоволь пьетъ вина. Трупъ покойника самоѣды выносятъ изъ чума не чрезъ входную дверь, а чрезъ отверстіе, нарочно сдѣланное въ противоположной отъ входа стѣнѣ. Вынесши покойника, его одѣваютъ въ платье, кладутъ на нарту, въ которую впрягаютъ лучшихъ оленей, везутъ на мѣсто погребенія и здѣсь роютъ неглубокую могилу, въ которую кладутъ тѣло покойника, а съ нимъ ножъ, топоръ, рожокъ нюхательнаго табаку и другія вещи, которыя ему необходимы были въ жизни; въ могилу женщины кладутъ чашку, иголки, нитки и другія вещи, необходимыя въ хозяйствѣ, причемъ предварительно ихъ ломаютъ или разбиваютъ. Самоѣды вѣрятъ, что всѣ вещи, положенныя въ могилу покойника, послужатъ ему и въ загробной жизни, причемъ

онѣ будутъ обновлены. Зарывши покойника, на его могилѣ кладутъ разломанную нарту, на которой онъ ѣздилъ, приводятъ оленей и тутъ же, на могилѣ, ихъ давятъ. Рога задавленныхъ оленей втыкаютъ въ могилу, а мясо съѣдаютъ или уносятъ въ чумъ. Принесши жертву, всѣ присутствующіе при похоронахъ начинаютъ ругать смерть за то, что она отняла у нихъ близкаго человѣка, а затѣмъ восхваляютъ покойника. По окончаніи похороннаго обряда всѣ отходятъ отъ могилы, садятся въ нарты и уѣзжаютъ обратно въ чумъ, въ который входятъ не иначе, какъ окурившись дымомъ сжигаемаго оленьяго жира; окуриваютъ также оленей, отвезшихъ покойника, и упряжь, бывшую на нихъ. Возвратившись въ чумъ, ѣдятъ остатки мяса оленей, задавленныхъ на могилѣ погребеннаго.

Для сохраненія воспоминанія объ умершихъ, жена и дѣти его дѣлаютъ деревяннаго истукана, одѣваютъ его въ платье умершаго и помѣщаютъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно умершій сидѣлъ при жизни. Этотъ истуканъ изображаетъ собою покойнаго. Во время ѣды ставятъ передъ нимъ корытце съ пищей; кромѣ того, вдова или кто-нибудь изъ сыновей ежедневно мажетъ кровью или жиромъ губы истукана, какъ бы потчуя самого покойника. Къ ночи истукана раздѣваютъ и укладываютъ спать, а утромъ опять одѣваютъ. Однимъ словомъ, съ деревяннымъ истуканомъ дѣлаютъ все то, что дѣлалъ умершій. Такое ухаживаніе продолжается годъ и даже больше.

Главное занятіе самоѣдовъ—оленеводство. Самоѣдъ, не имѣющій нѣсколькихъ десятковъ оленей, считается бѣднымъ; богатые же имѣютъ ихъ по нѣскольку сотенъ и даже тысячъ. Олени доставляютъ самоѣду все: пищу, одежду, постель и покрышку для чума: они же возятъ какъ самихъ самоѣдовъ, такъ и ихъ имущество. Между тѣмъ уходъ за этими полезными животными не требуетъ особенныхъ заботъ: олени круглый годъ питаются мохомъ, который и лѣтомъ, и зимою добываютъ себѣ сами. Самоѣду приходится лишь время отъ времени перемѣнять мѣсто своей кочевки. Весною появляется въ лѣсахъ, гдѣ самоѣды проводятъ зиму, безчисленное множество комаровъ, оводовъ и мошекъ, которые мучатъ и безпокоятъ и людей, и животныхъ. Олени, чтобы избавиться отъ мученій, инстинктивно рвутся на сѣверъ, гдѣ меньше насѣкомыхъ, и самоѣдъ принужденъ бываетъ сняться съ зимней стоянки, чтобы перекочевать въ тундру, прилегающую къ Ледовитому океану. Съ наступленіемъ же зимы олени, наоборотъ, стремятся къ югу, въ лѣса, гдѣ не бываетъ такихъ суровыхъ метелей и холодовъ, какъ въ тундрѣ, и гдѣ они легче могутъ добывать себѣ кормъ; вслѣдъ за ними долженъ перекочевать и ихъ хозяинъ. Кромѣ этихъ періодическихъ переходовъ, самоѣдъ долженъ постоянно перекочевывать съ мѣста на мѣсто, когда олени съѣдятъ въ окрестности весь мохъ. Намѣреваясь перекочевать, самоѣдъ прежде всего сгоняетъ къ чуму все свое стадо, въ чемъ ему помогаютъ небольшія длинношерстныя собаки, которыя такъ пріучены сгонять оленей, что, куда бы послѣдніе ни отлучились,—разыщутъ и пригонятъ къ чуму. Сами олени привыкли слушаться лая этихъ собакъ и, заслышавъ его, опрометью бѣгутъ къ чуму. Случается, что самоѣдъ, лишившись собаки-загоняйки, самъ, обходя стадо, тявкаетъ по-собачьи. Кромѣ того, оленей созываютъ еще крикомъ: „ого-го-ого-го!“ Собравши оленей къ чуму, самоѣды ловятъ тѣхъ изъ нихъ, которые предназначаются для упряжи, и запрягаютъ ихъ въ нарты, т. е. небольшія легкія сани съ широкими, круто загнутыми полозьями и высокими копыльями. На этихъ нартахъ самоѣдъ ѣздитъ и зиму, и лѣто. Въ каждую нарту впрягаютъ обыкновенно по парѣ оленей, а кто хочетъ пощеголять, впрягаетъ въ нее и четверку, и даже шестерку одношерстныхъ оленей. Упряжью служитъ лямка (кожаная петля), къ которой привязывается ремень. Другой конецъ этого ремня привязывается къ полозьямъ нарты. На голову упряжнаго оленя надѣвается уздечка, къ которой прикрѣпляется вожжа для управленія имъ. Опоясываются олени выше брюха, возлѣ лопатокъ, подпругой, а къ послѣдней привязывается поводъ уздечки другого оленя. Погоняютъ оленей длиннымъ шестомъ, одинъ конецъ котораго тоньше другого. Къ тонкому концу прикрѣпляется круглая косточка, которою и ударяютъ по оленю, когда желаютъ понудить его быстрѣе бѣжать. На толстый конецъ шеста насаживаютъ желѣзное копье, которымъ самоѣдъ бьетъ дикаго

звѣря и упирается въ землю во время ѣзды, когда при поворотахъ нарта закатывается. Нарта, предназначенная для хозяйки чума, бываетъ украшена лучше другихъ: она нерѣдко покрывается цвѣтнымъ сукномъ и къ ней прицѣпляются колокольчики; упряжь къ этой нартѣ подбирается тоже получше: лямки изъ медвѣжьей кожи, подпруги — вышиты разноцвѣтными сукнами, уздечки — выкрашены въ красный цвѣтъ, и т. д. Чѣмъ богаче самоѣдъ, тѣмъ лучше бываетъ украшена нарта его жены. За хозяйкой слѣдуютъ въ особыхъ нартахъ ея взрослыя дочери. Мальчики 7 - 8 лѣтъ уже самостоятельно ѣдутъ на маленькихъ нартахъ. Взрослые мужчины ѣдутъ, смотря по надобности, то по сторонамъ женщинъ, то сзади или спереди ихъ.

Какъ только таборъ тронется, незапряженные олени слѣдуютъ за нимъ. Пастухи наблюдаютъ, чтобы какой-нибудь олень не отсталъ отъ табора и не сдѣлался добычей волковъ. Кромѣ наблюденія со стороны пастуховъ, самымъ надежнымъ средствомъ сохранить въ цѣлости стадо является со стороны самоѣда сбереженіе старыхъ матокъ, родоначальницъ нѣсколькихъ молодыхъ поколѣній. Около каждой такой матки группируется обыкновенно цѣлый родъ, состоящій иногда изъ 150 и даже болѣе оленей.

Таборъ богатаго самоѣда тянется иногда на нѣсколько верстъ. Ѣдутъ обыкновенно цѣлый день, съ утра до вечера, и лишь вечеромъ останавливаются на ночлегъ. Олени въ среднемъ могутъ пробѣгать въ день до 150 вер., но чрезъ каждыя 10—15 верстъ имъ необходимо давать немного отдохнуть; схватитъ олень снѣгу, переведетъ духъ — и снова продолжаетъ путь. Иногда среди оленей попадаются настоящіе рысаки, которые бѣгутъ съ такой быстротой, что ихъ нельзя нагнать ни на какой лошади. Этихъ оленей употребляютъ преимущественно для охоты за дикими звѣрями.

Для опредѣленія пути, по которому нужно ѣхать, самоѣды руководствуются то направленіемъ вѣтра, то расположеніемъ снѣжныхъ струй, то расположеніемъ звѣздъ и т. п., причемъ выказываютъ изумительную сообразительность. Иногда самоѣды ѣдутъ по слѣду, оставленному раньше прокочевавшимъ таборомъ; если этотъ слѣдъ занесенъ снѣгомъ, то, чтобы узнать, куда таборъ направился, они стараются найти мѣсто, гдѣ онъ останавливался. Отыскавши это мѣсто, самоѣдъ уже легко, по расположенію табора, опредѣляетъ, въ какую сторону послѣдній отправился. Для того, чтобы узнать, давно ли таборъ снялся съ даннаго мѣста, самоѣдъ ножомъ разрѣзываетъ снѣгъ до земли, затѣмъ по напластованію его и оставшимся слѣдамъ пребыванія оленей опредѣляетъ довольно вѣрно это время. Когда самоѣдъ вслѣдствіе бурана или ночной темноты не можетъ попасть въ чумъ, онъ объѣзжаетъ большимъ кругомъ мѣсто, въ которомъ онъ долженъ находиться, пока не попадетъ на вѣтеръ. Олени, почуявъ дымъ, гонимый изъ чума вѣтромъ, поворачиваютъ въ ту сторону голову; самоѣдъ ѣдетъ по этому направленію и попадаетъ въ чумъ.

Кромѣ оленеводства, одно изъ самыхъ главныхъ занятій самоѣдовъ составляетъ звѣроловство. Они охотятся на лисицъ, волковъ, песцовъ, бѣлокъ, медвѣдей, дикихъ оленей и другихъ звѣрей, водящихся въ лѣсахъ и тундрѣ, причемъ употребляютъ: винтовку, капканы, лукъ, самострѣлъ, шестъ съ желѣзнымъ наконечникомъ и арканъ.

Наиболѣе цѣнною охотничьей добычей считается черная и чернобурая лисица. Но добыть ихъ шкурку далеко нелегко: иногда самоѣду приходится втеченіи нѣ-

скольких недель выслеживает лисицу, пока наконец ему удается получить ея шкурку. Напавши на след драгоценнаго зверя, охотник не сразу ставит на него ловушку или самострел, — он прежде прикармливает зверя рыбой или мясом к данному месту.

Черный медведь служит у самоедов предметом религiознаго обожанiя. Они уверены, что этот зверь одарен высшей силою и мудростью, а потому упоминают о нем всегда с благоговенiем, называя его не иначе, как „прекрасным животным“, „мохнатым стариком“ и т. д., что однако не мешает им угостить его при случае доброй пулей. Шкуру чернаго медведя самоеды не продают, а обыкновенно употребляют на упряжь. Шкура белых медведей, живущих на берегах и льдинах Севернаго Ледовитаго океана, не имеет в глазах самоедов религiознаго значенiя, а потому нередко поступает в продажу русским купцам. Охота за этими медведями хотя и очень прибыльна, однако требует от охотников крайней ловкости, смелости и силы, а потому неудивительно, что самоед, которому удалось убить медведя, с особенной радостью разсказывает о своей удали и даже навеселе воспевает ее.

На диких оленей самоеды охотятся или с ружьем, или с арканом, или же с помощью домашних оленей. С этою целью на рога домашняго оленя надевают петли и пускают его на дикаго оленя, который, завидевши своего ручного собрата, бросается на него и начинает драться. Во время драки петли зацепляются за рога животнаго, так что последнее не может освободиться. Тогда приближается самоед и ударом топора убивает свою добычу.

Кроме охоты за дикими зверями, самоедами практикуется и выкормка их: нашедши нору лисицы или другого зверя охотник вынимает из нея детенышей и выкармливает их, а затем осенью или в начале зимы убивает, мясо употребляет в пищу, а шкуру продает русским торговцам. Шкуры эти известны в продаже под именем „кормушек“; шерсть на них короче и менее пушиста, чем у зверей, выросших на свободе.

Кроме оленеводства и звероловства, самоеды занимаются также рыболовством. Река Обь со всеми своими притоками и губой, а равно и другiя реки, протекающiя по тундре, изобилуют рыбой. Весною массы последней плывут от берегов Севернаго Ледовитаго океана вверх по рекам, а осенью возвращаются к устью рек. В это время и производится наибольшiй улов рыбы, для котораго применяются различные способы. Весною самоеды чаще всего запирают рыбу ивовым плетнем в заливах, где она скопляется во время хода к верховьям; осенью же при движенiи рыбы из верховья в устье, рыбаки перегораживают реку поперек и, таким образом задержавши дальнейшее движенiе рыбы, вылавливают ее. Производится также и ловля неводами, для чего самыми удобными местами служат так наз. „салмы“. Это — глубокiя ямы на мелях Обской губы; в эти ямы наносятся теченiем воды различныя питательныя вещества: сюда же заходит и рыба и остается по нескольку дней. Отыскавши веслом среди мели салму, самоеды забрасывают в нее невод и нередко за один раз налавливают полную лодку рыбы.

Занимаясь рыболовством, самоеды прiучаются отлично управлять лодкой. Едет самоед в своей лодке (каюке), гребет длинными веслами и с удивительным

искусствомъ пробирается среди бушующихъ волнъ большой рѣки. Если ему случится вывернуться въ лодкѣ, то онъ все-таки не утонетъ: на помощь является его изумительное умѣнье плавать; самоѣдъ плыветъ и при этомъ еще тянетъ за собой лодку.

Для сбыта произведеній своего промысла (шкуръ оленей и дикихъ звѣрей, рыбы) самоѣды зимой пріѣзжаютъ въ Обдорскъ или Березовъ и ведутъ тутъ торговлю со съѣхавшимися русскими и зырянскими купцами. Торговля чаще всего ведется при посредствѣ такъ называемыхъ „дружковъ". Каждый самоѣдъ имѣетъ въ городѣ знакомаго русскаго торговца, у котораго останавливается и которому обыкновенно продаетъ привезенный товаръ. Этотъ торговецъ даетъ у себя помѣщеніе пріѣхавшему и даже угощаетъ его, разсчитывая за это получить съ наивнаго дикаря вдвое. Вотъ такіе-то пріятели и носятъ названіе „дружковъ"; обыкновенно они знаютъ самоѣдскій языкъ, а потому служатъ часто переводчиками для самоѣдовъ.

Въ послѣднее время самоѣды сдѣлались болѣе осторожными въ торговлѣ; подъѣхавши, напр., къ городу съ товаромъ на нѣсколькихъ нартахъ, самоѣдъ въѣзжаетъ въ городъ только на одной нартѣ, дабы значительнымъ привозомъ товара не сбить съ него цѣны: затѣмъ, продавши товаръ въ одной нартѣ, онъ отправляется за другой нартой и т. д.

Кромѣ продажи въ городѣ, самоѣды большую часть своего товара сбываютъ русскимъ или зырянскимъ торговцамъ, разъѣзжающимъ съ запасомъ табаку, хлѣба, вина, по тундрѣ, отъ чума къ чуму, и вымѣнивающимъ у самоѣдовъ оленье мясо, мѣха и рыбу. При продажѣ дорогой пушнины, напр., черной лисицы, самоѣдъ иногда нѣсколько дней торгуется съ покупателемъ и всякій разъ пьетъ у него водку, которая наконецъ и доводитъ его до продажи. Если онъ находитъ, что выгодно продалъ лисицу, особенно если онъ много разъ пилъ у покупателя водку, онъ о своей ловкой продажѣ охотно разсказываетъ роднымъ и знакомымъ и даже поетъ объ этомъ пѣсню, говоря въ ней, что онъ обманулъ лисицу тѣмъ, что убилъ ее, а покупателя тѣмъ, что выпилъ у него много вина, хотя на самомъ дѣлѣ самъ былъ обманутъ ловкимъ торговцемъ: лисица, можетъ быть, стоила рублей 30, а онъ получилъ за нее печенаго хлѣба, табаку и вина рублей на 5.

Торговые счеты самоѣды обозначаютъ на палкѣ нарѣзами, принимая каждый нарѣзъ за единицу цѣнности, которою служитъ у нихъ шкурка песца. Палку съ нарѣзами раскалываютъ пополамъ: одну половину отдаютъ кредитору, а другую держатъ у себя. При уплатѣ долга соединяютъ обѣ половины расколотой на-двое палки, и если нарѣзы на обѣихъ половинахъ совпадаютъ, то производится расплата.

Въ свободное отъ занятій время самоѣды сидятъ, ничего не дѣлая, въ своемъ дымномъ чумѣ, да глядятъ на огонь и попѣвываютъ. Женщины въ это время сидятъ поодаль и сучатъ изъ оленьихъ жилъ нитки или починяютъ малицы и другую одежду мужчинъ. Особенно любитъ самоѣдъ, если въ это время въ его чумъ завернетъ гость. Нужно замѣтить, что самоѣды вообще очень гостепріимны. Если у нихъ случится гость, они не преминутъ раздѣлить съ нимъ самый лакомый кусокъ. Если гостю придется заночевать въ чумѣ, хозяева окажутъ ему такой же пріемъ, какой они оказали бы своему близкому родственнику: ему постелютъ чистую новую оленью кожу, дадутъ надѣть на ноги новые пимы; мало того, — если онъ успетъ, хозяева прикроютъ его своей одеждой, чтобы ему было теплѣе спать.

Въ досужее время самоѣды нерѣдко забавляются игрою въ карты. Играть въ карты научили ихъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, русскіе торговцы, которые и привозятъ имъ карты. Случается, что самоѣды играютъ на рыбу или другіе предметы своего хозяйства.

Иногда можно услышать у самоѣдовъ бренчаніе на трехструнной балалайкѣ. Если попотчивать самоѣдовъ виномъ да заиграть на балалайкѣ, то можно быть увѣреннымъ, что они пойдутъ плясать. Пляска ихъ состоитъ въ выбрасываніи рукъ и ногъ и кривляньи. Пляшутъ всѣ порознь, каждый пляшетъ безъ всякаго отношенія къ пляскѣ другихъ. Нерѣдко при пляскѣ не обращаютъ никакого вниманія и на тактъ, отбиваемый балалайкой.

Пищей самоѣдовъ служитъ, главнымъ образомъ, оленье мясо. Убивши оленя и снявши съ него шкуру, сейчасъ же отрѣзываютъ по куску мяса и ѣдятъ его, обмакивая въ теплую кровь. Самымъ лакомымъ кускомъ считается сердце: его беретъ себѣ хозяинъ чума. При ѣдѣ сырого мяса самоѣды съ удивительнымъ искусствомъ отрѣзываютъ его у самыхъ губъ. Кромѣ сырого мяса, они ѣдятъ также вареное и копченое мясо. Второе мѣсто въ пищѣ ихъ занимаетъ рыба, которую они рѣдко варятъ, а большею частью ѣдятъ сырою или же вяленою. Любятъ они также мерзлую рыбу: настрогаютъ ее, посолятъ и лакомятся. Не брезгаютъ они и мясомъ дикихъ

звѣрей. На хлѣбъ самоѣды смотрятъ, какъ на лакомство, которое достается высокой цѣной, а потому питаться имъ могутъ лишь болѣе зажиточные. Хлѣбъ, преимущественно печеный, они вымѣниваютъ у русскихъ. Иногда они получаютъ отъ послѣднихъ муку и въ такомъ случаѣ сами пекутъ себѣ хлѣбъ: замѣсятъ изъ муки тѣсто, налѣпятъ его на дощечку или палочку и такимъ образомъ держатъ надъ пламенемъ очага до тѣхъ поръ, пока не спечется.

Вино самоѣды любятъ до страсти: за бутылку вина они готовы отдать лучшаго оленя, самую дорогую шкурку лисицы. Этимъ пользуются торговцы, которые, переѣзжая изъ чума въ чумъ, возятъ съ собою запасъ вина, на которое, какъ сказано, и вымѣниваютъ у самоѣдовъ мѣха, рыбу и оленей.

Въ заключеніе нужно прибавить, что самоѣды очень любятъ курить табакъ. Курятъ какъ мужчины, такъ и женщины. Они курятъ изъ костяныхъ трубочекъ, имѣющихъ видъ ложки. Набравши въ ротъ дыму столько, сколько возможно, самоѣдъ передаетъ трубку другому, а самъ старается возможно долго удержать дымъ во рту и груди и возможно тихо выпускаетъ его чрезъ носъ. При такомъ способѣ куренія одной трубки достаточно, чтобы всѣ члены семьи накурились досыта. Для экономіи самоѣды прибавляютъ въ табакъ немного тальничной коры или мху.

Кромѣ куренія, самоѣды также нюхаютъ табакъ и жуютъ его. Случается, что набивши носъ табакомъ, самоѣдъ затыкаетъ носовыя отверстія „вотлепомъ", чтобы, удержать въ носу табакъ. „Вотлепъ" приготовляется изъ березоваго или тальниковаго сырого дерева: по снятіи съ него коры его строгаютъ и стружки сушатъ и прячутъ въ запасъ.

II.

ОСТЯКИ.

Остяки, въ числѣ около 24 тысячъ душъ, живутъ разбросанно въ Тобольской, Томской и Енисейской губерніяхъ, преимущественно по берегамъ рѣкъ Оби, Таза и Енисея и притокамъ ихъ. Ближайшіе сосѣди ихъ—русскіе, вогулы и самоѣды. Послѣдніе живутъ сѣвернѣе остяковъ, но зимой они перекочевываютъ въ мѣста, занятыя остяками, подобно тому, какъ и эти послѣдніе лѣтомъ перекочевываютъ на сѣверъ, въ мѣста, занятыя самоѣдами. Такимъ образомъ между остяками и самоѣдами происходитъ постоянное общеніе. Ктому же остяки, какъ сказано, долгое время господствовали надъ самоѣдами. Все это послужило причиной образованія многихъ одинаковыхъ чертъ быта и жизни у обоихъ этихъ народовъ. Чтобы не повторяться, мы не будемъ останавливаться на сходныхъ чертахъ и отмѣтимъ лишь тѣ особенности, которыя исключительно присущи остяцкому племени.

Остяки въ древности назывались „арьяхи" (многолюдье: *аръ*—много и *хо*—человѣкъ); впослѣдствіи, подпавши подъ власть татаръ, они стали называть себя „хондихо"—ханскими людьми, ханскими подданными (*хонъ*—ханъ, царь, *хо*—человѣкъ). Татары назвали ихъ „уштяками", что означаетъ людей грубыхъ, невѣжественныхъ, варваровъ. Съ этимъ названіемъ, измѣненнымъ русскими въ „остяки", они и вошли въ составъ Русскаго государства при покореніи Сибири.

Продолжительное господство татаръ замѣтно отразилось на бытѣ и образѣ жизни остяковъ. Послѣдніе переняли отъ своихъ прежнихъ властителей устройство жилища, нѣкоторыя особенности костюма, преимущественно женскаго, и т. п. Что касается вліянія русскихъ, то оно отразилось главнымъ образомъ на тѣхъ остякахъ, которые живутъ по большимъ судоходнымъ рѣкамъ, по сосѣдству съ русскими поселеніями: отъ русскихъ они приняли христіанскую вѣру, отъ нихъ же они переняли свое лѣтнее одѣяніе и заимствовались многими словами и понятіями.

По своему происхожденію остяки, какъ и самоѣды, относятся къ восточной вѣтви финской народной семьи, что замѣтно выражается и въ наружномъ ихъ видѣ: лицо остяка грязно-сѣраго цвѣта, скуластое, съ широкимъ ртомъ, тонкими, блѣдными губами; темные мертвенно-тусклые и вѣчно-гноящіеся глаза его прорѣзаны довольно косо; носъ широкій, приплюснутый; жесткіе, черные волосы густыми нечесанными космами спадаютъ на лицо и плечи; бороды у остяка не бываетъ, а если и выростаютъ волосы, остякъ ихъ тщательно выщипываетъ. Общее выраженіе остяка—большею частью пасмурное, боязливое. Роста онъ невысокаго; довольно широкое сутуловатое туловище его держится на тонкихъ слабыхъ ногахъ.

Одежда остяковъ похожа на одежду самоѣдовъ. Только осѣдлые остяки, какъ сказано, переняли отъ русскихъ лѣтнюю одежду, т. е. носятъ русскія рубахи, шаровары и зипунъ; зимою же они носятъ самоѣдскій костюмъ, который очень удобенъ

Остякъ. Тунгусъ. Бурятъ. Якутъ. Чукча. Гилякъ.

при сильныхъ сѣверныхъ морозахъ. Остячки лѣтомъ носятъ крапивнаго холста рубахи, вышитыя на груди и по подолу разноцвѣтными шерстями, и холщевыя или ситцевыя однорядки; зимою же онѣ носятъ оленью шубу, шерстью внутрь, съ частыми завязками и кисточками спереди. Голову онѣ покрываютъ, подобно татаркамъ, длиннымъ и широкимъ цвѣтнымъ платкомъ съ бахромою, называемымъ „вокшимъ". Имъ окутываютъ и лицо.

Нужно замѣтить, что остячки, какъ и самоѣдки, не чужды стремленія къ нарядамъ. Нерѣдко можно встрѣтить остячекъ съ выпущенными сзади косами, къ концамъ которыхъ прицѣплены монеты, бляхи, побрякушки; на рукахъ иной щеголихи можно видѣть татуированное изображеніе птицы, дерева или какого-нибудь узора.

По своему характеру остяки миролюбивы, кротки, малоподвижны и молчаливы; они способны къ упорному труду, если къ тому побуждаетъ ихъ голодъ, въ противномъ же случаѣ они предпочитаютъ сидѣть у огня, ничего не дѣлая. Выносливость

остяка просто удивительна: ему нипочемъ и стужа, и зной, и даже голодъ. Осенью, напр., когда морозъ уже сковываетъ рѣки, остяки, засмотрѣвшись на что-нибудь, подолгу стоятъ босые на берегу рѣки и только по-временамъ приподнимаютъ то ту, то другую ногу. Пробыть сутокъ двое безъ пищи для остяка не въ диковину; зато, если онъ добудетъ много пищи, онъ съѣстъ за троихъ. Къ привлекательнымъ чертамъ остяцкаго характера относится честность: рѣдкій остякъ позволитъ себѣ уворовать или обмануть; долги своимъ заимодавцамъ они платятъ крайне аккуратно,— остякъ скорѣе согласится поступить въ работники къ заимодавцу, чѣмъ не заплатить ему долга. Кромѣ того, подобно всѣмъ другимъ инородцамъ, остяки отличаются гостепріимствомъ. Зашедшій гость, кто бы онъ ни былъ, всегда найдетъ въ юртѣ остяка пріютъ и пищу. Принять отъ путника плату за пріютъ остяки считаютъ непозволительнымъ; другое дѣло получить отъ него подарокъ. Нужно замѣтить, что остяки вообще любятъ получать подарки. Получивъ отъ путешественника подарокъ, остякъ готовъ сдѣлать для него все, что только понадобится; мало того, онъ нерѣдко считаетъ своимъ долгомъ отдарить подарившаго. Къ непривлекательнымъ чертамъ остяка, какъ и самоѣда, относится его крайняя нечистоплотность, вслѣдствіе которой тѣло его нерѣдко бываетъ почти сплошь покрыто язвами.

Живутъ остяки небольшими селеніями, хижинъ въ 10—12. Селенія ихъ отстоятъ одно отъ другого на нѣсколько десятковъ верстъ. Хижины строятся изъ дерева и покрываются берестой, засыпанной землею. Въ углу хижины, близъ дверей, всегда находится глиняный чувалъ, надъ которымъ въ потолкѣ оставляется отверстіе для выхода дыма. На чувалѣ почти весь день горятъ дрова. Возлѣ стѣнъ идутъ нары съ разостланными на нихъ, сплетенными изъ травы или камыша, рогожами. Свѣтъ въ хижину проникаетъ чрезъ единственное оконце,—у богатыхъ со стекломъ, а у бѣдныхъ пузырчатое или со вставленной въ него льдиной. Въ одной хижинѣ живетъ иногда семействъ по пяти, и для каждаго изъ нихъ на нарахъ отгораживается досками особое мѣсто для спанья. Возлѣ хижинъ стоятъ на высокихъ стойкахъ амбарчики для склада рыбы и другихъ съѣстныхъ припасовъ.

Въ хижинахъ, впрочемъ, остяки живутъ только зимою; съ началомъ же весны они складываютъ все свое имущество на лодки или нарты и отправляются на всю весну и лѣто на рыболовныя мѣста, гдѣ и устраиваютъ себѣ чумы или шалаши. Стѣны шалаша они выводятъ низенькія, крышу же, изъ ивовыхъ стволовъ, дѣлаютъ высокую и обкладываютъ ее древесной корой. Наверху крыши оставляется отверстіе, въ которое выходитъ дымъ изъ очага, сложеннаго изъ камней. Возлѣ чума или шалаша ставятся колья съ поперечными перекладинами для сушки рыбы и тутъ же устраивается на высокихъ столбахъ помѣщеніе для склада добычи.

Все, сказанное сейчасъ, относится, однако, лишь къ тѣмъ остякамъ, которые, подъ вліяніемъ русскихъ, перешли къ осѣдлому образу жизни. Тѣ же остяки, которыхъ еще не коснулось вліяніе русскихъ, до сихъ поръ ведутъ кочевой образъ жизни, перекочевывая со своими оленями съ одного мѣста тундры на другое. Жилищами ихъ служатъ чумы.

Вообще образъ жизни остяка всецѣло зависитъ отъ его занятій. Въ этомъ отношеніи всѣхъ остяковъ можно раздѣлить на оленеводовъ, рыболововъ и звѣролововъ.

Образъ жизни первыхъ, какъ и самоѣдовъ, всецѣло зависитъ отъ оленей.

Остякъ-оленеводъ не можетъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ, но принужденъ перекочевывать туда, куда идутъ олени, т. е. лѣтомъ—на сѣверъ, а зимой—въ тайгу. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторые остяки, имѣя небольшія стада оленей, даже и на лѣто оставляютъ ихъ въ лѣсахъ, а не перекочевываютъ къ берегамъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Для защиты же оленей отъ насѣкомыхъ они строятъ большіе шалаши, въ которыхъ разводятъ постоянное курево; въ этихъ убѣжищахъ и спасаются олени отъ своихъ мелкихъ, но докучливыхъ враговъ, выходя отсюда для корма во время утренниковъ или сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ.

Остяки второй категоріи, т. е. рыболовы, съ ранней весны и до поздней осени ѣздятъ по рѣкамъ и ловятъ рыбу. Наибольшій уловъ производится ими на рѣкѣ Оби, а потому они боготворятъ эту рѣку, называя ее не иначе, какъ своимъ богомъ, своей кормилицей. Для разъѣздовъ по обширнымъ водамъ Оби они обыкновенно употребляютъ длинныя и глубокія лодки. Нерѣдко двѣ такія лодки сплачиваются между собою, и поверхъ ихъ настилается дощатый помостъ, служащій для склада наловленной рыбы и рыболовныхъ снастей. Для болѣе же скорыхъ переѣздовъ остяки употребляютъ маленькія лодки-душегубки, которыми управляютъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Будь какая угодно буря, заставляющая даже пароходъ становиться на якорь, но если по близости стоянки находятся остяцкія селенія,—къ остановившемуся судну сейчасъ же, несмотря на бушующія волны, подъѣзжаютъ въ своихъ душегубкахъ остяки. Подъѣхавши къ пароходу, они взбираются по веревочной лѣстницѣ на палубу, продаютъ привезенную рыбу, и затѣмъ отправляются въ обратный путь.

Остяковъ, занимающихся исключительно звѣроловствомъ, сравнительно немного. Промыселъ этотъ служитъ обыкновенно лишь добавочнымъ занятіемъ къ рыболовству или оленеводству. Охотятся остяки на тѣхъ же звѣрей, на которыхъ охотятся и самоѣды, да и охотничьи орудія у тѣхъ и другихъ одинаковыя: лукъ, стрѣлы, капканъ съ лукомъ, забойникъ, рогатина и ружье.

Всѣ домашнія работы у остяковъ исполняютъ женщины. Возвратится остякъ съ рыбной ловли или охоты, сядетъ или ляжетъ у огня и куритъ себѣ трубку, а жена въ это время дѣлаетъ для него все: и пищу приготовитъ, и одежду или рыболовную снасть починитъ, и дровъ для очага наколетъ. Вообще съ женщиною остякъ обращается весьма грубо: мало того, что принуждаетъ ее къ чрезмѣрному труду, но и бьетъ ее за малѣйшую неисправность по хозяйству.

Въ обыденной жизни остяки пользуются своими особыми единицами времени и пространства. Такъ, длину они мѣряютъ на ручную сажень, называемую „ешь-лалъ“; пространство они опредѣляютъ по оленьему бѣгу, называя словомъ „вылп-востанса“ такое разстояніе, которое олени пробѣгаютъ безъ отдыха, т. е. около 15 верстъ; время же остяки опредѣляютъ по варкѣ пищи въ котлѣ: ихъ слово „пудъ-сысъ“ буквально значитъ—котелъ времени, т. е. такой промежутокъ времени, въ который пища можетъ свариться въ котлѣ. Остальныя затѣмъ мѣры объема, вѣса, цѣны—у нихъ такія же, какъ и у русскихъ.

Значительная часть остяковъ крещена русскими священниками. Но вслѣдствіе разбросанности остяцкихъ селеній, а также вслѣдствіе полукочевого образа жизни остяковъ, духовенство не имѣетъ возможности надлежащимъ образомъ наставлять ихъ въ правилахъ христіанской вѣры; оно не имѣетъ даже возможности совершать свое-

временно церковныя требы: случается, что дѣти остяковъ-христіанъ до трехъ—четырехъ лѣтъ остаются некрещеными, а покойники ихъ погребаются безъ отпѣванія. Немудрено, что остякъ, хотя и носитъ на груди крестъ, однако придерживается и многихъ языческихъ обычаевъ. Очень многіе остяки имѣютъ, напр., по два имени: одно остяцкое, выражающее что-либо, замѣченное отцомъ при рожденіи ребенка, а другое—русское.

Остяки-язычники имѣютъ нѣкоторое понятіе о верховномъ божествѣ, живущемъ на небѣ. Божество это они называютъ „Торымъ" (добрый богъ, властитель вселенной) и думаютъ, что никто изъ людей не имѣетъ права утруждать его просьбами. Кромѣ „Торыма", остяки вѣруютъ въ низшихъ боговъ, которые имѣютъ власть дѣлать людямъ или добро, или зло, а потому и раздѣляются на добрыхъ и злыхъ. Остяки почитаютъ также идоловъ, которымъ приносятъ жертвы. Кромѣ идоловъ, чтимыхъ цѣлымъ родомъ, каждая семья имѣетъ своего идола, къ которому остякъ обращается съ просьбой о помощи, когда собирается на рыбный или звѣриный промыселъ. Возвратившись съ удачнаго промысла, онъ благодаритъ своего идола за оказанную ему помощь и приноситъ ему въ жертву кусокъ мяса; если уловъ былъ не вполнѣ удаченъ, ограничивается лишь тѣмъ, что мажетъ саломъ или кровью его губы; когда, наконецъ, уловъ былъ плохой, онъ сѣчетъ своего идола.

При бѣдствіи, постигшемъ цѣлый родъ, напр., при повальной болѣзни, при неуловѣ звѣрей или рыбы, совершается общее жертвоприношеніе. Шаманъ отправляется къ идолу и вопрошаетъ его о жертвахъ. Возвратившись, онъ объявляетъ народу волю божества. Остяки сходятся къ идолу и пригоняютъ оленей. Шаманъ, облекшись въ свой костюмъ, выкрикиваетъ передъ идоломъ просьбу собравшагося народа, потомъ начинаетъ бить въ бубенъ, кружиться, въ изступленіи кричать и кататься по землѣ. Затѣмъ онъ встаетъ и ударяетъ обреченнаго въ жертву оленя по головѣ. Одновременно съ этимъ остальные остяки пускаютъ въ того же оленя стрѣлы и добиваютъ его кольями, стараясь сразу уложить животное, такъ какъ скорая смерть жертвы, по ихъ мнѣнію, угодна идолу. Изъ убитаго оленя вынимаютъ сердце, выпускаютъ изъ него кровь и мажутъ ею губы идола. Затѣмъ всѣ присутствующіе пьютъ кровь жертвы и ѣдятъ ея сырое мясо. Кожу вмѣстѣ съ головой и ногами вѣшаютъ на дерево, стоящее на мѣстѣ жертвоприношенія.

Иногда остяки-язычники совершаютъ и празднества въ честь того или другого изъ своихъ идоловъ. Въ прежнее время такія празднества происходили у нихъ гораздо чаще, и вотъ какъ совершалось, напр., въ прежніе годы празднество въ честь остяцкаго идола Еленя.

Въ хижину, гдѣ помѣщался идолъ, собирались мужчины и женщины; какъ тѣ, такъ и другія, вошедши сюда, перевертывались по три раза передъ идоломъ. Затѣмъ мужчины садились на нарахъ по правую сторону, а женщины — по лѣвую. Когда всѣ были въ сборѣ, шаманъ начиналъ гремѣть желѣзными саблями и копьями, заранѣе приготовленными и лежавшими на шестахъ передъ кумиромъ; потомъ онъ раздавалъ ставшимъ въ рядъ мужчинамъ по саблѣ и копью, а самъ, взявъ въ обѣ руки по саблѣ и оборотившись къ идолу спиною, начиналъ ударять ими одна о другую. По этому сигналу остяки принимались качаться изъ стороны въ сторону, то поднимая оружіе, то опуская его, и сопровождая каждое тѣлодвиженіе дикими криками „гай-гай!" Чѣмъ долѣе остяки ревѣли и качались такимъ образомъ, тѣмъ

болѣе они приходили въ изступленіе. Наконецъ, утомившись, они смолкали, отдавали оружіе шаману и садились на нары. Тогда открывалась занавѣска, скрывавшая женщинъ, и являлась новая сцена. Начинала гудѣть домбра, — струнный инструментъ, имѣющій видъ лодки, — и подъ ея музыку остяки и остячки пускались въ плясъ. Послѣ пляски шаманъ снова раздавалъ мужчинамъ оружіе и повторялся предшествовавшій обрядъ. Такое празднество продолжалось иногда нѣсколько часовъ, съ вечера до полуночи.

Не ограничиваясь почитаніемъ идоловъ, остяки боготворятъ также нѣкоторыя горы, камни, деревья и другіе предметы, произведшіе на нихъ особенно сильное впечатлѣніе. Мѣста возлѣ этихъ предметовъ священны: на нихъ остякъ не осмѣлится ни напиться воды, ни срубить вѣтку, ни нарвать травы.

Клятвѣ остяки, какъ и самоѣды, придаютъ чрезвычайно большое значеніе: остякъ никогда не осмѣлится прикрыть клятвой свое преступленіе или измѣнить тому, что подтвердилъ присягой. Остяки-язычники даютъ клятву обыкновенно въ одной изъ слѣдующихъ формъ: или обвиняемый беретъ раскаленный уголекъ и держитъ его нѣсколько секундъ въ зубахъ, затѣмъ, вынувъ его, произноситъ: „если я виноватъ и говорю неправду, то да сожжетъ меня огонь"; или онъ беретъ въ ротъ полный глотокъ воды, затѣмъ выплевываетъ ее и произноситъ: „если говорю неправду, то волны рѣки поглотятъ меня"; или, наконецъ, онъ цѣлуетъ голову, лапу или зубъ медвѣдя и произноситъ: „если говорю неправду, то медвѣдь да растерзаетъ меня". Эта послѣдняя форма клятвы считается самой страшной.

Что касается браковъ, то необходимою принадлежностью каждаго брака у остяковъ, какъ и у самоѣдовъ, служитъ уплата за невѣсту калыма. Обыкновенно остякъ, желающій женить своего сына, первымъ дѣломъ посылаетъ къ родителямъ невѣсты свата, который ведетъ переговоры относительно количества калыма. Иногда сватъ нѣсколько разъ побываетъ то у родителей невѣсты, то у родителей жениха, прежде чѣмъ между ними состоится соглашеніе. Родители невѣсты обыкновенно запрашиваютъ какъ можно больше калыма, такъ какъ величиной послѣдняго опредѣляется достоинство невѣсты; а родители жениха, напротивъ, упрашиваютъ уменьшить калымъ. Уплачивается послѣдній оленями, деньгами, мѣхами и одеждой. Если женихъ не въ состояніи сразу уплатить весь калымъ, ему даютъ отсрочку. Въ свой черёдъ родители невѣсты даютъ за дочерью приданое, состоящее обыкновенно изъ одежды, юрты, домашней утвари, оленей и т. п.; иногда въ приданое идетъ и часть калыма, полученнаго отъ жениха. Кромѣ уплаты калыма, у нѣкоторыхъ остяковъ существуетъ довольно оригинальный обычай принесенія свадебныхъ подарковъ. Женихъ беретъ котелъ или туязокъ съ подарками, идетъ къ невѣстѣ, которая ждетъ его, закрытая покрываломъ, кладетъ передъ нею подарки и уходитъ. Невѣста, откинувъ покрывало, пересматриваетъ подарки и, если находитъ, что ихъ недостаточно, выбрасываетъ все изъ котла или туязка, а сама садится попрежнему подъ покрывало, поддерживаемое съ боковъ двумя остячками—свахами. Черезъ нѣсколько времени женихъ снова входитъ и, видя, что его подарки разбросаны, собираетъ и уноситъ ихъ въ свою хижину, гдѣ перемѣняетъ подарки или добавляетъ новыми и снова приходитъ. Такимъ образомъ невѣста можетъ браковать подарки нѣсколько разъ, причемъ женихъ всякій разъ пополняетъ или замѣняетъ ихъ новыми. Наконецъ, когда подарки понравятся невѣстѣ, она укладываетъ ихъ въ порядкѣ въ котелъ, и это

служитъ знакомъ для жениха, что она согласна выйти за него замужъ. Тотчасъ же въ хижину родителей невѣсты собираются родные и знакомые молодыхъ; начинается угощеніе ихъ рыбой, олениной, мясомъ дикихъ звѣрей и нерѣдко водкой; иногда подъ звуки „домбры“ или „лебеди“ устраивается пляска.

У крещеныхъ остяковъ бракосочетаніе совершается священникомъ; родство и свойство считается у нихъ, согласно правиламъ церкви, препятствіемъ къ заключенію брака. У некрещеныхъ же остяковъ браки не допускаются только въ самомъ близкомъ родствѣ. Такъ, родные братья и сёстры не могутъ вступить между собою въ бракъ, двоюродные же — могутъ; два остяка могутъ для женитьбы мѣняться родными сестрами и т. п. Вдова умершаго остяка-язычника принадлежитъ, какъ наслѣдственная собственность, ближайшему родственнику покойнаго, родному или двоюродному брату или племяннику; если же онъ откажется отъ нея, то вдова можетъ выйти замужъ по своему желанію,—не ранѣе, впрочемъ, какъ по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ и десяти дней со дня смерти мужа.

Съ приближеніемъ времени родовъ, остячка переселяется изъ общей въ особую хижину, гдѣ и живетъ около четырехъ недѣль послѣ рожденія у нея младенца. Туда ей приносятъ пищу и все нужное. По истеченіи означеннаго времени родильница окуривается и возвращается къ мужу, въ общую хижину.

Къ своимъ больнымъ остяки относятся съ большимъ участіемъ. Если въ хижинѣ лежитъ больнымъ кто-нибудь изъ членовъ семьи, остякъ считаетъ своею обязанностью оставаться при немъ, хотя бы самая настоятельная надобность требовала его отлучки изъ деревни. Для излѣченія больного остяки нерѣдко прибѣгаютъ къ помощи шамановъ. Лучшимъ лѣкарствомъ отъ всякой болѣзни они считаютъ медвѣжью желчь, разбавленную водою, а также порошокъ изъ медвѣжьяго зуба.

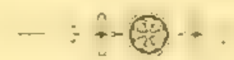
Покойника остяки погребаютъ въ томъ же платьѣ, въ которомъ онъ умеръ. Передъ погребеніемъ они обвертываютъ его въ бересту, а въ могилу его кладутъ тѣ вещи, которыя ему необходимы были при жизни: лукъ, стрѣлы, съѣстное, трубку, табакъ и т. п. На могилѣ нерѣдко убиваютъ его любимыхъ оленя и собаку. Жена и дочери покойника, въ знакъ сожалѣнія и скорби, царапаютъ себѣ до крови лицо, вырываютъ волосы и бросаютъ ихъ на трупъ, вѣруя, что душа его черезъ шесть недѣль придетъ узнать, насколько о немъ сожалѣли оставшіеся въ живыхъ, и будетъ радоваться, если увидитъ, что о немъ сильно сожалѣли. Послѣ погребенія остяка, жена и дѣти его дѣлаютъ, подобно самоѣдамъ, чурбанъ, одѣваютъ его въ платье покойнаго и кладутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ покойный любилъ лежать. Съ этимъ чурбаномъ обходятся такъ же, какъ, бывало, обходились съ умершимъ, а по истеченіи года съ плачемъ зарываютъ его въ землю.

Главной пищей остяковъ служитъ рыба, которую они ѣдятъ въ самыхъ различныхъ видахъ: и сырую, и вареную, и вяленую; второе мѣсто въ столѣ ихъ занимаетъ оленье мясо; не брезгаетъ впрочемъ остякъ и мясомъ дикихъ звѣрей: песцовъ, лисицъ, волковъ и др. Хлѣба остяки ѣдятъ мало; но изъ ржаной муки пекутъ въ золѣ прѣсныя лепешки или варятъ „салыкъ“ — похлебку, заправленную рыбьимъ жиромъ. Лакомствомъ для нихъ служитъ „варка“ — рыбьи брюшки и кишки, уваренныя до-густа въ рыбьемъ жирѣ, и „поземы“, т. е. хребты моксуновъ (рыбы), провяленные лѣтомъ на солнцѣ. Лѣтомъ они лакомятся также дичью, которую ловятъ въ большомъ количествѣ, а зимою — „строганиной“: стругаютъ ножомъ мерзлую

рыбу и эти стружки ѣдятъ съ солью или безъ нея. Во время же переѣздовъ съ одного мѣста на другое главною пищею остяка служитъ толченая въ порошокъ сухая рыба.

Водку, подобно самоѣдамъ, остяки любятъ до страсти. Напиться до-пьяна для нихъ величайшее наслажденіе. Каждое сколько-нибудь радостное событіе сопровождается повальнымъ пьянствомъ, за которымъ, какъ водится, слѣдуютъ ссоры и драки по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Получаютъ водку остяки большею частью отъ русскихъ торговцевъ, въ обмѣнъ за рыбу, мѣха и оленину, а также изъ буфетовъ пассажирскихъ пароходовъ, плавающихъ по рѣкѣ Оби. Какъ только присталъ къ берегу пароходъ, сейчасъ къ нему подъѣзжаютъ или подходятъ остяки съ рыбой и спрашиваютъ: „Кабакъ есть?" т. е. есть ли буфетъ?... Если остякъ видитъ, что у него недостаточно водки, онъ, для усиленія ея дѣйствія, кладетъ въ чашку нюхательнаго табаку, наливаетъ водкой, размѣшиваетъ и эту смѣсь пьетъ.

Вообще табакъ остяки любятъ не менѣе водки и охотно курятъ, нюхаютъ, даже жуютъ его. Выкурить трубку табаку или сжевать щепотку его — составляетъ для каждаго остяка большое удовольствіе.

III.

ВОГУЛЫ.

Сибирскіе вогулы разбросаны въ Тобольской губерніи, отъ Урала до рѣки Иртыша и Оби. Всѣхъ ихъ насчитывается въ настоящее время до четырехъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ одни ведутъ еще бродячій образъ жизни, другіе же перешли уже къ осѣдлости.

Этнографически вогулы принадлежатъ къ финскому племени, - слѣдовательно, родственны остякамъ, самоѣдамъ и другимъ инородцамъ того же племени. Оттого и типъ ихъ представляетъ значительное сходство съ типами этихъ инородцевъ: они средняго роста, нѣсколько сутуловаты; лицо ихъ широкое, съ выдавшимися скулами, узкими, косо лежащими глазами и рѣдкой бородой; волосы на головѣ ихъ чернаго цвѣта,- встрѣчаются, впрочемъ, и рыжіе.

Одежда вогуловъ, ведущихъ бродячій образъ жизни, шьется изъ шкуръ оленей и дикихъ звѣрей и покроемъ своимъ похожа на одежду самоѣдовъ; осѣдлые же вогулы носятъ одежду, похожую на одежду русскихъ крестьянъ.

Жилищемъ для осѣдлыхъ вогуловъ служатъ избушки, а для бродячихъ—землянки и чумы, покрытые лѣтомъ берестой, а зимою шкурами звѣрей. Внутри избушки бываетъ большею частью грязно и дымно. Домашняя утварь состоитъ изъ котла, деревянныхъ мисокъ, берестяныхъ кузовковъ и мѣшковъ изъ оленьей шкуры. Почти передъ каждой избушкой можно видѣть вмазанный въ глиняную каменку котелъ, въ который бросаютъ кости животныхъ и рыбъ для варки ихъ собакамъ. Въ этомъ же котлѣ вогулка паритъ и грязное бѣлье.

По своему характеру вогулы отъ природы флегматичны, малоподвижны и молчаливы. На лицѣ ихъ рѣдко можно замѣтить выраженіе удовольствія. Даже будучи пьяными, они сохраняютъ угрюмое выраженіе лица. Но при всемъ томъ они никогда не жалуются на свою жизнь. Сжатыя губы и глубокій, сумрачный взглядъ ихъ выражаютъ упорство и терпѣніе. Въ прежнее время вогулы были довольно воинственны; въ настоящее же время они отличаются мирнымъ и спокойнымъ характеромъ. Къ начальствующимъ лицамъ они относятся съ почтеніемъ и считаютъ даже невозможнымъ ослушаться приказанія кого-нибудь изъ властей. Ясакъ они вносятъ аккуратно и видимо гордятся этимъ. Сдавая чиновнику принесенный ясакъ, вогулъ не преминетъ заявить ему, что и въ будущее время онъ будетъ также аккуратенъ. Къ собственному положенію вогулы относятся довольно равнодушно; случается, что въ семьѣ нѣтъ куска пищи, а вогулъ преспокойно куритъ свою трубку или играетъ въ карты. При продажѣ своего товара русскимъ купцамъ вогулы проявляютъ осторожность и даже хитрость: но если купецъ попотчуетъ водкой продавца-вогула, осторожность послѣдняго исчезаетъ; онъ становится мягкимъ и сговорчивымъ, выкладываетъ передъ покупателемъ все свое богатство и изъ-за лишняго штофа водки готовъ продать за

безцѣнокъ свой лучшій пушной товаръ. Гостепріимствомъ вогулы отличаются подобно всѣмъ вообще инородцамъ. Вогулъ охотно приметъ гостя въ своей избушкѣ и угостить его тѣмъ, что имѣетъ. Несмотря на свою бѣдность, они никогда также не отказываютъ въ помощи другъ другу.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія значительная часть вогуловъ была крещена. Крещеные вогулы не прекословятъ требованіямъ священниковъ и исполняютъ наружные обряды христіанской церкви: но духомъ христіанскаго ученія они еще далеко не прониклись и къ христіанскимъ обрядамъ нерѣдко присоединяютъ обряды своей прежней, языческой, религіи. Что касается некрещеныхъ вогуловъ, то они имѣютъ такія же религіозныя вѣрованія, какъ и остяки-язычники. Высшимъ божествомъ они, подобно остякамъ, считаютъ Торыма, жилищемъ котораго служитъ небо. Кромѣ главнаго бога, они признаютъ и второстепенныхъ боговъ. Поклоняются они

также идоламъ, которыхъ помѣщаютъ или въ избушкахъ, или въ рощахъ, на деревьяхъ. Наибольшимъ почетомъ пользуются у нихъ идолы: Ортикъ и Золотой идолъ. Святилище послѣдняго находилось (по свидѣтельству нѣкоторыхъ лицъ и теперь еще находится) въ одной возвышенной долинѣ Уральскихъ горъ, среди болотъ и дремучихъ лѣсовъ. Женщины, которымъ случалось проходить мимо этого священнаго мѣста, не имѣли права даже взглянуть на верхушки деревьевъ, подъ сѣнью которыхъ укрывалось божество. Въ честь Золотого идола вогулы нерѣдко совершали празднества, на которыхъ въ жертву идолу приносилась лошадь, и присутствующіе

пили жертвенную кровь изъ священной чаши. Поклоненіе домашнимъ идоламъ совершается вогулами обыкновенно при пылающемъ очагѣ. Высшимъ выраженіемъ религіознаго чувства служитъ у нихъ бичеваніе себя передъ идолами прутьями или сухими олеными кишками. Подобно тому, какъ у самоѣдовъ, и у вогуловъ сохранилась еще вѣра въ силу шамановъ; къ послѣднимъ они прибѣгаютъ для заклинаній или для устраненія несчастія. Само собою разумѣется, что тѣ изъ вогуловъ, которые живутъ вдали отъ русскихъ крестьянъ и потому не имѣютъ съ ними никакого общенія, въ большей мѣрѣ придерживаются своихъ старыхъ религіозныхъ вѣрованій и обычаевъ, чѣмъ тѣ, которые живутъ по сосѣдству съ русскими и находятся съ ними въ постоянномъ общеніи; послѣдніе въ значительной мѣрѣ отстали отъ своихъ прежнихъ вѣрованій и обычаевъ и по своимъ религіознымъ понятіямъ приближаются къ своимъ сосѣдямъ—русскимъ.

Грамотность у вогуловъ не распространена. Трудно найти вогула, который умѣлъ бы читать или писать. Для обозначенія своихъ животныхъ или вещей, они, какъ и другіе сѣверные инородцы, употребляютъ тамги или клейма, изображающія или лукъ, или кольцо, или дерево, или другой какой-нибудь предметъ. Эти же клейма они употребляютъ для засвидѣтельствованія, если представляется надобность, церковнаго или гражданскаго документа. Въ лѣсахъ они вырѣзываютъ свои клейма на стволахъ деревьевъ, для того, чтобы дать знать о своемъ проходѣ тѣмъ, которые пройдутъ послѣ нихъ. Каждый родъ имѣетъ свою тамгу, которая переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Случается, что вогулъ отпечатываетъ ее на своей рукѣ или ногѣ.

Народная поэзія вогуловъ крайне бѣдна. У нихъ нельзя услышать ни героической, ни бытовой пѣсни, которая переходила бы изъ рода въ родъ. Если иногда вогулъ и поетъ своимъ заунывнымъ, плаксивымъ тономъ пѣсню, то въ ней онъ выражаетъ лишь свои моментальныя ощущенія, имѣющія мало значенія для другихъ. Случается, что онъ сопровождаетъ свою малосодержательную пѣсню бренчаніемъ на струнномъ инструментѣ самаго первобытнаго устройства („санкультенъ“, „нерненвъ“).

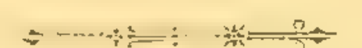
За жену вогулы уплачиваютъ калымъ, который простирается отъ 15 до 60 руб. Выплативши условленный калымъ, вогулъ-христіанинъ обращается къ священнику, чтобы тотъ совершилъ обрядъ бракосочетанія. Положеніе женщины у вогуловъ тяжелое: на нее взвалена большая часть домашней работы. О воспитаніи дѣтей своихъ вогулы мало заботятся; по мѣрѣ того, какъ ребенокъ подростаетъ, онъ самъ перенимаетъ отъ окружающихъ лицъ тѣ немногосложныя знанія, обладаніе которыми необходимо въ вогульскомъ быту. Для помѣщенія своихъ маленькихъ дѣтей вогулы устраиваютъ изъ берестоваго листа колыбели. Колыбель сгибается подъ угломъ и подвѣшивается къ перекладинѣ въ хижинѣ или чумѣ. На дно колыбели стелются стружки, которыя покрываются мѣхомъ. Въ такую колыбель кладутъ ребенка, покрываютъ его оленьей шкурой, а чтобы онъ не вываливался, привязываютъ его къ ней по рукамъ и ногамъ.

Занятія осѣдлыхъ вогуловъ почти ничѣмъ не отличаются отъ занятій сосѣднихъ русскихъ крестьянъ: они также преимущественно занимаются земледѣліемъ, причемъ сѣютъ рожь и ячмень; по вслѣдствіе суровости климата, хлѣбъ не всегда созрѣваетъ, и занятіе земледѣліемъ мало обезпечиваетъ ихъ существованіе. Поэтому многіе вогулы занимаются и другими промыслами, особенно рыболовствомъ и пчело-

водствомъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ до 70 ульевъ. Скотоводствомъ, какъ промысломъ, осѣдлые вогулы не занимаются; земледѣльцы держатъ лишь столько лошадей, сколько необходимо для ихъ полевыхъ работъ. Рогатаго скота у нихъ немного,—только болѣе зажиточные имѣютъ по двѣ или по три коровы. Что касается бродячихъ вогуловъ, то они занимаются, подобно самоѣдамъ, оленеводствомъ; но главное ихъ занятіе состоитъ въ охотѣ. Какъ только земля покроется первымъ снѣгомъ, вогулы небольшими партіями отправляются на промыселъ за пушнымъ звѣремъ. Подъ ноги они подвязываютъ деревянныя, обшитыя оленьей шкурой, лыжи; провизію и охотничьи принадлежности складываютъ въ нарты и везутъ съ собой. При охотѣ значительную услугу вогуламъ, какъ и другимъ сѣвернымъ инородцамъ, оказываютъ собаки, которыя бѣгутъ передъ хозяиномъ, отыскиваютъ звѣря и своеобразнымъ лаемъ даютъ ему объ этомъ знать. Въ концѣ зимы или лѣтомъ звѣроловы продаютъ пріѣзжающимъ русскимъ или зырянскимъ торговцамъ заготовленный пушной товаръ; нѣкоторые же изъ нихъ для сбыта своего товара сами ѣздятъ въ различные торговые пункты, особенно въ Обдорскъ.

Пища вогуловъ всецѣло находится въ зависимости отъ ихъ занятій. Такъ, вогулы-земледѣльцы питаются хлѣбомъ, ягодами, кедровыми орѣхами, а иногда рыбой и мясомъ; рыболовы питаются преимущественно рыбой; звѣроловы же — мясомъ убитыхъ ими звѣрей. Самымъ вкуснымъ считается ими мясо лосей. Слѣдуетъ замѣтить, что вогулы вообще неразборчивы въ пищѣ. При голодѣ они ѣдятъ что ни попадается. Рыбу они варятъ вмѣстѣ съ внутренностями. Случается, что если у вогула истощился запасъ пищи, а голодъ между тѣмъ даетъ себя чувствовать, то онъ собираетъ давно выброшенныя кости, разбиваетъ ихъ и варитъ. Посуда, въ которой приготовляется и держится пища, большею частью бываетъ страшно грязна, такъ какъ почти никогда не моется.

Многіе вогулы, подобно остякамъ, курятъ, нюхаютъ и жуютъ табакъ. Нюхательный табакъ они держатъ въ рожкахъ или костяныхъ табакеркахъ, а курительный—въ кожаныхъ мѣшкахъ или кисетахъ, сдѣланныхъ изъ лапокъ лебедя: лапку очищаютъ отъ косточекъ, надуваютъ, сушатъ,—и кисетъ готовъ. Курятъ изъ костяныхъ трубочекъ.

IV.

БУРЯТЫ.

Буряты съ давнихъ поръ поселились вокругъ Байкальскаго озера, въ Иркутской губерніи и Забайкальской области, на пространствѣ отъ запада къ востоку почти на тысячу верстъ. Мѣстность, занятая ими, представляетъ всѣ удобства въ жизни: поля даютъ хорошіе урожаи, степи обильны кормовыми травами, горы, окаймляющія степную полосу, покрыты густыми лѣсами, гдѣ въ изобиліи водятся дикіе звѣри. Прибавимъ къ этому, что горныя вершины питаютъ множество рѣчекъ и ручьевъ, орошающихъ степи и поля. На означенномъ пространствѣ живетъ около 250 тысячъ бурятъ, изъ которыхъ одни перешли уже къ осѣдлому образу жизни, другіе же продолжаютъ кочевать на просторѣ степей.

Буряты—монгольскаго происхожденія, что видно какъ изъ языка, такъ и изъ внѣшняго вида ихъ. Подобно монголу, бурятъ имѣетъ коричнево-бронзовый цвѣтъ кожи, широкое, плоское лицо, небольшой приплюснутый носъ, узкіе, косо расположенные, черные глаза, оттопыренныя уши и большой ротъ. Рѣдкая бородка бываетъ только у стариковъ; молодые же тщательно выщипываютъ ее. Голову буряты бреютъ, но не всю: они оставляютъ на макушкѣ длинную косу, которая спускается на спину. Замужнія женщины заплетаютъ свои волосы въ двѣ косы, спускаемыя на грудь; дѣвушки же заплетаютъ волосы во множество мелкихъ косичекъ. Если волосы недостаточно густы и длинны, то прибавляютъ къ нимъ фальшивыя косы, часто сдѣланныя изъ конскихъ волосъ. На концахъ косъ у женщинъ и дѣвушекъ нерѣдко бываютъ привѣшены различныя металлическія украшенія и серебряныя деньги. Вообще бурятскія женщины—большія щеголихи: въ ушахъ многія изъ нихъ носятъ перегнутыя кожаныя пластинки, обшитыя бусами и металлическими блестками, на шеѣ—ожерелья изъ разныхъ бусъ, перемѣшанныхъ съ монетами, а на пальцахъ—массивныя серебряныя кольца. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ на головѣ коническія мѣховыя шапки, съ цвѣтною шелковою кистью на верхушкѣ. Лѣтомъ буряты ходятъ въ бумажныхъ, а богатые нерѣдко въ шелковыхъ халатахъ; зимою же обыкновенную одежду ихъ составляютъ бараньи тулупы, которые у богатыхъ бываютъ покрыты шелковой матеріей и обшиты на груди и по подолу соболемъ. Верхняя одежда женщинъ похожа на одежду мужчинъ, только у первыхъ она бываетъ болѣе украшена, чѣмъ у послѣднихъ. Мужчины опоясываются кожанымъ или тканымъ поясомъ, на которомъ висятъ: ножъ собственнаго издѣлія, кошелекъ съ огнивомъ, кремнемъ и трутомъ, кисетъ для табаку и маленькая металлическая трубка, называемая ганзой.

Живутъ буряты небольшими селеніями или улусами. Жилищемъ осѣдлыхъ бурятъ служатъ небольшія деревянныя избушки, а кочевые обитаютъ въ круглыхъ, покрытыхъ кошмами юртахъ. Полъ въ юртахъ—земляной, у богатыхъ устланъ вой-

локомъ и коврами. По сторонамъ въ юртѣ разставляются сундуки, а на стѣнахъ развѣшиваются сѣдла, конская сбруя, серебряныя украшенія и т. п. вещи. Посрединѣ юрты устраивается очагъ, надъ которымъ стоитъ треногъ. Возлѣ юрты устраиваются загородки для скота.

Каждый бурятскій родъ помѣщается въ нѣсколькихъ юртахъ, огороженныхъ загородкою изъ жердей. Юрты въ загородкѣ обыкновенно размѣщаются такъ: по срединѣ стоитъ юрта старшаго въ родѣ бурята, по бокамъ ея—юрты женатыхъ сыновей его, въ сосѣднихъ загородкахъ помѣщаются семейства близкихъ родственниковъ, напр., братьевъ, а въ болѣе отдаленныхъ живутъ дальніе родственники. Каждый родовой кругъ имѣетъ общія пашни, покосы, скотъ и т. п. Всѣ члены круга работаютъ сообща, а иногда даже и ѣдятъ вмѣстѣ. Вообще слѣдуетъ сказать, что въ

бытѣ бурятъ въ значительной мѣрѣ проявляется родовое, патріархальное начало. Сибирскіе крестьяне говорятъ про нихъ: „Да, у „братскихъ" не по-нашему, все артельно: ломоть хлѣба—и тотъ дѣлятъ всѣмъ по одинаковымъ кусочкамъ".

Управляются буряты своими начальниками —тайшами и старшинами — шуленгами. Для нѣсколькихъ родовъ, соединенныхъ между собою, учреждены степныя думы изъ старшинъ. Въ этихъ думахъ, подъ предсѣдательствомъ тайши, рѣшаются дѣла по бурятскимъ законамъ и обычаямъ. Впрочемъ, за возмущеніе, буйство, грабежъ и дѣланіе фальшивой монеты буряты судятся въ общихъ русскихъ присутственныхъ мѣстахъ.

Всѣ буряты считаются равноправными между собою: они не знаютъ сословныхъ различій. Даже бурятъ-работникъ, вступившій въ услуженіе въ юрту богатаго бурята, не считается работникомъ, а помощникомъ или товарищемъ.

По своему характеру буряты вообще миролюбивы и кротки; но если ихъ оскорбятъ, они мстительны и даже злы. Взаимная помощь развита у нихъ весьма сильно: нищій бурятъ всегда можетъ найти себѣ пріютъ и убѣжище въ любой юртѣ.

безродный или сирота можетъ самъ, вошедши въ юрту, взять себѣ съѣстного и т. п. Родныя степи свои буряты любятъ страстно и въ городѣ всегда чувствуютъ себя угнетенными. Какъ только начнется весна и степь покроется зеленью и цвѣтами, бурята неудержимо тянетъ въ степь; вслѣдствіе чего они большею частью и нанимаются въ услуженіе въ городѣ только по 9-е мая. И лишь только бурятъ вырвется изъ душнаго города на просторъ степей, онъ становится неузнаваемымъ: въ городѣ онъ выглядѣлъ запуганнымъ, боязливымъ, тутъ же, въ степи, становится бодрымъ, смѣлымъ, и горделиво разъѣзжаетъ верхомъ на лошади.

По религіи буряты принадлежатъ къ тремъ вѣроисповѣданіямъ: христіанскому, шаманскому и ламайскому. Значительная часть бурятъ, особенно живущихъ на западъ отъ Байкальскаго озера, обращена въ христіанство русскими миссіонерами. Они ходятъ въ православную церковь и обращаются къ священникамъ съ просьбою совер-

шать установленныя церковныя требы. Въ улусахъ, отстоящихъ далеко отъ русскихъ церквей, устроены часовни, въ которыхъ совершается богослуженіе на бурятскомъ языкѣ, на который переведены миссіонерами нѣкоторыя священныя книги.

Буряты, къ которымъ не проникло еще ни христіанство, ни ламайская религія, исповѣдуютъ старую шаманскую религію. По вѣрованію бурятъ-шаманистовъ, водами, горами, рѣками, огнемъ и людьми, — словомъ, всею природою управляютъ особые духи, стоящіе на различныхъ ступеняхъ могущества и силы. Нѣтъ сомнѣнія, что на созданіе такой религіи имѣло вліяніе созерцаніе окружающей природы со всѣми ея явленіями, то страшными, то ласкающими. Особенно природа озера Байкала и окру-

жающей его мѣстности не могла не повліять на бурятъ въ этомъ направленіи. Страшныя бури, часто бывающія здѣсь, дикія скалы, окружающія это озеро,—все это невольно должно было возбуждать фантазію бурятъ, которая и создала цѣлый міръ духовъ. Около Байкальскаго озера указываютъ много мѣстъ, гдѣ пребываютъ эти духи. Однимъ изъ такихъ мѣстъ является каменный островъ, находящійся на рѣкѣ Ангарѣ, въ сга саженяхъ отъ выхода ея изъ Байкала. На этомъ островѣ буряты встарину давали клятву: пріѣхавши на лодкѣ къ острову, они заставляли обвиняемаго взойти на самый верхъ его и здѣсь присягнуть въ справедливости своихъ показаній; увѣренность въ присутствіи на островѣ духовъ, которые слышать даваемую присягу, побуждала обвиняемаго сказать правду. Кромѣ поклоненія духамъ, которые управляютъ предметами и явленіями окружающаго міра, исповѣдующіе шаманскую религію буряты поклоняются также духамъ умершихъ людей, ознаменовавшихъ жизнь свою добродѣтелями, мужествомъ или другими заслугами.

Съ духами, по вѣрованію бурятъ-шаманистовъ, могутъ находиться въ общеніи только шаманы, которые поэтому въ состояніи узнавать волю духовъ и предсказывать судьбу людей. Но для того, чтобы имѣть общеніе съ духами, шаманъ долженъ предварительно придти въ экстазъ. Приготовляясь къ этому, онъ прежде всего облекается въ свой шаманскій костюмъ, оторочениый краснымъ сукномъ и увѣшанный множествомъ металлическихъ пластинокъ, бубенчиковъ, хвостами различныхъ звѣрей, иглами дикобразовъ и т. п. Круглый бубенъ также составляетъ необходимую принадлежность каждаго шамана. Обращаясь къ духамъ, послѣдній бьетъ въ бубенъ, сначала тихо, потомъ все сильнѣе и быстрѣе. По временамъ шаманъ прекращаетъ эту музыку и дѣлаетъ видъ, что прислушивается, потомъ снова усиленно бьетъ въ бубенъ и при этомъ выкрикиваетъ обращенія къ духамъ. Наконецъ онъ впадаетъ въ экстазъ, глаза его свѣтятся и горятъ лихорадочнымъ огнемъ, пѣна выступаетъ изо рта,—и въ этомъ состояніи онъ начинаетъ предсказывать. Кромѣ предсказываній, шаманы занимаются также лѣченіемъ больныхъ, причемъ не только обращаются за помощью къ духамъ, но и даютъ больному разныя лѣкарства.

Не всякій изъ бурятъ можетъ быть шаманомъ,—для этого нужна продолжительная подготовка. Обыкновенно шаманъ избираетъ себѣ одного ученика, большею частью изъ своихъ сыновей или родственниковъ, котораго и посвящаетъ въ шаманское искусство. Готовясь сдѣлаться шаманомъ, ученикъ этотъ повсюду слѣдуетъ за своимъ учителемъ, ведетъ жизнь замкнутую и воздержную и постояннымъ упражненіемъ мало-по-малу вырабатываетъ въ себѣ способность впадать въ экстазъ и шаманить.

Третья религія, исповѣдуемая бурятами,—это ламайская, проникшая къ нимъ въ концѣ XVII столѣтія изъ Китая и составляющая отрасль буддійской религіи. Характерною чертою ламайства является существованіе многочисленной духовной іерархіи, члены которой, нося общее названіе ламъ, строго различаются по степенямъ, отъ послѣдняго прислужника при кумирнѣ до „хамбо-ламы“ включительно. Ламы обладаютъ нѣкоторымъ образованіемъ: они знакомы съ буддійскими религіозными сочиненіями и нѣкоторыми медицинскими свѣдѣніями. Для совершенія религіозныхъ обрядовъ ламаитамъ служатъ кумирни (дацаны), которыя строятся обыкновенно въ центрѣ нѣсколькихъ улусовъ и имѣютъ видъ обыкновенной избы или юрты. У стѣны кумирни, противоположной входу, помѣщаются на возвышеніи идолы (бурханы),

жертвенные сосуды, чашки съ зернами и водой и благовонныя китайскія свѣчи кирпичнаго цвѣта. Прихожане располагаются у стѣнъ. Женщины стоятъ внѣ кумирни. Передъ бурханами ламы совершаютъ различные религіозные обряды. Обрядъ, напр., освященія воды совершается ими такъ: лама помѣщаетъ передъ стоящимъ на кумирнѣ

идоломъ круглое мѣдное зеркало, такъ чтобы въ немъ отразилось изображеніе идола; затѣмъ чрезъ это зеркало льетъ воду въ мѣдную чашку; вода, стекающая съ зеркала, считается священною, такъ какъ приняла въ себя изображеніе божества. При совер-

шеніи религіозныхъ обрядовъ ламы перемежаютъ чтеніе молитвъ и отрывковъ изъ священныхъ книгъ звономъ въ колокольчики, а помощники ихъ въ это время бьютъ въ бубны и трубятъ въ рога.

Кромѣ участія въ общественномъ богослуженіи въ кумирнѣ, буряты, исповѣдующіе ламайскую религію, совершаютъ религіозные обряды и у себя дома, для чего почти въ каждой юртѣ помѣщаются на высокомъ сундукѣ или столикѣ бурханы, чашечки и свѣчи. Мало того, передъ нѣкоторыми юртами устраиваются вертящіеся на шестѣ цилиндры, исписанные молитвами. Движеніе этихъ цилиндровъ, по понятіямъ бурятъ, замѣняетъ личныя молитвы. Сколько разъ повернется цилиндръ, столько разъ число молитвъ, написанное на немъ, зачтется въ заслугу буряту. Усталъ бурятъ или лѣнь ему прочитать положенныя молитвы,—онъ поворачиваетъ нѣсколько разъ цилиндръ,— и готово. Подобные же вертящіеся цилиндры съ наклеенными или написанными на нихъ молитвами находятся и наверху каждой кумирни.

Доходъ ламъ состоитъ изъ добровольныхъ пожертвованій прихожанъ и изъ платы за леченіе, совершеніе религіозныхъ обрядовъ и разрѣшительныя грамоты, состоящія изъ лоскутковъ бумаги, на которыхъ нарисовано изображеніе Будды. Ламы увѣряютъ своихъ прихожанъ, что безъ этого изображенія, носимаго при себѣ въ мѣшкѣ, нѣтъ спасенія.

Многіе изъ бурятъ, исповѣдующихъ ламайскую религію, почитаютъ, наравнѣ съ христіанами, св. Николая Чудотворца и св. Иннокентія Иркутскаго. Въ день св. Николая Чудотворца, 9-го мая, молодые и старые буряты ѣдутъ въ православную церковь поклониться иконѣ Чудотворца. При входѣ въ храмъ они покупаютъ свѣчи и идутъ съ ними къ празднуемой иконѣ. Здѣсь они падаютъ ницъ со сложенными на лбу ладонями и произносятъ имя угодника („Хутухту Михола“), затѣмъ приближаются къ подсвѣчнику, чтобы возжечь свои свѣчи, послѣ чего опять читаютъ молитвы, сопровождая ихъ частыми поклонами. Нерѣдко случается также, что богатые буряты бросаютъ къ подножію иконы мѣдныя и серебряныя монеты. Послѣ праздничнаго богослуженія начинается пиръ, причемъ водка (арака) играетъ важную роль: буряты и вообще не прочь выпить, а въ такой день, какъ праздникъ св. Николая, считаютъ даже грѣхомъ не выпить. Въ день св. Николая они ходятъ въ гости къ русскимъ и сами принимаютъ ихъ у себя.

Лѣтосчисленіе буряты ведутъ по цикламъ (кругамъ); каждый кругъ состоитъ изъ 12 лѣтъ, носящихъ имена разныхъ звѣрей. Дни недѣли хотя и считаются бурятами, но не носятъ особыхъ названій.

Народная поэзія бурятъ довольно богата. Они имѣютъ миѳическіе разсказы, былины и сказки. Эпическая поэзія у нихъ, повидимому, богаче лирической.

У бурятъ, какъ и у всѣхъ другихъ инородцевъ Сибири, существуетъ масса оригинальныхъ обрядовъ при различныхъ случаяхъ ихъ жизни. На первомъ планѣ изъ этихъ обрядовъ стоятъ обряды брачные.

Бракъ у бурятъ совершается послѣ уплаты женихомъ родителямъ невѣсты калыма, который бываетъ иногда очень значителенъ, такъ что выплачивается нерѣдко впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Иногда буряты покупаютъ малолѣтнихъ дѣвочекъ, которыхъ, по воспитаніи, выдаютъ за своихъ сыновей; иногда же родители обмѣниваются своими дѣтьми, такъ что дочь одного бурята выходитъ за сына другого, а дочь послѣдняго—за сына перваго.

Самый бракъ у бурятъ-ламаитовъ совершается такъ: приглашенный лама по священнымъ книгамъ опредѣляетъ день для совершенія свадебнаго обряда. Наканунѣ свадьбы какъ у невѣсты, такъ и у жениха убиваютъ барановъ и быковъ для угощенія гостей. Въ день свадьбы женихъ со своими друзьями отправляется къ юртѣ невѣсты; ея подруги, завидѣвъ приближающихся юношей, становятся кругомъ невѣсты и, схватившись руками, составляютъ изъ себя цѣпь. Женихъ и друзья его стараются разорвать цѣпь и вырвать изъ круга невѣсту, но подруги защищаютъ ее, насколько хватаетъ у нихъ силы. Наконецъ, не имѣя болѣе возможности сопротивляться напору нападающихъ, онѣ уступаютъ. Взявъ такимъ образомъ невѣсту съ бою, друзья жениха одѣваютъ и закутываютъ ее въ шубы или ткани, сажаютъ верхомъ на лошадь, и вся процессія уѣзжаетъ въ поле; за нею слѣдуетъ обозъ съ приданымъ. Женихъ сначала уѣзжаетъ впередъ, а потомъ возвращается навстрѣчу поѣзду вмѣстѣ со своими родными. На пути ихъ останавливаютъ ламы и спрашиваютъ: куда и за чѣмъ они ѣдутъ? Тѣ отвѣчаютъ, что ищутъ корову съ серебряными рогами, шелковымъ хвостомъ, золотыми копытами и самоцвѣтными камнями въ глазахъ. Ламы отвѣчаютъ, что такая корова у нихъ въ таборѣ. На просьбу жениха возвратить ее, ламы, послѣ нѣкотораго колебанія, соглашаются, и тогда оба поѣзда, соединившись вмѣстѣ, отправляются къ юртѣ жениха. Тутъ читаются молитвы, невѣсту переодѣваютъ въ другое платье, и затѣмъ начинаются игры, продолжающіяся до глубокой ночи.

При рожденіи ребенка родители также приглашаютъ ламу, который читаетъ надъ новорожденнымъ главу изъ священной книги и даетъ ему имя.

Если бурятъ умретъ, тѣло его обвертываютъ кускомъ матеріи, лицо прикрываютъ платкомъ, ноги сгибаютъ, а правую руку прикладываютъ къ уху, стараясь придать покойнику видъ уснувшаго. Затѣмъ трупъ кладутъ въ уголъ юрты и покрываютъ тулупомъ, а передъ домашними бурханами зажигаютъ курительныя свѣчи. Лама по священнымъ книгамъ опредѣляетъ, слѣдуетъ ли покойника зарыть въ землю, или бросить его въ воду или лѣсъ, или же сжечь его. Онъ же назначаетъ и мѣсто для могилы. Могилы знатныхъ и особенно духовныхъ лицъ бываютъ большею частью на холмахъ. Кругомъ мѣста, назначеннаго для могилы, лама обводитъ привязанной къ шнурку лягушкой, которую онъ тащитъ по землѣ; другой лама слѣдъ ея обозначаетъ рогомъ, называемымъ „оронго“, а третій углубляетъ черту остріемъ копья или стрѣлы. Очертивъ такимъ образомъ пространство земли для будущей могилы, главный лама беретъ связку моделей желѣзныхъ инструментовъ, употребляемыхъ бурятами въ ихъ домашнемъ быту, какъ-то: сошника, заступа, топора, ножа и проч., и каждымъ изъ нихъ вскапываетъ землю внутри обозначенной черты. Могилу роютъ неглубоко, такъ чтобы ее могли разрыть дикіе звѣри или хищныя птицы. Буряты вѣрятъ, что если тѣло покойника не будетъ вырыто и съѣдено звѣрями или птицами, то онъ будетъ ночью выходить изъ могилы и пугать родственниковъ и знакомыхъ. Трупъ покойника кладутъ головой къ западу такъ, чтобы лучи солнца падали прямо на глаза усопшаго. При погребеніи лама читаетъ молитвы. Послѣ погребенія начинаются поминки и жертвоприношенія. У зажиточныхъ онѣ справляются втеченіи 49 дней, поутру, въ полдень и вечеромъ; а люди съ малымъ достаткомъ обязаны исполнять этотъ обрядъ по крайней мѣрѣ три раза: въ третій, седьмой и сорокъ-девятый день. Первая жертва въ честь умершаго приносится обыкновенно на разстояніи трехъ шаговъ отъ юрты, вторая—въ шести шагахъ, третья—въ девяти и т. д. Жертвенное

животное дѣлится на нѣсколько частей, изъ которыхъ одна часть сожигается, а остальныя поступаютъ въ пользу ламъ. Надъ могилой покойника нерѣдко ставятъ деревянный срубъ, служащій памятникомъ. Памятникъ этотъ окрашиваютъ и обвѣшиваютъ ленточками и шелковыми или бумажными лоскутками. Кромѣ того, на немъ иногда вырѣзываютъ молитвы на тибетскомъ или монгольскомъ языкѣ.

Буряты, исповѣдующіе шаманскую религію, въ могилу покойнаго кладутъ съѣстное, а также табакъ, трубку и нерѣдко монеты. Зарывши покойника, они на его могилѣ оставляютъ телѣгу, сломавши предварительно ея колёса и кузовъ. Кромѣ того, многіе изъ нихъ убиваютъ на могилѣ лошадь, передавая ее такимъ образомъ покойнику, дабы онъ могъ ѣздить на ней въ своей загробной жизни. Трупъ шамана они сожигаютъ, съ соблюденіемъ различныхъ обрядовъ, выражающихъ почтеніе къ покойнику. Кости и пепелъ сожженнаго собираютъ и кладутъ въ дупло толстаго дерева.

Главное занятіе бурятъ, особенно кочевыхъ, составляетъ скотоводство. Такое занятіе находится въ зависимости уже отъ самаго характера страны, населенной бурятами: въ безграничныхъ степяхъ Забайкалья пасутся табуны лошадей въ нѣсколько тысячъ головъ, огромныя стада рогатаго скота и овецъ. Какъ лошади, такъ и рогатый скотъ впродолженіи всего года довольствуются подножнымъ кормомъ. Только молодыхъ жеребятъ нѣкоторое время держатъ въ юртахъ или сараяхъ.

Лошадь для бурята составляетъ самое необходимое домашнее животное. Внѣ юрты трудно встрѣтить бурята иначе, какъ верхомъ,—и не только мужчину, но и женщину. Только въ послѣднее время нѣкоторые изъ богатыхъ и знатныхъ бурятъ стали ѣздить въ повозкахъ. Особенно большое количество лошадей разводятъ буряты, живущіе на китайской границѣ, такъ какъ они имѣютъ возможность сбывать ихъ китайцамъ. Нужно замѣтить, что буряты большею частью не знаютъ точнаго количества своихъ лошадей, такъ какъ никогда ихъ не считаютъ, думая, что если сосчитать лошадей, то табуны станутъ гибнуть.

Рогатый скотъ разводится бурятами ради мяса, молока и приготовляемаго изъ него особаго напитка—доросуна. Кромѣ того, быки употребляются для тяжелыхъ работъ. Для этой цѣли уже въ самомъ юномъ возрастѣ у теленка прокалывается хрящъ между ноздрями и въ отверстіе продѣвается палочка или бичевка, къ которой привязывается поводъ.

Земледѣліемъ занимаются только осѣдлые буряты. Обработывать землю и сѣять хлѣбъ они научились отъ русскихъ, но, благодаря удобренію почвы и тщательному орошенію ея, они получаютъ большіе урожаи, чѣмъ наши крестьяне. Орошеніе полей производится бурятами посредствомъ арыковъ (канавъ). Послѣдніе обыкновенно во всѣхъ направленіяхъ бороздятъ поля бурятъ, образуя настоящую сѣть. Избытокъ своего хлѣба буряты продаютъ въ Иркутскъ и на казенные заводы.

Звѣроловство въ настоящее время составляетъ второстепенное занятіе бурятъ, но въ прежнее время оно было главнымъ ихъ занятіемъ. Кромѣ охоты по-одиночкѣ, прежде буряты ежегодно въ концѣ осени устраивали охоту артелями изъ нѣсколькихъ родовъ; такая охота называлась „абой“ (облавой). Еще за нѣсколько недѣль до начала абы буряты приготовлялись къ ней и поджидали ее, какъ праздника. Въ опредѣленный день всѣ желавшіе принять участіе въ абѣ собирались въ заранѣе назначенное мѣсто, одѣвшись въ лучшую свою одежду и взявъ лучшее оружіе. Каждый

пріѣхавшій передавалъ въ общую складчину привезенную провизію: мясо, сыръ и т. п. Выбранный староста принималъ провизію, взвѣшивалъ ее на рукѣ и передавалъ хранителямъ провизіи. Затѣмъ всѣ собравшіеся разбивались на нѣсколько малыхъ артелей, каждая человѣкъ въ 20, съ особымъ завѣдующимъ („гальчи") во главѣ. На промыселъ охотники выѣзжали рано утромъ. Каждая артель направлялась туда, куда назначалъ ее главный распорядитель. Такимъ образомъ оцѣпляли значительное пространство въ лѣсу. Убившій звѣря не самъ бралъ его, а отдавалъ другому для вклада въ артельную добычу. Съ наступленіемъ сумерекъ охота прекращалась, всѣ охотники собирались къ своимъ палаткамъ, поровну дѣлили между собою добычу, удѣляя часть ея главному распорядителю абы, и начинали пировать. На другое утро охотники оцѣпляли новую мѣстность, для чего обыкновенно переносили и свои палатки. Возникавшіе между членами абы споры рѣшалъ старшина или судья, въ присутствіи всѣхъ участниковъ охоты. Если виновность обвиняемаго подлежала сомнѣнію, судья бралъ его шапку, клалъ ее на землю и произносилъ обвиненіе. Затѣмъ онъ стрѣлялъ изъ лука вверхъ надъ самою шапкою: если стрѣла при обратномъ паденіи попадала въ шапку, то обвиняемый признавался виновнымъ, и наоборотъ. Для разрѣшенія спора бурятскіе судьи прибѣгали также къ слѣдующему средству: они втыкали въ землю берцовую кость звѣря и затѣмъ предлагали спорящимъ стрѣлять въ нее изъ лука: кто попадалъ, тотъ признавался правымъ. Аба продолжалась обыкновенно дней 15 и оканчивалась общимъ празднествомъ. Затѣмъ охотники разъѣзжались по улусамъ, увозя съ собою доставшуюся добычу. Въ настоящее время аба вышла изъ обычая бурятъ; однако старики съ оживленіемъ вспоминаютъ объ ней, какъ о прекрасномъ обычаѣ старины.

Буряты, живущіе по берегамъ рѣкъ Селенги, Баргузина, Ангары и др., занимаются рыболовствомъ; но этотъ промыселъ, какъ и звѣроловство, не составляетъ главнаго занятія ихъ. Для рыбной ловли они употребляютъ неводъ и острогу.

Продукты своего хозяйства буряты сбываютъ или китайцамъ, или же русскимъ. Китайцамъ они сбываютъ преимущественно лошадей и рогатый скотъ и получаютъ отъ нихъ кирпичный чай, табакъ, шелковыя матеріи, благовонныя свѣчи для бурхановъ и мѣдныя изображенія этихъ бурхановъ.

Занятія мужчинъ и женщинъ у бурятъ довольно точно распредѣлены установившимся обычаемъ. Мужчины пасутъ скотъ, строятъ жилища, приготовляютъ стрѣлы, луки, сѣдла и т. п.; женщины же исполняютъ всѣ домашнія работы: выдѣлываютъ кожи и кошмы, плетутъ веревки, шьютъ одежду какъ себѣ, такъ и другимъ членамъ своего семейства, приготовляютъ пищу и т. п. Вообще на женщинъ возложено много работы и положеніе ихъ нельзя признать легкимъ; этимъ объясняется, отчего немногія изъ замужнихъ буряток отличаются крѣпкимъ здоровьемъ. Зато дѣвушки у бурятъ не обременяются трудной работой и пользуются особенной любовью и уваженіемъ.

Русскимъ правительствомъ буряты обложены податью. Кромѣ того, они обязаны нести воинскую повинность: изъ нихъ сформировано нѣсколько конныхъ полковъ, на обязанности которыхъ лежитъ охрана границъ, преслѣдованіе контрабандистовъ и поимка бѣглыхъ каторжниковъ. Изъ послѣдняго занятія буряты создали чуть не особый промыселъ. Въ Забайкальѣ про бурятъ говорятъ, что для нихъ „худенькій бѣглый лучше доброй козы": поймавъ бѣглаго, бурятъ беретъ его одежду и, кромѣ того, получаетъ награду отъ начальства.

Главную пищу бурятъ, какъ народа пастушескаго, составляютъ мясо, особенно баранина, и молоко въ различныхъ видахъ. Любятъ они также тюлецій жиръ, который ѣдятъ безъ соли и хлѣба; высшимъ же лакомствомъ у нихъ считается саламата — блюдо, приготовляемое изъ сметаны и муки. Любимымъ напиткомъ бурятъ, кромѣ молока и доросуна, служитъ кирпичный чай, который они варятъ съ молокомъ и прибавляютъ въ него соли. Отъ водки бурятъ, подобно всякому другому инородцу, никогда не откажется. Водку пьютъ они не изъ рюмокъ, а изъ красныхъ деревянныхъ чашекъ, похожихъ на наши блюдца, вмѣстимостью около 3 нашихъ рюмокъ. Такую посудину бурятъ осушаетъ въ одинъ или два пріема.

Курятъ почти всѣ буряты и бурятки безъ исключенія.

Буряты не лишены склонности къ развлеченіямъ: лѣтомъ, въ праздничные дни, они устраиваютъ игры, состоящія въ лошадиномъ бѣгѣ, стрѣльбѣ изъ лука и борьбѣ. Старики и знатные буряты сидятъ при этомъ на войлокахъ, поджавши ноги, а юноши одинъ передъ другимъ стараются отличиться: они то вступаютъ въ борьбу, то пускаются въ перегонку и т. п. Побѣдитель получаетъ въ награду или бумажный платокъ, или монету, или что-нибудь другое. Но для него не такъ дорогъ подарокъ, какъ дорога побѣда, одержанная надъ противникомъ. Иногда на подобные праздники являются мѣстные пѣвцы со своими монотонными, заунывными пѣснями, въ которыхъ восхваляется сила борцовъ, бѣгъ быстрыхъ коней, мудрость стариковъ и т. п.

Говоря объ играхъ, слѣдуетъ упомянуть также о наклонности бурятъ къ карточной игрѣ. Они съ увлеченіемъ играютъ въ „три листика“, „монгольскіе дурачки“ и другія игры. Случается, что бурятъ проигрываетъ въ карты значительную часть своего состоянія. Если картъ нѣтъ, они играютъ въ „шагаки“ (бараньи лодыжки).

V.

СИБИРСКІЕ КАЛМЫКИ.

Сибирскіе калмыки, въ числѣ около 80 тысячъ человѣкъ, живутъ по сѣвернымъ склонамъ Алтайскихъ горъ, на югѣ Семипалатинской области и Томской губерніи, въ бассейнѣ рѣкъ Бія и Катуни. Подобно своимъ собратьямъ, калмыкамъ Прикаспійскихъ степей, они принадлежатъ къ монгольскому племени, типичныя черты котораго ясно выражены въ наружности калмыка: широкое скуластое лицо его обрамлено жиденькой бородкой, носъ приплюснутъ, глаза узкіе, косо прорѣзанные, ротъ большой, голова покрыта жесткими, черными волосами, которые калмыки обыкновенно сбриваютъ, оставляя лишь на затылкѣ косичку.

Одеждой сибирскихъ калмыковъ служитъ лѣтомъ бумажный бешметъ, а зимой — шуба изъ лошадиныхъ шкуръ или овчинный тулупъ, опоясанный кожанымъ кушакомъ, за которымъ висятъ: ножикъ въ кожаномъ чехлѣ, трубка, кисетъ и нагайка; голову они покрываютъ мерлушачьей или войлочной шапкой, края которой заворачиваются кверху; ноги обуваютъ въ кожаные, съ острыми носками, сапоги. Таковъ нарядъ взрослыхъ. Что касается дѣтей, то большею частью они ходятъ нагишомъ, и только въ холодное время на нихъ надѣваютъ овчинные тулупы и войлочные чулки. Какъ и большинство полудикихъ инородцевъ Сибири, калмыки крайне нечистоплотны: умываться или купаться они считаютъ для себя совершенно лишнимъ, бань не знаютъ вовсе, платье носятъ до тѣхъ поръ, пока оно не сгніетъ отъ пота и не обратится въ лохмотья.

Жилищемъ калмыковъ служитъ войлочная юрта. Посрединѣ ея устраивается очагъ, согрѣвающій ее въ холодное время. Налѣво отъ входа обыкновенно устраивается изъ войлоковъ постель, у богатыхъ покрытая шелковыми одѣялами и завѣшенная пологомъ, а направо складываются мѣшки и сундуки съ движимымъ имуществомъ и вся вообще хозяйственная утварь калмыка: котлы, миски, корыта и т. п. Турсукъ или кожаный мѣшокъ для кумыса занимаетъ здѣсь самое видное мѣсто. По стѣнамъ юрты развѣшивается упряжь и оружіе. У передней стѣны, на сундукѣ или другомъ возвышеніи, помѣщаются металлическіе или деревянные идолы (бурханы), съ большими головами и пуговками вмѣсто глазъ; передъ ними нерѣдко можно видѣть въ чашечкахъ жертвы: воду, пшеницу, крупу и пр. Описанная обстановка юрты почти одинакова какъ у зажиточныхъ, такъ и у бѣдныхъ калмыковъ, у богатыхъ только больше сундуковъ и хозяйственной принадлежности, чѣмъ у бѣдныхъ. Но грязь въ юртѣ и у бѣднаго, и у богатаго калмыка царитъ одинаковая, что зависитъ отчасти отъ нечистоплотности калмыковъ, а отчасти отъ обычая держать въ юртѣ молодыхъ телятъ, жеребятъ и овецъ.

Большинство калмыковъ ведутъ кочевой образъ жизни, причемъ придерживаются опредѣленныхъ мѣстъ для перекочевокъ, сообразно временамъ года: зимой и

въ дождливое время они посѣщаютъ сухія мѣстности, въ сухое же время выбираютъ пункты болѣе богатые водой. Перекочевкой распоряжается глава рода или семьи, юрта котораго обыкновенно стоитъ посреди другихъ. Когда онъ назначаетъ перекочевку, сейчасъ же члены семьи собираютъ свои юрты и имущество и укладываютъ все на верблюдовъ и лошадей. Затѣмъ таборъ, со старшимъ во главѣ, трогается съ мѣста. Когда онъ достигнетъ мѣста, гдѣ травы вдоволь, животныя развьючиваются, мужчины принимаются за установку остововъ юртъ, а женщины покрываютъ ихъ кошмами... Такъ живетъ большинство калмыковъ, и лишь немногіе изъ нихъ перешли къ осѣдлому образу жизни, образовали свои селенія или же поселились въ русскихъ деревняхъ и городахъ.

Главное занятіе кочующихъ калмыковъ состоитъ въ скотоводствѣ. Они разводятъ лошадей, верблюдовъ, рогатый скотъ и овецъ. За скотомъ они ухаживаютъ отлично и, въ случаѣ нужды, очень удачно лѣчатъ заболѣвшую скотину. Обыкновенно скотъ весь годъ остается на подножномъ кормѣ; для защиты же его отъ холода и булановъ устраиваются загородки и хлѣвы. Помимо скотоводства, нѣкоторые изъ кочующихъ калмыковъ занимаются охотой. Но этотъ промыселъ имѣетъ у нихъ лишь второстепенное значеніе, и калмыкъ прибѣгаетъ къ нему лишь въ случаѣ нужды. Необходимо, напр., осенью уплатить ясакъ, а денегъ или шкурокъ нѣтъ,— и вотъ беретъ онъ ружье и идетъ на нѣсколько дней въ горы промышлять звѣря. Незначительная часть калмыковъ занимается также рыболовствомъ. Но и этотъ промыселъ не составляетъ важнаго подспорья для ихъ существованія. Что касается осѣдлыхъ калмыковъ, то, подобно своимъ сосѣдямъ, русскимъ крестьянамъ, они занимаются хлѣбопашествомъ; но это занятіе стоитъ у нихъ еще на очень низкой ступени и потому малоприбыльно, хотя плодородная почва калмыцкихъ степей, при правильномъ веденіи земледѣлія, могла бы давать обильные урожаи.

Пищей калмыковъ служитъ мясо почти всѣхъ животныхъ и молочные продукты, среди которыхъ заслуживаетъ вниманія сладковатый овечій сыръ; его сушатъ мелкими кусками и употребляютъ вмѣсто хлѣба. Мясо калмыки варятъ безъ всякихъ приправъ, даже безъ соли, и только во время ѣды обмакиваютъ его въ соленую воду. Изъ различныхъ видовъ мяса наиболѣе лакомымъ считается баранье. Главнымъ напиткомъ калмыковъ служитъ кумысъ и кирпичный чай, заправленный мукой, солью, масломъ и молокомъ. Въ ѣдѣ калмыки такъ же нечистоплотны, какъ и во всемъ прочемъ. Котелки и миски, въ которыхъ они держатъ кушанье, не моются никогда; лишь изрѣдка калмычка, собираясь положить въ миску свѣжаго варева, слижетъ или счиститъ пальцами остатки прежней пищи. Пищу они берутъ изъ общаго блюда прямо руками, обыкновенно грязными, и большими кусками отправляютъ въ ротъ...

Переходя теперь къ описанію характера калмыковъ, мы должны замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ это—люди угрюмые, упрямые, малоподвижные и лѣнивые. Сидѣть, поджавши ноги, по цѣлымъ часамъ у очага, пить любимый кумысъ или аракъ, ѣсть жареную баранину да слушать разсказы—вотъ любимое времяпровожденіе калмыка. Нравится ему также, если въ его юрту зайдетъ гость, особенно такой, котораго не приходится стѣсняться и который можетъ кое-что разсказать. При входѣ въ юрту такого гостя, хозяинъ тотчасъ закуриваетъ трубку, затягивается раза два самъ, потомъ предлагаетъ трубку гостю съ вопросомъ: „Что худого?"... Вообще

нужно замѣтить, что калмыки до того любятъ курить, что нерѣдко даже и засыпаютъ съ трубкой во рту. Курятъ у нихъ не только мужчины, но и женщины, даже дѣти.

Всѣ домашнія работы у калмыковъ исполняются женщинами: онѣ и одежду шьютъ, и кушанье готовятъ, и арканы вьютъ изъ конскихъ волосъ, и кошмы дѣлаютъ. Мужчины же только охраняютъ стада, да иногда ходятъ на охоту. При такомъ кругѣ занятій у нихъ остается много досужаго времени, а потому и неудивительно, что они сильно облѣниваются.

Въ общественномъ отношеніи калмыки дѣлятся на роды (хотоны), управляемые старшинами. Нѣсколько родовъ составляютъ улусъ (волость), управляемый зайсангомъ. Къ своимъ старшинамъ и зайсангамъ, да и вообще къ старшимъ калмыки относятся съ большимъ уваженіемъ. Совѣты и приказанія ихъ безпрекословно исполняются младшими. Изъ уваженія къ старшимъ, молодой калмыкъ никогда не дерзнетъ въ присутствіи ихъ сѣсть, поджавъ ноги, а только присядетъ на колѣни. Равнымъ образомъ онъ никогда не осмѣлится явиться къ старшимъ безъ пояса (быть безъ пояса у калмыковъ значитъ то же, что у европейцевъ—быть безъ сюртука). Въ прежнее время за неуваженіе къ старшимъ виновнаго наказывали ударами нагайки и, кромѣ того, вымазавъ ему лицо углемъ или сажей, водили его, съ тагаломъ на шеѣ, по хотону, между юртъ.

Какъ проявленіе общественной жизни, у калмыковъ устраиваются иногда общественныя игры: конскія скачки, кулачные бои и т. п. На этихъ играхъ иногда можно услышать протяжное пѣніе калмыковъ и игру на ихъ національномъ двухструнномъ инструментѣ. Нужно вообще замѣтить, что у калмыковъ существуетъ довольно обширная народная литература: пѣсни, сказки и т. п.

Небольшая часть калмыковъ обращена миссіонерами въ христіанство, большинство же до сихъ поръ держится ламайства, которое у нихъ, впрочемъ, перепутано со множествомъ суевѣрій и предразсудковъ. Ктому же они вѣрятъ въ силу шамановъ и, подобно послѣдователямъ шаманизма, поклоняются горамъ, рѣкамъ и душамъ усопшихъ. Несмотря на то, буддійскіе гелюнги (жрецы) имѣютъ у калмыковъ большое значеніе и пользуются огромнымъ вліяніемъ. При каждомъ сколько-нибудь важномъ событіи въ семьѣ, напр., при рожденіи ребенка, при свадьбѣ, похоронахъ и т. п., калмыкъ обязательно обращается къ гелюнгу, который совершаетъ соотвѣтственные обряды.

Дѣтей своихъ калмыки воспитываютъ сообразно условіямъ кочевой жизни. Новорожденному, тотчасъ по появленіи его на свѣтъ, даютъ кусокъ сала для сосанія; затѣмъ завертываютъ его въ войлокъ и кладутъ въ люльку, похожую на ящикъ. Если родились близнецы, то старшимъ ребенкомъ считается тотъ, который позже появился на свѣтъ. Это воззрѣніе калмыки объясняютъ довольно оригинально. Дѣло въ томъ, что если двумъ братьямъ нужно выйти изъ юрты, то по обычаю долженъ выйти изъ нея сперва младшій, отворить дверь и ждать старшаго брата. Такъ и при рожденіи: кто появился первымъ на свѣтъ, тотъ и младшій.

Спустя нѣсколько дней послѣ рожденія ребенка, ему даютъ имя, причемъ родители задаютъ обильное пиршество, и приносится жертвоприношеніе. Изъ предназначеннаго для жертвы барана вынимаютъ сердце и часть его кладутъ на жертвенникъ, а кусочекъ—въ ротъ младенца для сосанія...

Какъ только ребенокъ выраститъ настолько, что бываетъ въ состояніи бѣгать, ему предоставляютъ возможность почти все время быть подъ открытымъ небомъ, и только холодъ иногда загоняетъ калмыченка погрѣться въ юрту. На девятомъ году сыновья болѣе зажиточныхъ калмыковъ приступаютъ къ изученію грамоты. Когда, наконецъ, калмыкъ становится совершеннолѣтнимъ, отецъ пріискиваетъ ему невѣсту. Съ этою цѣлью онъ подъ какимъ-нибудь вымышленнымъ предлогомъ ѣдетъ въ чужой улусъ и собираетъ свѣдѣнія о тамошнихъ невѣстахъ. Выбравъ изъ числа послѣднихъ понравившуюся ему дѣвушку, онъ снова пріѣзжаетъ въ улусъ, но уже вмѣстѣ съ сыномъ, и является къ родителямъ невѣсты. Если послѣднимъ женихъ не нравится, они намеками даютъ объ этомъ ему знать, и гости уѣзжаютъ обратно: если же они согласны выдать за него свою дочь, то различными обрядами настолько прочно закрѣпляютъ будущій бракъ, что послѣ этого жениху почти не представляется возможности отказаться отъ него. Если же онъ вздумалъ бы уклониться отъ брака, то нажилъ бы себѣ и своимъ роднымъ непримиримыхъ враговъ въ лицѣ родныхъ невѣсты. Послѣ этихъ предварительныхъ обрядовъ женихъ иногда ждетъ свадьбы годъ или два. Самый обрядъ бракосочетанія состоитъ въ томъ, что гелюнгъ, выслушавши согласіе брачущихся вступить въ бракъ, читаетъ нѣсколько молитвъ, и, взявъ баранью лопатку, срѣзываетъ съ нея мясо, которое и дѣлитъ между женихомъ, невѣстой и родителями ихъ. Мясо медленно съѣдается, а кость хранится въ юртѣ новобрачныхъ, какъ святыня и залогъ семейнаго счастья.

Разводъ у калмыковъ случается довольно рѣдко. Относительно его можно сказать, что только мужъ имѣетъ право требовать развода. Разведенная жена возвращается къ своимъ родителямъ, причемъ беретъ съ собою свое приданое. Дѣти, смотря по уговору, или остаются всѣ у отца, или часть переходитъ къ матери.

По смерти калмыка, семья его перебирается въ другую юрту. Духовныхъ или знатныхъ покойниковъ сожигаютъ, всѣхъ же другихъ зарываютъ въ землю. Трупъ покойника помѣщаютъ въ сидячемъ положеніи, съ поджатыми ногами, на коврѣ, выносятъ изъ юрты и несутъ на мѣсто погребенія или сожженія. Поминки по покойникѣ совершаются разъ въ недѣлю въ продолженіе всего траура, длящагося семь недѣль, а затѣмъ одинъ разъ въ годъ въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ.

VI.

ТУНГУСЫ.

Тунгусы разбросаны на огромномъ пространствѣ отъ рѣки Енисея до Великаго океана и отъ рѣки Амура до 60° сѣверной широты. На западной сторонѣ этого пространства они соприкасаются съ остяками и самоѣдами, на сѣверной—съ якутами и юкагирами, на сѣверо-восточной и восточной—съ коряками и чукчами, на южной—съ бурятами, калмыками, китайцами, гольдами и гиляками; по главнымъ же, судоходнымъ рѣкамъ они соприкасаются съ русскими, поселившимися на этихъ рѣкахъ.

Всѣхъ тунгусовъ насчитывается до 60 тысячъ человѣкъ. Они относятся къ монголо-манчжурскому племени. Въ давнія времена часть манчжуровъ двинулась на сѣверо востокъ и заняла значительную часть восточной Сибири. Отъ нихъ произошли тунгусы. Въ половинѣ XVII столѣтія они были покорены русскими и вошли въ составъ Россійской Имперіи.

Названіе тунгусовъ одни производятъ отъ слова *кунгу*, что означаетъ короткій полукафтанъ, составляющій обыкновенную одежду тунгусовъ, другіе производятъ отъ китайскаго слова *тунгу* или *тунху*, означающаго „восточные варвары", третьи же производятъ отъ татарскаго слова, означающаго „озерные жители". Сами себя тунгусы называютъ—*овенъ*.

По своему внѣшнему виду тунгусы напоминаютъ то племя, отъ котораго они произошли: они похожи на китайцевъ. Маленькіе зоркіе глаза ихъ лежатъ наискось къ основанію носа, скулы выдавшіяся, лобъ высокій, подбородокъ острый, бороды не бываетъ, а если и бываетъ, то очень жидкая, цвѣтъ лица желтобурый. Нѣкоторые тунгусы татуируютъ свое лицо. Волосы на головѣ тунгусы заплетаютъ въ толстую косу, которую обвязываютъ ремнемъ, изукрашеннымъ бляхами и бусами; самый конецъ не заплетается, а потому торчитъ пучкомъ. Многіе подстригаютъ свои волосы. Ростъ тунгусовъ средній; между ними почти не встрѣчается очень высокихъ или очень низкихъ. Тѣлосложеніе ихъ стройное, они мускулисты, крѣпки и подвижны; толстыхъ между ними почти не бываетъ. Мужчины обыкновенно до глубокой старости сохраняютъ бодрый видъ; женщины же сравнительно рано старѣютъ; подъ старость лицо ихъ покрывается глубокими морщинами и глаза отъ постояннаго дыма въ чумѣ краснѣютъ.

Характеръ тунгусовъ значительно отличается отъ характера другихъ сибирскихъ инородцевъ, особенно инородцевъ финскаго племени. Тунгусы обыкновенно веселы, разговорчивы. Даже голодъ не выводитъ ихъ изъ постоянно веселаго настроенія духа. Особенно молодыя женщины отличаются этимъ качествомъ. Тунгусы вообще кротки, добродушны; но ихъ кротость и добродушіе исчезаютъ, какъ только они выпьютъ стаканъ или два вина. Пьяный тунгусъ неистовствуетъ, всѣхъ бьетъ,

все ломаетъ, валяется по землѣ и, наконецъ, выбившись изъ силъ, засыпаетъ. Тунгусы обладаютъ нѣкоторой долей эстетическаго вкуса. Въ чумѣ у нихъ соблюдается нѣкоторый порядокъ, и они любятъ щеголеватость въ одеждѣ. Они по природѣ бойки и дѣятельны. Нѣкоторыя тунгуски поступаютъ на зиму въ услуженіе къ русскимъ и работаютъ усердно, не тяготясь тою работой, которую приходится выполнять. Воровство, ложь и обманъ тунгусы признаютъ позорнымъ. Если кто-нибудь обзоветъ тунгуса лжецомъ, то тѣмъ сильно обидитъ его и вызоветъ въ немъ желаніе отомстить за обиду. Случается, что обиженный вызываетъ обидчика на поединокъ. Такъ какъ поединки запрещены закономъ, то они совершаются тайно, гдѣ-нибудь въ лѣсу. Въ прежнее время поединки совершались въ присутствіи старшинъ, которые назначали мѣсто боя и опредѣляли оружіе, посредствомъ котораго онъ долженъ совершиться.

Тунгусы, какъ и другіе инородцы, гостепріимны. Они охотно раздѣляютъ съ гостемъ послѣдній кусокъ мяса. Къ обѣднѣвшимъ сородичамъ они относятся съ состраданіемъ. Состоятельный тунгусъ пропитываетъ семью обѣднѣвшаго тунгуса и не ставитъ ему этого въ счетъ. Они смѣлы; нѣкоторые изъ нихъ, съ рогатиной или ружьемъ въ рукѣ, не боятся встрѣтиться съ медвѣдемъ.

Тунгусы обладаютъ отъ природы значительной долей умственныхъ способностей: но эти способности не развиты у нихъ образованіемъ. Тунгусы не считаютъ нужнымъ обогащать себя какими-нибудь знаніями или умѣньями, кромѣ тѣхъ, которыя необходимы для добыванія пищи. И слѣдуетъ замѣтить, что въ этой послѣдней области знаній и умѣній они достигаютъ большого совершенства. Гоняясь въ лѣсу за звѣремъ, тунгусъ никогда не заблудится. Каждый камень, каждый пень служитъ указателемъ для его пути. По едва замѣтному слѣду, оставленному звѣремъ на травѣ или мхѣ, тунгусъ вѣрно опредѣляетъ, какой звѣрь пробѣжалъ и давно ли онъ пробѣжалъ. Онъ всегда вѣрно знаетъ путь, по которому нужно ѣхать, чтобы прибыть къ назначенному мѣсту.

Счисленіе времени у тунгусовъ свое. Астрономическій годъ они раздѣляютъ на два года: лѣтній и зимній. Въ двойномъ году считается 13 мѣсяцевъ или лунныхъ теченій. Новолуніе—начало каждаго мѣсяца, полнолуніе—половина его; первая и послѣдняя четверть дѣлитъ мѣсяцъ еще на четверти. Каждый мѣсяцъ имѣетъ свое названіе по характерному явленію, совершающемуся въ природѣ въ этотъ мѣсяцъ. Такъ, одинъ мѣсяцъ называется „Илкунъ" (цвѣточный), другой—„Иринъ" (плодоносный) и т. д. Лѣта тунгусъ считаетъ по тому, сколько разъ онъ платилъ ясакъ. Такъ, кто платилъ ясакъ 20 разъ, тотъ, значитъ, прожилъ 40 лѣтъ: 20 зимнихъ и 20 лѣтнихъ. Нерѣдко тунгусы опредѣляютъ лѣта по ходу въ рѣкѣ красной рыбы (кеты). Такъ, если тунгусъ хочетъ опредѣлить время какого-либо происшествія, онъ говоритъ: „съ тѣхъ поръ кета проходила пять разъ" (т.-е. это было пять лѣтъ тому назадъ).

Значительная часть тунгусовъ крещена русскими миссіонерами: но они далеко не прониклись еще христіанскими идеалами и понятіями. Называясь христіанами, они не отрѣшились еще отъ языческихъ вѣрованій. Случится тунгусу быть въ городѣ, гдѣ есть русская церковь, онъ идетъ въ нее и, стоя въ ней, часто крестится; но чуть только возвратится въ лѣсъ, онъ при всякой надобности обращается за помощью къ шаману. Каждый тунгусъ, кромѣ христіанскаго имени, даннаго ему

при крещеніи, имѣетъ еще одно или два имени, изъ которыхъ одно дано ему шаманомъ или родителями и обозначаетъ обстоятельства, при которыхъ онъ родился, а другое обозначаетъ какое-нибудь качество его характера; это послѣднее имя дается тунгусу въ томъ возрастѣ, въ которомъ выясняются отличительныя черты характера лица. Въ воспріемники при крещеніи дѣтей тунгусы охотно приглашаютъ русскихъ; они считаютъ своею обязанностью дарить что-нибудь крестному отцу или крестной матери; но и сами они охотно принимаютъ отъ нихъ подарки.

Тунгусы-язычники имѣютъ самыя смутныя и сбивчивыя религіозныя понятія. Доброе божество они называютъ „Боа", дьявола или злое божество — „Буги", а идолослужителей и кудесниковъ — шаманами. Въ жертву богамъ они приносятъ мясо, шкуры или какія-нибудь тряпицы.

Незначительная часть тунгусовъ исповѣдуетъ ламайскую религію; они имѣютъ свои кумирни, гдѣ ламы совершаютъ богослуженіе. Религія эта заимствована тунгусами отъ бурятъ и китайцевъ.

Тунгусы раздѣляются на роды. Каждый родъ производитъ свое происхожденіе отъ какого-нибудь родоначальника, прославившагося храбростью, или силою, или многочисленностью своихъ оленей, или же многочисленностью своихъ дѣтей. Весь родъ называется по имени своего родоначальника. Всѣ члены одного рода считаются между собою въ родствѣ.

Для каждаго рода указано мѣсто, куда члены его должны вносить подать (ясакъ). Ясакъ вносится или шкурками дикихъ звѣрей, или деньгами, если это послѣднее тунгусъ находитъ для себя болѣе удобнымъ.

Каждый родъ выбираетъ своихъ старшинъ (зайсановъ, шуленговъ), которые рѣшаютъ менѣе важныя дѣла. Въ спорныхъ дѣлахъ тунгусы прибѣгаютъ къ присягѣ по языческому обряду. Присягающій беретъ ножъ и, размахивая имъ противъ солнца, произноситъ: „Если я виноватъ, то пусть солнце велитъ всѣмъ болѣзнямъ разметать мои внутренности, какъ я размахиваю этимъ ножомъ". Присяга дается также и въ такой формѣ: обвиняемый восходитъ на гору, почитаемую тунгусами священною, и произноситъ: „Если я виноватъ, то да постигнетъ меня или всѣхъ моихъ дѣтей смерть, и да лишусь я скота и не буду никогда счастливъ ни на звѣриномъ, ни на рыбномъ промыслѣ". Самая сильная присяга дается такъ: убиваютъ собаку; обвиняемый беретъ изъ нея каплю крови и произноситъ: „Если я говорю неправду, то да погибну, сгорю или изсохну, какъ эта собака".

Нѣкоторые изъ тунгусовъ, живущихъ въ мѣстахъ, изобильныхъ лѣсомъ, имѣютъ для своего жилища бревенчатыя избушки; но въ этихъ избушкахъ они живутъ только зимою; съ наступленіемъ же лѣта они покидаютъ ихъ и переселяются въ чумы, представляющіе значительныя удобства при кочевомъ образѣ жизни. Въ чумахъ же живутъ весь годъ тѣ тунгусы, которые не имѣютъ возможности обзавестись зимней избушкой. Тунгусскіе чумы большею частью похожи на чумы самоѣдовъ; нѣкоторые же изъ нихъ имѣютъ видъ трехгранной призмы, поставленной на землю четыреугольною стороною. Покрываются они полосами бересты, сшитыми оленьими жилами или конскими волосами. Береста, предназначенная для покрышки чума, предварительно вываривается, отчего дѣлается гибкой, такъ что ее можно свернуть въ трубку. Дверью въ чумъ служитъ отверстіе между двумя жердями; оно завѣшивается берестовымъ пологомъ, который можно то поднимать, то опускать.

Домашній скарбъ тунгусовъ — не великъ. Да имъ и неудобно, при кочевомъ образѣ жизни, обзаводиться лишними вещами. Мѣдный или чугунный котелъ, двѣ-три деревянныя или берестовыя миски, лыжи, топоръ, оружіе, снасти для звѣринаго или рыбнаго промысла — вотъ и все, что можно видѣть въ каждомъ чумѣ. Одежда и болѣе цѣнныя тунгусскія вещи хранятся въ берестяныхъ, обшитыхъ оленьей шкурой и изукрашенныхъ узорами ящикахъ.

Одежда тунгусовъ отличается вычурностью; они носятъ короткій, выше колѣнъ, изъ оленьяго мѣха кафтанъ; онъ надѣвается шерстью наружу и плотно обхватываетъ станъ. Спереди кафтанъ застегивается стеклянными пуговицами, только грудь остается открытой. На груди тунгусы носятъ ожерелье изъ бусъ и металлическихъ пласти-

нокъ. Зимой они закрываютъ грудь передникомъ изъ оленьей шкуры: передникъ этотъ часто бываетъ украшенъ бисеромъ, бѣличьими хвостиками и оторочепъ козьимъ мѣхомъ. На головѣ лѣтомъ носятъ повязку или чепецъ, а зимою мѣховую шапку съ различными украшеніями. На руки надѣваютъ замшевыя, собственнаго издѣлія, перчатки. Ноги зимою обуваютъ въ высокіе охотничьи сапоги, а лѣтомъ ходятъ босикомъ или въ кожаныхъ лаптяхъ. Каждый тунгусъ носитъ за плечами винтовку въ чехлѣ; за поясомъ у него виситъ конскій хвостъ, прикрѣпленный къ тоненькой, коротенькой ручкѣ; онъ служитъ для отмахиванія отъ комаровъ и мухъ. Для той же цѣли тунгусы имѣютъ иногда привязанный къ шеѣ горшочекъ съ тлѣющимъ гнилымъ деревомъ; горшочекъ этотъ виситъ то спереди, то сзади, смотря по направленію вѣтра. На спинѣ тунгуса нерѣдко виситъ небольшая дощечка, къ которой привязываются съѣстные припасы, одежда и вещи, необходимыя при охотѣ.

Одежда тунгусокъ отличается отъ одежды тунгусовъ изобиліемъ украшеній. Нужно замѣтить, что какъ тунгусы, такъ и преимущественно тунгуски любятъ щеголять своею одеждой.

Тунгусы, живущіе вблизи русскихъ, сдѣлались осѣдлыми и занимаются такими

же промыслами, какъ и крестьяне. Всѣ же остальные тунгусы ведутъ кочевой образъ жизни и, находя его самымъ пріятнымъ, не соглашаются перемѣнить его на осѣдлый образъ жизни. Иногда нужда заставляетъ ихъ поступать въ услуженіе къ русскимъ; но они служатъ только до начала весны. Какъ только начинается весна, ихъ неудержимо влечетъ изъ деревни или города въ родные лѣса и степи.

Кочевые тунгусы занимаются оленеводствомъ или звѣроловствомъ.

Оленеводы, получая отъ оленей все имъ необходимое — и пищу, и одежду, и постель, — заботливо относятся къ сохраненію своихъ стадъ. Нѣкоторые тунгусы до такой степени дорожатъ своими оленями, что только крайняя нужда можетъ побудить ихъ заколоть оленя. Во время перекочевокъ тунгусы перевозятъ своихъ женъ и дѣтей, а равно и свое имущество на спинѣ оленей. Сѣдло, безъ стремянъ, помѣщается близко къ переднимъ лопаткамъ оленя. Вмѣсто узды, обвязываютъ морду оленя, выше рта, ремнемъ, конецъ котораго ѣздокъ держитъ въ одной рукѣ, а въ другой онъ держитъ палку, которую употребляетъ для поддержанія равновѣсія.

Тунгусы-звѣроловы неутомимо и съ любовью охотятся на звѣрей. Несется зимой тунгусъ на своихъ длинныхъ лыжахъ по снѣгу, замѣчаетъ крупнаго звѣря и преслѣдуетъ его. Звѣрь проваливается и завязаетъ въ глубокомъ снѣгу, а охотникъ настигаетъ его и бьетъ изъ винтовки или копьемъ, а иногда и просто палкой. Убивши звѣря, онъ отрѣзаетъ кусокъ мяса, а остальное зарываетъ поглубже въ снѣгу. Отрѣзанное мясо несетъ онъ къ себѣ въ чумъ, гдѣ давно уже ждетъ его голодная семья. Утоливши голодъ, семья снимаетъ чумъ и перекочевываетъ поближе къ тому мѣсту, гдѣ зарыто съѣстное. Здѣсь остаются до тѣхъ поръ, пока не съѣдятъ весь запасъ, послѣ чего перекочевываютъ на новое мѣсто.

Лѣтомъ тунгусы на горахъ охотятся за изюбрами. Изюбры относятся къ породѣ оленей и мѣняютъ ежегодно рога. Завидѣвши на горѣ изюбра, тунгусъ съ величайшимъ терпѣніемъ выслѣживаетъ его: онъ незамѣтно подползаетъ къ нему изъ подвѣтренной стороны на ружейный выстрѣлъ и убиваетъ его. Мясо изюбра идетъ въ пищу тунгусамъ, а рога его идутъ въ продажу китайцамъ, которые пользуются ими какъ лѣкарствомъ.

Кромѣ сказаннаго, у каждаго тунгуса-охотника поставлено бываетъ нѣсколько самолововъ, западней, которые онъ отъ времени до времени обходитъ и выбираетъ попавшихся звѣрей. Относительно охоты установились у тунгусовъ извѣстные обычаи, которые строго соблюдаются. Такъ, если охотникъ преслѣдуетъ звѣря и ранитъ его, а другой его добьетъ, то шкура и мясо его принадлежатъ тому, кто первый ранилъ его. Если же охотникъ, не ранивши звѣря, преслѣдуетъ его, а другой между тѣмъ его убьетъ, то шкура и мясо его дѣлятся между ними пополамъ. Каждый родъ охотится въ своемъ округѣ. Если звѣрь, выслѣженный охотникомъ въ своемъ округѣ, перебѣжитъ въ чужой округъ, то охотникъ можетъ преслѣдовать его и здѣсь. Но ему въ этомъ случаѣ принадлежитъ только мясо убитаго имъ звѣря, а шкуру онъ долженъ отдать владѣльцамъ округа. Исключеніе допускается при томъ условіи, если охотникъ въ своемъ округѣ напалъ на слѣдъ хищнаго звѣря — медвѣдя или волка: тогда онъ можетъ преслѣдовать его чрезъ два или даже три округа и оставить у себя шкуру.

Тунгусы имѣютъ условные охотничьи знаки, которые строго соблюдаются всѣми. Срубленное деревцо, въ которое воткнута стрѣла остріемъ внизъ, означаетъ, что

поставленъ самострѣлъ. Если стрѣла воткнута наискось, остріемъ кверху, это служитъ знакомъ, что охотникъ отошелъ на далекое разстояніе. Ущемленный сучокъ означаетъ близость охотника; вѣтвь, положенная поперекъ дороги,—запрещеніе слѣдовать далѣе въ этомъ направленіи.

Охотятся тунгусы также и за птицами. Бродитъ тунгусъ по болотамъ или разъѣзжаетъ по озерамъ и убиваетъ ружьемъ или копьемъ и ловитъ сѣтями безчисленное множество птицъ, отъ которыхъ пользуется и мясомъ, и перомъ, и пухомъ.

Со вскрытіемъ рѣкъ значительная часть тунгусовъ принимается за рыболовство. Разъѣзжаетъ тунгусъ по рѣкамъ въ своей легкой берестяной лодкѣ и, увидѣвши крупную рыбу, бьетъ ее острогой. Ловятъ тунгусы рыбу также самоловами, которые устраиваются такъ: на длинный канатъ привязываютъ тоненькія веревочки съ острыми крючками. Канатъ этотъ перетягиваютъ поперекъ рѣки; по концамъ его прицѣпляютъ тяжести, а посрединѣ—берестяные поплавки и длинныя палки изъ легкаго дерева. Теченіе воды уноситъ маленькія веревочки съ крючками, и онѣ, находясь на аршинъ отъ ея поверхности, шевелятся и зацѣпляются за проходящую мимо рыбу. Время отъ времени подъѣзжаетъ тунгусъ и снимаетъ съ крючковъ рыбу. Во время перехода омулей (рыбы) изъ Байкальскаго озера въ нѣкоторыя рѣки, тунгусы ставятъ въ этихъ рѣкахъ загородки, оставляя въ нихъ небольшое отверстіе. Чрезъ это отверстіе проходитъ такое множество рыбы, что тунгусы корзинами берутъ ее и бросаютъ на берегъ, гдѣ ее и подбираютъ.

Ловятъ рыбу также удочками и сѣтями, сдѣланными изъ оленьихъ жилъ и ремешковъ.

Между тунгусами-кочевниками встрѣчаются хорошіе кузнецы. Кочуетъ тунгусъ-кузнецъ и возитъ съ собою кузнечные инструменты: наковальню, мѣхъ, клещи и т. п. Если понадобилось поработать, тунгусъ складываетъ нѣсколько камней для огня, пристраиваетъ мѣхъ, ставитъ наковальню и куетъ, сидя на землѣ. Стрѣлы, копья, остроги и т. п. вещи, выходящія изъ его импровизированной мастерской, бываютъ не хуже тѣхъ, которыя выходятъ изъ настоящей кузнечной мастерской.

Принявши на себя такія занятія, которыя требуютъ силы и ловкости, какъ, напр., звѣроловство и рыболовство, мужчины всецѣло возложили на женщинъ занятія по домашнему хозяйству. Женщины ставятъ чумъ, выдѣлываютъ кожи, шьютъ одежду, приготовляютъ бересту для чума и челнока, запрягаютъ оленей, готовятъ пищу и водятся съ дѣтьми. Маленькихъ дѣтей своихъ тунгуски держатъ въ берестовыхъ, обшитыхъ кожею колыбеляхъ. Колыбели эти имѣютъ форму кибитокъ. На дно такой колыбели насыпаютъ труху отъ гнилого дерева, кладутъ кожу и помѣщаютъ въ полусидячемъ положеніи ребенка. Для того, чтобы головка его не билась объ изголовье колыбели, въ немъ дѣлаютъ отверстіе. При перекочевкахъ колыбель съ младенцемъ помѣщается на спину оленя. Женщины, водясь съ своими дѣтьми, оказываютъ больше вниманія дѣвочкамъ, чѣмъ мальчикамъ. Тунгуски говорятъ, что дѣвочкамъ только и жить, пока онѣ малы; выростутъ, тогда должны будутъ безустанно работать на мужчинъ.

Выдавая свою дочь замужъ, родители получаютъ за нее калымъ, въ размѣрѣ отъ 10 до 60 и болѣе оленей или извѣстное количество рыбы, мѣховъ и другихъ вещей, нужныхъ въ хозяйствѣ. Родители невѣсты даютъ за нею приданое, которое

обыкновенно бываетъ меньше калыма. Невѣста дарить жениху платье, которое свидѣтельствуетъ объ умѣньи ея выдѣлывать кожи и шить платье. Если послѣ сговора и уплаты калыма женихъ почему-нибудь откажется жениться на своей невѣстѣ, то, по обычаю, уплаченный имъ калымъ не возвращается ему, а остается у невѣсты или у ея родителей. Если же невѣста откажется выйти за жениха или родители ея не пожелаютъ ее выдать за него, то уплаченный калымъ возвращается жениху. Если послѣ уплаты калыма женихъ умретъ, то на его невѣстѣ можетъ жениться одинъ изъ его братьевъ или родственниковъ, не уплачивая калыма; при этомъ требуется, чтобы женихъ былъ не старѣе двадцатью и не моложе десятью годами невѣсты. Если же до брака умретъ невѣста, то двѣ трети уплаченнаго за нее калыма возвращаются жениху, а треть остается у родителей покойной невѣсты.

Случается, что вмѣсто уплаты калыма тунгусы обмѣниваются дочерьми, такъ что дочь одного тунгуса выходитъ за сына другого, а дочь этого послѣдняго выходитъ за сына перваго.

На свадьбѣ тунгусы угощаютъ родныхъ и знакомыхъ. Увеселенія во время свадебъ и празднествъ состоятъ въ разсказахъ о вымышленныхъ происшествіяхъ, въ пѣсняхъ и пляскѣ подъ трехструнную скрипку (куръ); кромѣ того, мужчины бѣгаютъ взапуски, скачутъ на лошадяхъ, стрѣляютъ изъ луковъ и т. п.

Покойниковъ тунгусы погребаютъ на мѣстѣ ихъ кончины. Случается, что они не погребаютъ покойника, а вѣшаютъ его въ берестовомъ или деревянномъ ящикѣ на деревѣ. Послѣ похоронъ родственники покойнаго приносятъ и ставятъ на его могилу пищу и питье.

Пищей для тунгусовъ служитъ все, что ни случится добыть. Они питаются не только олениной, рыбой или кониной, но также ѣдятъ мясо дикихъ звѣрей, ласточекъ, мышей и т. п.; не брезгаютъ даже и падалью. Сырого мяса они не ѣдятъ, но варятъ его или жарятъ, держа надъ огнемъ на деревянномъ рожнѣ. Сало ѣдятъ горстями безъ хлѣба. Соли не употребляютъ, а если и употребляютъ, то очень мало. Пищей служатъ также ягоды, растущія по тундрѣ, и коренья, вырываемые въ изобильномъ количествѣ изъ норъ особаго рода мышей. Изъ брусники и рыбьей икры они дѣлаютъ тѣсто, идущее въ пищу. Ягоды черемухи они толкутъ, мѣшаютъ съ масломъ и дѣлаютъ лепешки, которыя сушатъ на огнѣ и ѣдятъ. Хотя земледѣліемъ они не занимаются, однако любятъ русскій хлѣбъ и нерѣдко отдаютъ пудъ рыбы за пудъ ржаной муки. Кромѣ хлѣба, изъ муки они дѣлаютъ особаго рода похлебку съ саломъ. Главнымъ напиткомъ ихъ служитъ кирпичный чай. На зимніе мѣсяцы они заготовляютъ мясо, рыбу, ягоды, ягодныя лепешки и коренья. Запасъ хранятъ отчасти въ вырытыхъ въ землѣ погребахъ, отчасти въ небольшихъ чуланахъ, которые, для защиты отъ звѣрей, строятся на высокихъ подставкахъ.

Во время ѣды тунгусы сидятъ на землѣ, подобравши подъ себя ноги.

Какъ всѣ дикари, тунгусы любятъ пить водку и курить табакъ и за небольшое количество того или другого готовы отдать часть своего зимняго запаса рыбы или мяса. Табакъ тунгусы смѣшиваютъ съ мхомъ или толченою сосновою корою и курятъ эту смѣсь изъ небольшихъ китайскихъ трубочекъ. Курятъ какъ мужчины, такъ и женщины.

Къ тунгусамъ относится нѣсколько однородныхъ съ ними племенъ, носящихъ особыя названія и представляющихъ нѣкоторыя особенности въ своемъ бытѣ, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Къ такимъ племенамъ относятся *орочоны*, встрѣчающіеся по бассейну верхней части Амура. Лѣтомъ они занимаются рыболовствомъ, а зимою — охотой. Орудіемъ для охоты служитъ у нихъ ружье. Ѣздятъ они большею частью на оленяхъ, которыхъ разводятъ въ значительномъ количествѣ. (Названіе „орочоны" производятъ отъ слова „оронъ"—олень). Большая часть орочонъ крещены.

На востокъ отъ орочонъ живетъ тунгусское племя—*манегры*. Они мало чѣмъ отличаются отъ орочонъ. Еще восточнѣе, по близости къ Охотскому морю, живутъ *ламуты*, получившіе свое названіе отъ слова *ламъ*—море.

Между названными племенами встрѣчаются по бассейну Амура *чуванцы*, *карагасы*, *дауры*, *мангуны* и другія племена, родственныя тунгусамъ. Всѣ эти племена очень малочисленны и близки къ полному исчезновенію.

VII.

ГИЛЯКИ, ГОЛЬДЫ, АЙНОСЫ И КОРЕЙЦЫ.

На пространствѣ, прилегающемъ къ низовью Амура и Уссури, Татарскому проливу и на островѣ Сахалинѣ живутъ инородцы: *гиляки*, *гольды*, *айносы* и *корейцы*.

Гиляки, въ числѣ 2500 человѣкъ, населяютъ преимущественно низовье Амура, побережье Татарскаго пролива и сѣверную часть Сахалина. Они обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; лицо ихъ широкое, съ выдавшимися скулами, приплюснутымъ носомъ, маленькими глазами и толстыми губами; голова ихъ покрыта густыми, черными волосами, борода ихъ гуще, чѣмъ у тунгусовъ.

Главное ихъ занятіе — рыболовство и охота; рыболовствомъ они занимаются лѣтомъ, а охотой — зимою; сообразно съ этимъ, лѣто они проводятъ въ легкихъ юртахъ, на берегу рѣки или моря, а зиму—въ землянкахъ или хижинахъ, устраиваемыхъ въ лѣсу. Отъ рыбной ловли они имѣютъ и пищу, и одежду; шкурки убитыхъ звѣрей они продаютъ русскимъ.

Вслѣдствіе вліянія русскихъ, поселившихся по Амуру, гиляки замѣтно теряютъ свои національныя особенности и перенимаютъ обычаи и образъ жизни поселенцевъ. Многіе изъ нихъ, въ подражаніе русскимъ, стали заниматься земледѣліемъ, а нѣкоторые даже приняли крещеніе; но это послѣднее обстоятельство не мѣшаетъ имъ принимать участіе въ языческомъ праздникѣ въ честь медвѣдя. Пойманнаго медвѣдя

откармливаютъ и затѣмъ въ назначенный день набрасываютъ на его шею желѣзное кольцо съ двумя цѣпями и уводятъ въ лѣсъ, гдѣ привязываютъ къ двумъ вблизи одно отъ другого стоящимъ деревамъ. Выходятъ стрѣлки и пускаютъ въ него стрѣлы. Убивши его, снимаютъ шкуру, а тушу жарятъ и начинаютъ пировать.

Подобно другимъ инородцамъ, гиляки покупаютъ себѣ женъ. Случается, что отецъ покупаетъ своему малолѣтнему сыну дѣвочку лѣтъ трехъ-четырехъ и до совершеннолѣтія воспитываетъ ее вмѣстѣ со своимъ сыномъ.

Покойниковъ своихъ гиляки или сжигаютъ, или вѣшаютъ на деревьяхъ, или же помѣщаютъ на особо устроенномъ помостѣ, невдалекѣ отъ избушекъ или землянокъ.

Гольды, въ числѣ около 3 тысячъ человѣкъ, живутъ по Амуру и Уссури, западнѣе гиляковъ. Жилищемъ ихъ служатъ фанзы. Нѣсколько фанзъ составляютъ селеніе. Лѣтнія фанзы обыкновенно строятся изъ тальника и обтягиваются холстомъ или кошмой; ставятся онѣ вблизи рѣки или озера. На зиму гольды переселяются въ зимнія фанзы или землянки, устраиваемыя въ лѣсу.

Одежду гольдовъ составляетъ длинная рубаха изъ цвѣтной матеріи, штаны китайскаго покроя, куртка изъ звѣриной или рыбьей кожи, а зимой—изъ козульяго мѣха и туфли. Лѣтомъ, для предохраненія себя отъ мошекъ и комаровъ, гольды надѣваютъ на голову капюшонъ, покрывающій все лицо, кромѣ глазъ, носа и рта.

Подобно гилякамъ, гольды лѣтомъ занимаются рыболовствомъ, а зимой—охотой. Рыбу и шкурки пушныхъ звѣрей они привозятъ, — лѣтомъ на лодкахъ, а зимой на собакахъ,—въ русскія селенія для продажи.

Гольды любятъ животныхъ, и фанзы или избушки ихъ почти всегда бываютъ окружены собаками и свиньями, которыя кормятся, какъ и хозяева, рыбой, свѣжей или вяленой; тутъ же нерѣдко можно видѣть на привязи или взаперти дикихъ звѣрей или птицъ, которыхъ они вскармливаютъ и даже приручаютъ.

Гольды миролюбивы и кротки. Бракъ у нихъ заключается по договору родителей брачущихся. Обычай дозволяетъ имъ имѣть болѣе одной жены; первая жена всегда считается старшей. Умершихъ они хоронятъ въ кедровыхъ гробахъ, зарывая ихъ въ землю аршина полтора глубины. По умершемъ совершаютъ поминки. Отецъ пользуется въ своей семьѣ неограниченной властью; послѣ его смерти главою семьи становится старшій сынъ, и остальные члены семьи обязаны повиноваться ему.

Гольды, подобно гилякамъ, замѣтно измѣняются подъ вліяніемъ русскихъ, перенимая черты ихъ быта и жизни.

Айносы, или *курильцы*, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, живутъ въ южной части острова Сахалина. Они имѣютъ продолговатое плоское лицо, обрамленное густыми, длинными, черными волосами. Бородой своей они особенно дорожатъ. Мужчины имѣютъ болѣе благообразный видъ, чѣмъ женщины; тѣ и другія иногда татуируютъ себя.

Жилищемъ айносовъ служитъ зимою — землянка, а лѣтомъ—камышевая или тростниковая хижина.

Айносы, живущіе на берегу моря, занимаются ловлей рыбы и морскихъ животныхъ. Занимаясь своимъ промысломъ, они на легкихъ байдарахъ переѣзжаютъ съ острова на островъ. Живущіе вдали отъ морского берега занимаются охотой на

медвѣдей, оленей, лисицъ и другихъ звѣрей. Если имъ удастся вынуть изъ медвѣжьей берлоги медвѣжатъ, они ихъ вскармливаютъ и на шестомъ мѣсяцѣ ихъ

жизни убиваютъ, подобно гилякамъ, съ соблюденіемъ религіозныхъ церемоній. Мясо съѣдаютъ, а голову втыкаютъ на колъ предъ землянкой или хижиной, дабы она

служила стражемъ ея. Вздѣваютъ на шестъ также и головы убитыхъ оленей и другихъ крупныхъ звѣрей.

Пищей айносовъ служитъ рыба, мясо морскихъ животныхъ и дикихъ звѣрей. Одежда ихъ шьется изъ шкуръ пушныхъ и морскихъ звѣрей.

Религія некрещеныхъ айносовъ состоитъ въ поклоненіи предметамъ видимаго міра: солнцу, огню, водѣ и т. п. Лѣса и воды населены, по ихъ вѣрованію, особыми духами.

Многоженство хотя и допускается, однако рѣдко случается. Близкіе родственники не вступаютъ между собою въ бракъ. Женщина пользуется въ домѣ большимъ

значеніемъ, чѣмъ у другихъ инородцевъ; на нее, впрочемъ, взвалена большая часть домашней работы.

Корейцы, въ числѣ около 7 тысячъ человѣкъ, живутъ селеніями по берегамъ низовья Амура и Уссури. Они переселились съ полуострова Кореи. Корейскія селенія состоятъ изъ фанзъ, расположенныхъ одна отъ другой въ разстояніи отъ 100 до 300 шаговъ. Фанзы ихъ какъ по наружному, такъ и по внутреннему устройству похожи на китайскія фанзы. Около фанзъ находятся огороды и поля, на которыхъ корейцы сѣютъ преимущественно просо, ячмень, фасоль, а также, хотя и въ маломъ количествѣ, картофель, табакъ, кукурузу, коноплю. Изъ огородныхъ овощей они разводятъ огурцы, тыквы, рѣдьку, рѣпу и т. п. Полевыя работы они исполняютъ преимущественно на быкахъ и коровахъ; земледѣльческія орудія ихъ первобытнаго устройства.

Незначительная часть корейцевъ занимается охотой. Мѣха убитыхъ звѣрей они продаютъ русскимъ или китайцамъ и на вырученныя деньги пріобрѣтаютъ порохъ, соль, табакъ и вообще все, необходимое для нихъ.

Многіе корейцы занимаются также рыболовствомъ. На длинныхъ байдарахъ, бока которыхъ обложены соломой, корейцы-рыболовы привозятъ въ городъ рыбу, для продажи русскимъ.

Внѣшнимъ видомъ корейцы похожи на китайцевъ. Подобно послѣднимъ, они носятъ длинныя косы. Красота волосъ составляетъ предметъ щегольства корейцевъ. Женщины, имѣющія короткіе волосы, прицѣпляютъ фальшивыя косы. Одежда корейцевъ состоитъ изъ полотняныхъ или кожаныхъ шароваръ и халата съ широкими рукавами. На головѣ носятъ черную шляпу съ широкими полями. Женщины носятъ кофты и юбки.

Корейцы добродушны, трудолюбивы, гостепріимны и скоры на дружбу. Серьозные и сдержанные въ присутствіи чужихъ, они охотно сбрасываютъ съ себя обычный важный видъ въ обществѣ друзей. Многіе изъ нихъ приняли крещеніе; некрещеные исповѣдуютъ ламайскую религію.

VIII.

ЮКАГИРЫ.

Юкагиры — монгольскаго происхожденія; они живутъ въ сѣверо-восточной Сибири, по берегу Ледовитаго океана, между рѣками Яною и Колымою.

Въ прежнія времена юкагировъ было довольно много, „какъ звѣздъ на небѣ", какъ они выражаются; но оспа и другія заразныя болѣзни значительно уменьшили число ихъ; въ настоящее время ихъ насчитывается только до 1400 человѣкъ.

Юкагиры — средняго роста, стройны; они имѣютъ продолговатое, довольно правильное смуглое лицо; волосы и глаза ихъ большею частью черны. Волосы на головѣ они или распускаютъ отъ средины темени въ стороны, или собираютъ назадъ въ пучокъ и связываютъ ремнемъ. Дѣвушки обвѣшиваютъ свои волосы мѣлкими пуговицами, серебряными монетами и узенькими суконными полосками. Замужнія женщины не носятъ этихъ украшеній на волосахъ.

Одежда юкагировъ дѣлается изъ шкуръ оленей и дикихъ звѣрей. Верхняя ихъ одежда (малица) бываетъ украшена мѣдными пуговицами. Женщины имѣютъ на верхней одеждѣ откидной воротникъ изъ соболя или россомахи, а мужчины имѣютъ стоячій воротникъ изъ какого-нибудь болѣе дешеваго мѣха. На голову мужчины надѣваютъ мѣховую шапку, а женщины повязываютъ голову платкомъ.

Большинство юкагировъ крещены, но у нихъ сохранились еще многіе языческіе обряды и вѣра въ шамановъ.

По образу жизни юкагиры раздѣляются на осѣдлыхъ и кочевыхъ. Осѣдлые живутъ въ бревенчатыхъ избушкахъ. Налѣво отъ входа въ избѣ помѣщается чувалъ, или очагъ, на которомъ почти безпрерывно горитъ огонь; въ одномъ изъ угловъ ея помѣщаются образа; по стѣнамъ развѣшивается оружіе; посрединѣ стоитъ большой столъ, а по стѣнамъ идутъ широкія лавки; на полкахъ разставляется домашняя посуда. Кочевые юкагиры живутъ въ чумахъ, похожихъ на чумы самоѣдовъ и тунгусовъ, или въ землянкахъ, покрытыхъ дерномъ, землей и снѣгомъ. Избушки и землянки отапливаются и освѣщаются моржовымъ жиромъ.

Юкагиры привѣтливы и гостепріимны. Характеръ ихъ большею частью веселый, беззаботный; они любятъ музыку и пѣніе. Почти въ каждой избѣ или въ каждомъ чумѣ можно видѣть балалайку — инструментъ въ родѣ скрипки, на которой кто-нибудь изъ членовъ семьи играетъ. Они часто поютъ; голоса ихъ нерѣдко чисты и пріятны, но въ напѣвахъ ихъ есть „что-то особенное, неправильное и дикое, даже непріятное для непривыкшаго слуха". Они большею частью импровизируютъ какъ напѣвы, такъ и слова пѣсенъ, при чемъ женщины поютъ большею частью объ отсутствующемъ другѣ, а мужчины — объ охотѣ, о своей отвагѣ, силѣ и т. п.

Кромѣ пѣнія, юкагиры любятъ также разсказывать о событіяхъ въ своей жизни, о похожденіяхъ и подвигахъ своихъ предковъ и т. п.

Въ пѣніи и разсказахъ они проводятъ свое досужее время.

Изъ бытовыхъ обрядовъ юкагировъ обращаютъ на себя вниманіе обряды при свадьбѣ. Условившись о размѣрѣ калыма за невѣсту, родственники и сваты убиваютъ оленя и пируютъ. На слѣдующій день невѣста одѣвается въ свой лучшій нарядъ и покрываетъ кускомъ матеріи свое лицо. Мать или другая женщина отвозитъ ее въ чумъ жениха. Тамъ встрѣчаетъ ее мать или родственница жениха, снимаетъ съ нея покрывало и усаживаетъ подлѣ жениха. На другой день послѣ свадьбы молодая сбрасываетъ съ своихъ косъ дѣвичьи украшенія и уже болѣе не надѣваетъ ихъ.

Иногда за невѣстой пріѣзжаетъ сватъ. Онъ садится у очага, закуриваетъ трубку и, не говоря ни слова, подаетъ невѣстѣ колчанъ съ стрѣлами; она передаетъ его своему отцу, а сама бросается изъ чума; ее ловятъ, будто насильно садятъ въ нарту и везутъ въ чумъ жениха.

Главное занятіе юкагировъ состоитъ въ оленеводствѣ, охотѣ и отчасти рыболовствѣ.

Охота за дикими оленями по преимуществу обезпечиваетъ продовольствіе юкагировъ. Отъ оленей они имѣютъ и пищу, и одежду. Кромѣ того, они искусно выдѣлываютъ шкуры оленей и промѣниваютъ ихъ русскимъ на посуду, оружіе и т. п. предметы.

Охота на оленей производится главнымъ образомъ при переходѣ ихъ съ береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана на югъ и обратно. Врангель въ описаніи своего путешествія подробно изображаетъ охоту юкагировъ на оленей. Когда онъ прибылъ въ Плотбище, все собранное тамъ народонаселеніе находилось, говоритъ онъ, въ мучительномъ ожиданіи, и отъ всякаго пріѣзжающаго спрашивали свѣдѣній о ходѣ оленей. Наконецъ, разнесся слухъ, что первыя многочисленныя стада оленей показались въ долинѣ, къ сѣверу отъ рѣки Анюя. Мгновенно всѣ, кто только могъ управлять весломъ, бросились въ лодки и спѣшили укрыться въ изгибахъ и обрывахъ высокихъ береговъ, гдѣ промышленники обыкновенно поджидаютъ свою добычу.

Переходы оленей достойны замѣчанія. Въ счастливые годы число ихъ простирается до многихъ тысячъ, и нерѣдко занимаютъ они пространство отъ 50 до 100 верстъ. Хотя олени всегда ходятъ особыми стадами, по 200 и по 300 головъ каждое, но такія отдѣленія слѣдуютъ столь близко одно отъ другого, что составляютъ одно огромное стадо. Для переправы олени обыкновенно спускаются къ рѣкѣ по руслу высохшаго или маловоднаго притока, выбирая мѣсто, гдѣ противолежащій берегъ отлогъ. Сначала все стадо стѣсняется въ одну густую толпу, и передовой олень, съ немногими, сильнѣйшими товарищами, выходитъ нѣсколько шаговъ впередъ, подымая высоко голову и осматривая окрестность. Увѣрившись въ безопасности, передніе скачутъ въ воду; за ними кидается все стадо, и въ нѣсколько минутъ вся поверхность рѣки покрывается плывущими оленями. Тогда бросаются на нихъ охотники, скрывавшіеся на своихъ лодкахъ за камнями и кустарниками, окружаютъ ихъ и стараются удержать. Между тѣмъ нѣсколько опытнѣйшихъ промышленниковъ, вооруженныхъ копьями и длинными ножами, врываются въ

стадо и съ невѣроятной скоростью убиваютъ плывущихъ оленей. Обыкновенно одного удара довольно для умерщвленія животнаго, или нанесенія ему столь тяжелой раны, что оно можетъ доплыть только до противоположнаго берега.

Охота на оленей сопряжена для охотниковъ съ большою опасностью. Маленькая лодка ихъ ежеминутно подвергается опасности разбиться или опрокинуться, среди густой, безпорядочной толпы оленей, всячески защищающихся отъ преслѣдователей. Самцы кусаются, бодаются и лягаются, а самки обыкновенно стараются вскочить передними ногами въ лодку, чтобы потопить или опрокинуть ее. Если имъ удастся опрокинуть лодку—гибель охотника почти неизбѣжна. Онъ можетъ спастись, только ухватившись за сильнаго нераненаго оленя и выбравшись съ нимъ вмѣстѣ на берегъ. Впрочемъ, несчастія при охотѣ случаются рѣдко, ибо промышленники обладаютъ непонятною ловкостью въ управленіи лодкою, удерживая ее въ равновѣсіи и притомъ отражая усилія животныхъ. Хорошій, опытный охотникъ менѣе нежели въ полчаса убиваетъ до ста и болѣе оленей. Когда стадо весьма многочисленно и придетъ въ безпорядокъ, забойка удобнѣе и безопаснѣе. Другіе охотники хватаютъ убитыхъ оленей, привязываютъ ихъ ремнями къ лодкамъ, и каждый промышленникъ получаетъ то, чѣмъ успѣетъ завладѣть.

Можно подумать, что такимъ образомъ всю добычу расхватываютъ другіе, а собственно охотники не получаютъ себѣ никакого вознагражденія за труды, сопряженные съ опасностью для жизни. Но здѣсь существуетъ свято соблюдаемый обычай, по которому только совершенно убитые олени составляютъ общую собственность, а раненые, доплывающіе до другого берега и тамъ падающіе, принадлежатъ промышленникамъ, которые ихъ кололи. Среди тѣсной толпы устрашенныхъ и разъяренныхъ оленей, въ то время, когда всѣ физическія и душевныя силы человѣка должны быть обращены на сохраненіе собственной жизни, нѣкоторые изъ промышленниковъ сохраняютъ столько присутствія духа и хладнокровія, что могутъ соразмѣрять силу своихъ ударовъ и убиваютъ маленькихъ оленей, а большимъ наносятъ только раны, такъ что они достигаютъ берега и тутъ уже издыхаютъ.

Оленья охота на водѣ представляетъ нѣчто поразительное. Шумъ нѣсколькихъ сотъ плывущихъ оленей, болѣзненное хрипѣнье раненыхъ и издыхающихъ, глухой стукъ сталкивающихся роговъ, обрызганные кровью охотники, прорѣзывающіе съ невѣроятною быстротою густые ряды животныхъ, крики и восклицанія другихъ охотниковъ, старающихся удержать стадо, обагренная кровью поверхность рѣки—все это вмѣстѣ представляетъ картину, которую трудно описать.

По окончаніи охоты и раздѣла добычи, убитые олени тотчасъ опускаются въ воду, потому что на воздухѣ скоро портятся, а въ холодной водѣ безвредно сохраняются нѣсколько дней, пока хозяева успѣютъ выпотрошить и приготовить ихъ впрокъ. Оленье мясо обыкновенно сушатъ на воздухѣ, коптятъ или, при раннихъ холодахъ, замораживаютъ. Здѣшніе русскіе иногда тоже солятъ лучшія части оленей. Особымъ лакомствомъ считаются копченые оленьи языки; ихъ тщательно сберегаютъ и подаютъ на столъ только при торжественныхъ случаяхъ.

Кромѣ охоты на оленей, юкагиры охотятся также и на другихъ звѣрей. Каждый юкагиръ ежегодно ставитъ по нѣскольку сотенъ ловушекъ, западней и силковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно бѣгаютъ соболи, россомахи, лисицы и другіе звѣри. Нѣсколько разъ въ годъ онъ осматриваетъ свои звѣроловныя снасти и вынимаетъ попавшихся въ нихъ звѣрей.

Рыболовство составляетъ второстепенное занятіе юкагировъ, но все-таки и оно служитъ значительнымъ подспорьемъ въ ихъ жизни.

Пищей юкагировъ служитъ главнымъ образомъ оленина въ различныхъ видахъ, т.-е. вареная, вяленая, сырая и т. п. Затѣмъ, въ столѣ ихъ играютъ немаловажную роль мясо птицъ, рыба, ягоды и коренья нѣкоторыхъ растеній.

Какъ и всѣ другіе инородцы, юкагиры любятъ курить табакъ и употреблять хмельные напитки. Не имѣя вина, они пьютъ настой мухоморовъ, что, конечно, не можетъ не отражаться вредно на ихъ здоровьи.

IX.

ЧУКЧИ.

Чукчи — монгольскаго происхожденія; живутъ они на сѣверо-востокѣ Сибири, отъ рѣки Колымы до Берингова пролива и отъ Камчатки до Сѣвернаго Ледовитаго океана, на полуостровѣ, называемомъ Чукотскимъ. На югѣ отъ нихъ живутъ коряки, а на западѣ—юкагиры и якуты.

Страна, занятая чукчами, состоитъ: то изъ каменныхъ, безлѣсныхъ горъ, то изъ обширныхъ долинъ, покрытыхъ тощимъ мохомъ и кое-гдѣ полусухимъ тальни-

комъ или малорослыми хвойными деревцами; она носитъ всѣ характерные признаки непривѣтливой тундры. Климатъ въ ней суровъ до крайности; теплое время продолжается не болѣе одного мѣсяца. Во многихъ мѣстахъ, не только на горахъ, но и въ оврагахъ никогда не растаиваетъ снѣгъ; отъ морозовъ трескаются скалы, обломками которыхъ усѣяна почва. Но чукчи свыклись съ своей угрюмой страной, съ ея стужами и буранами и безвредно для себя переносятъ ихъ. Вотъ, напр., во время зимняго бурана чукчъ стережетъ въ тундрѣ своихъ оленей. Буря сорвала его

шалашъ и заметаетъ его кругомъ, а онъ лежитъ-себѣ на снѣгу подъ оленьей шкурой и прислушивается къ вою своихъ враговъ — волковъ. И нипочемъ ему ни сорокаградусный морозъ, ни страшный буранъ.

Одни изъ чукчей кочуютъ по тундрѣ и занимаются оленеводствомъ, другіе же, лишившись своихъ оленей, перешли къ побережью океана, осѣли здѣсь и стали заниматься ловлей рыбы и морскихъ животныхъ. Первые сами себя называютъ „чаукчу", а вторые называютъ себя „намолло" или „пашкули". Чукчи-оленеводы обыкновенно бываютъ выше ростомъ и бодрѣе видомъ, чѣмъ побережные чукчи. Всѣхъ чукчей насчитывается около 10 тысячъ человѣкъ.

Чукчи живутъ небольшими селеніями. Жилищемъ ихъ служитъ палатка, которая строится изъ китовыхъ реберъ и шестовъ и обтягивается оленьими и тюленьими шкурами. Сторона палатки, обращенная къ югу, бываетъ почти вертикальна; на этой сторонѣ дѣлается маленькая дверь, завѣшиваемая шкурой. Противоположная, т.-е. сѣверная сторона, дѣлается наклонной. Подъ этой стѣнкой, внутри палатки, ставится другая четырехугольная палатка изъ оленьихъ шкуръ, служащая спальней въ сильные холода. Въ ней раскладываютъ огонь, при чемъ вмѣсто дровъ жгутъ мохъ или кости, облитыя, для лучшаго горѣнія, китовымъ жиромъ. Дымъ выходитъ въ отверстіе, находящееся вверху внутренней и внѣшней палатокъ.

Чукчи — средняго роста, крѣпко и стройно сложены; они до старости пользуются хорошимъ здоровьемъ.

Цвѣтъ лица ихъ смуглый, скулы выдавшіяся, носъ приплюснутый, глаза черные, бойкіе, волосы черны, какъ уголь, и коротко острижены; бороды не бываетъ; выростающіе на бородѣ волосы они выщипываютъ. Выраженіе лица ихъ мужественное. Въ прежнія времена многіе изъ нихъ прокалывали себѣ губы и вдѣвали въ нихъ моржовые зубы или костяныя кольца; но въ настоящее время обычай этотъ искоренился. Татуировка у нихъ еще сохранилась, при чемъ мужчины татуируютъ себѣ руки и грудь, а женщины, кромѣ того, и лицо.

Одежда чукчей дѣлается изъ оленьихъ шкуръ; они носятъ „кухлянку", т.-е. оленью куртку, шерстью вверхъ; по кухлянкѣ подпоясываются толстымъ ремнемъ. Внизу кухлянка оторочена длиннымъ чернымъ мѣхомъ и мѣстами украшена кусочками краснаго сафьяна и блестящими металлическими пластинками. На ноги надѣваются мѣховые штаны и высокіе сапоги изъ тюленьей шкуры. На голову надѣваютъ большую шапку съ наушниками.

Дѣтей своихъ чукчи до такой степени толсто укутываютъ въ оленьи шкуры, что если ребенокъ и свалится на полъ, то не ушибется. толстый слой шкуръ защищаетъ отъ ушиба.

Чукчи народъ смѣлый, отчаянный, воинственный; до подчиненія ихъ русскими они смѣло выходили на бой съ враждебными имъ инородцами; но при всемъ томъ они добродушны и хотя расчетливы, но не алчны. У нихъ въ обычаѣ месть. За нанесенную обиду чукчъ считаетъ своею обязанностью отомстить. Иногда месть переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, пока, наконецъ, представится случай покончить вражду смертоубійствомъ и исполнить, такимъ образомъ, существующія требованія относительно кровавой мести.

Гостепріимство составляетъ тоже одну изъ отличительныхъ чертъ чукчей. Гостя они не только угощаютъ, но и надѣляютъ его при уходѣ подарками. Если

прибудетъ почетный гость, то хозяинъ чума созываетъ своихъ друзей на пиръ, и идетъ угощеніе до тѣхъ поръ, пока гость не уѣдетъ. Для угощенія закалываютъ оленей. При пирахъ шаманы производятъ заклинанія и приносятъ жертвы, при чемъ не забываютъ посредствомъ сожженія послать подарки умершимъ родственникамъ хозяина.

Пріѣзжающіе на Чукотскій полуостровъ китоловы и торговцы познакомили чукчей съ водкою и нѣкоторыми пороками и тѣмъ оказали на ихъ характеръ вредное вліяніе.

До проникновенія къ чукчамъ христіанства у нихъ господствовали такіе обычаи, которые не могутъ быть терпимы съ христіанской точки зрѣнія; они, напр., убивали хилыхъ стариковъ и вообще лицъ, неспособныхъ къ работѣ, имѣли по двѣ и болѣе жены и т. п. По мѣрѣ распространенія христіанства, обычаи эти мало-по-малу искореняются, но все-таки и до настоящаго времени многіе языческіе обычаи и вѣрованія у нихъ въ полной силѣ. Изъ такихъ обычаевъ и вѣрованій упомянемъ объ обычаѣ приносить въ жертву животныхъ и о вѣрованіи въ силу шамановъ, талисмановъ и амулетовъ.

Покойниковъ чукчи сожигаютъ, обрядивъ ихъ предварительно въ оленьи одежды. На кострѣ вмѣстѣ съ покойникомъ сожигаютъ убитыхъ оленей, нарту, оружіе и другія вещи, принадлежавшія покойному. Если пламя костра поднимается столбомъ вверхъ, то чукчи думаютъ, что душа покойника вмѣстѣ съ пламенемъ возносится прямо на небо.

Нерѣдко трупъ покойника не сожигаютъ, а кладутъ въ вырытую яму, гдѣ покрываютъ его шкурой, но не зарываютъ землей, такъ что онъ становится жертвой звѣрей.

При каждомъ событіи, радостномъ или печальномъ, чукчи-язычники приносятъ богамъ въ жертву оленей, а иногда даже и собакъ. Прежде чѣмъ принести жертву, они обыкновенно обращаются къ шаману съ вопросомъ, какую жертву слѣдуетъ принести богамъ. Тотъ назначаетъ—и жертва приносится. Случается, что если при постигшемъ бѣдствіи, напр., падежѣ оленей, не помогаютъ жертвы, приносимыя по указанію шамана, то чукчи наказываютъ самого шамана.

Чукчи обложены незначительной податью, которую они платятъ преимущественно шкурками; но они освобождены отъ всякой земской повинности. Судъ они совершаютъ по своимъ обычаямъ; русскій судъ касается до нихъ только тогда, когда они совершили убійство или грабежъ внѣ границъ признанныхъ за ними земель.

У нихъ есть избранные тіуны или предводители, которые, впрочемъ, мало имѣютъ власти и ничего не могутъ дѣлать безъ общаго согласія.

Между богатыми чукчами встрѣчаются такіе, которые имѣютъ слугъ, состоящихъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ своимъ владѣльцамъ. Слуги эти не считаютъ себя въ правѣ оставить своего господина и перейти къ другому владѣльцу. За работу своихъ слугъ владѣлецъ кормитъ и одѣваетъ ихъ. Такимъ образомъ у чукчей сохранилось нѣчто въ родѣ крѣпостничества. Можно думать, что крѣпостные слуги у чукчей произошли изъ лицъ, побѣжденныхъ или взятыхъ въ плѣнъ.

Женщины у чукчей пользуются въ значительной мѣрѣ почетомъ и уваженіемъ. Мужъ всегда совѣтуется съ женой, когда производится какая-нибудь важная мѣна.

Вещи, которыя мужъ вымѣниваетъ, отдаются немедленно женѣ на храненіе. Всѣ домашнія работы возложены на женщинъ: мужчины считаютъ для себя унизительнымъ исполнять какую-нибудь домашнюю работу.

Съ своими дѣтьми чукчи обращаются чрезвычайно ласково и при разговорѣ съ ними избѣгаютъ бранныхъ словъ. Норденшильдъ говоритъ, что достаточно приласкать дѣтей, чтобы быть чукчами любезно принятымъ въ ихъ палаткѣ. Маленькихъ дѣтей чукчи обыкновенно носятъ на спинѣ.

Главное занятіе кочевыхъ чукчей состоитъ въ оленеводствѣ. Между чукчами-оленеводами есть такіе, которые владѣютъ по нѣскольку тысячъ оленей. Вообще можно сказать, что чукчи-оленеводы считаются болѣе зажиточными, чѣмъ береговые чукчи, главное занятіе которыхъ состоитъ въ ловлѣ тюленей и моржей. Ловятъ ихъ толстыми ременными сѣтями, которыя пропускаютъ подъ ледъ въ прорубь и въ которыя они запутываются головой или лапами. Бьютъ ихъ также и на сушѣ. Чукча надѣваетъ бѣлое платье, чтобы какъ можно менѣе отличаться отъ снѣга, и приближается незамѣтно къ тюленямъ или моржамъ, грѣющимся на солнцѣ. У него въ рукѣ копье и палка съ набитыми на концѣ медвѣжьими зубами. Этой палкой онъ скребетъ по льду и снѣгу, чтобы усыпить звѣря и заглушить шорохъ снѣга при своемъ приближеніи. Приблизившись къ нему, онъ поражаетъ его копьемъ. Иногда чукчи, замѣтивши, что тюлени вылѣзли изъ воды на сушу погрѣться на солнцѣ, бросаются на нихъ, отрѣзываютъ путь къ водѣ и гонятъ дальше вглубь суши, гдѣ и убиваютъ копьями и палками.

Отъ тюленей и моржей береговые чукчи получаютъ все имъ необходимое. Мясо и нѣкоторыя части кожи этихъ звѣрей идутъ въ пищу чукчамъ, жиръ служитъ имъ для топлива и пищи, изъ кожи они дѣлаютъ ремни для упряжи и прочныя подошвы, клыки продаютъ или дѣлаютъ изъ нихъ оружіе для ломки льда и рытья замерзшей земли и, наконецъ, изъ внутренностей и кишокъ они дѣлаютъ непромокаемое лѣтнее платье.

Кромѣ тюленей и моржей, чукчи охотятся также на медвѣдей, ради ихъ мяса и сала, которое они считаютъ лакомствомъ. Для охоты за медвѣдями, они пробираются на льдины Ледовитаго океана, на которыхъ тѣ живутъ.

Охотятся они также и на волковъ. Своеобразна ихъ охота на нихъ. Берутъ китовый усъ, заостриваютъ съ обоихъ концовъ и свертываютъ въ кольцо, которое перевязываютъ веревочкой, чтобы оно не развертѣлось. Затѣмъ на холодѣ поливаютъ его водой, пока оно не покроется слоемъ льда, и разрѣзываютъ веревочку. Кольцо обмазываютъ толстымъ слоемъ жира и бросаютъ его на тундрѣ. Голодный волкъ поглощаетъ это кольцо. Въ желудкѣ ледъ растаиваетъ и усъ выпрямляется, причиняя волку смертельную рану. Чрезъ нѣкоторое время чукчи находятъ волка на тундрѣ мертвымъ.

Занимаются чукчи также ловлей рыбы и птицъ. Рыбу ловятъ или корзинами изъ ивовыхъ прутьевъ, или же сѣтями, сдѣланными изъ тонкихъ ремешковъ, вырѣзанныхъ изъ моржовыхъ кожъ. Для разъѣздовъ при ловлѣ рыбы употребляютъ легкія байдары, состоящія изъ деревяннаго или костяного остова, обтянутаго шкурами морскихъ животныхъ, мѣхомъ внутрь лодки.

Для ловли птицъ употребляютъ сѣти изъ длинныхъ и узкихъ ремней съ кам-

нями или кусками моржовой кости на концахъ. Чукчи бросаютъ такія сѣти на летящихъ гусей или другихъ птицъ, запутываютъ ихъ и повергаютъ на землю.

Чукчи-оленеводы ведутъ мѣновую торговлю съ береговыми чукчами. Первые со своими оленями перекочевываютъ на берегъ океана и здѣсь вымѣниваютъ у береговыхъ чукчей моржовыя и тюленьи кожи, моржовые зубы и китовый жиръ; взамѣнъ этого они доставляютъ береговымъ чукчамъ оленьи шкуры, табакъ и различныя русскія издѣлія.

Для торговли съ русскими чукчи собираются въ мѣста, въ которыхъ бываетъ ярмарка. Такими мѣстами служатъ крѣпостца Островное, Анюй, Колымскъ и друг. Прибывъ на ярмарку, чукчи и другіе инородцы становятся съ своими нартами полукругомъ противъ русскихъ торговцевъ. Послѣ обѣдни въ русской церкви, поднимается флагъ—знакъ открытія ярмарки. Во время ярмарки русскіе торговцы суетливо перебѣгаютъ отъ одного инородца къ другому, восхваляя свой товаръ и прицѣпиваясь къ товару инородцевъ. Чукчи же невозмутимо стоятъ возлѣ своихъ нартъ и съ нѣкоторою важностью относятся къ восхваленію русскими торговцами своего товара; они только покачиваютъ головой въ случаѣ сомнѣнія въ добротѣ предлагае-

маго имъ товара. Безъ всякихъ вѣсовъ, они вѣрно на рукѣ взвѣшиваютъ предлагаемый имъ табакъ; не берутъ его, если въ пудѣ не достаетъ хотя фунта. Малѣйшій изъянъ въ товарѣ — и чукчъ бракуетъ его молча, съ полнымъ хладнокровіемъ.

Вся торговля у чукчей мѣновая; они не знаютъ цѣнности денегъ. Норденшильдъ пишетъ, что 25-ти-рублевая бумажка цѣнится чукчами меньше, чѣмъ красивая обложка отъ мыла, а золотая или серебряная монета меньше, чѣмъ оловянная пуговица. Когда спутники Норденшильда предложили чукчу серебряную монету, то онъ принялъ ее лишь послѣ того, какъ въ ней просверлено было отверстіе, чтобы можно было употреблять ее какъ украшеніе.

Чукчи служатъ посредниками при покупкѣ русскими американскаго пушного товара. На своихъ байдарахъ они легко и скоро переплываютъ Берингов̆ъ проливъ на берегъ Америки, гдѣ на табакъ вымѣниваютъ у алеутовъ пушные мѣха и везутъ на ярмарку для сбыта русскимъ.

Для переѣздовъ по сухому пути береговые чукчи употребляютъ собакъ, запрягая ихъ въ нарту по четыре врядъ; чукчи же оленеводы ѣздятъ большею частью на оленяхъ, запрягая ихъ пару и болѣе въ нарту. Нарты свои они дѣлаютъ изъ китовыхъ реберъ.

Въ досужее время чукчи сидятъ въ своихъ палаткахъ и разсказываютъ другъ другу свои похожденія на охотѣ. Иногда они устраиваютъ скачки и бѣганье взапуски. Скачки начинаются по данному сигналу. Какъ стрѣла мчатся олени, управляемые съ удивительнымъ искусствомъ чукчами. Бѣганье взапуски совершается на снѣгу, иногда довольно глубокомъ; несмотря на это, многіе чукчи бѣгутъ очень быстро, проворно и неутомимо. Побѣдители награждаются одобреніемъ, а иногда и подарками. Молодыя дѣвушки нерѣдко устраиваютъ пляску. Нѣсколько дѣвушекъ становятся одна противъ другой или же рядомъ и съ мимическими движеніями покачиваются въ тактъ; затѣмъ прыгаютъ обѣими ногами заразъ впередъ и поворачиваются кругомъ. Пляска сопровождается пѣніемъ и барабаннымъ боемъ. Барабанъ чукчей состоитъ изъ деревяннаго обруча, перетянутаго тонкой кишкой тюленя или моржа. По такому барабану ударяютъ тонкой палочкой изъ китоваго уса. Звуки пѣнія и барабаннаго боя не особенно гармоничны для европейскаго слуха; но достаточно взглянуть на веселыя, улыбающіяся лица чукчей, чтобы понять, что эти звуки имъ очень нравятся и производятъ на нихъ сильное впечатлѣніе.

Пища оленныхъ чукчей состоитъ главнымъ образомъ изъ вареной оленины; осѣдлые же чукчи питаются преимущественно мясомъ, жиромъ и кровью морскихъ животныхъ. Мясо бѣлаго медвѣдя и нѣкоторыя части китовой кожи они считаютъ лакомствомъ. Рыбу они ѣдятъ только при недостаткѣ мяса; соли почти не употребляютъ. Мясной сокъ они смѣшиваютъ со снѣгомъ и эту смѣсь употребляютъ вмѣсто питья. Отъ русскихъ познакомились они съ чаемъ и сахаромъ, и болѣе зажиточные изъ нихъ считаютъ чай для себя необходимымъ напиткомъ; особенно любятъ они сосать сахаръ.

Норденшильду пришлось видѣть, какъ чукчи ѣдятъ. Когда оленина была сварена, говоритъ онъ, чукчи приступили къ ѣдѣ. Во время ѣды они лежали, причемъ туловище находилось во внутренней юртѣ, а голова—подъ олеными шкурами во внѣшней юртѣ, гдѣ была поставлена пища. Взявъ по куску оленины, они у

самыхъ зубовъ отрѣзывали ножомъ столько, сколько въ одинъ разъ могли разжевать и проглотить. Окончивъ ужинъ, они опять втянули голову во внутреннюю юрту.

Въ промежуткахъ между принятіемъ пищи многіе чукчи, какъ и нѣкоторые другіе инородцы, жуютъ сѣру, что очищаетъ зубы и обильно снабжаетъ желудокъ слюной, способствующей перевариванію тяжелой пищи.

Какъ всѣ инородцы, чукчи любятъ пить водку, въ употребленіи которой они мало разборчивы, чѣмъ и пользуются торговцы, продавая имъ самую плохую водку по высокой цѣнѣ.

Любятъ чукчи также курить табакъ; курятъ изъ длинныхъ трубокъ. При куреніи они затягиваются до одуренія. Кромѣ куренія, они также нюхаютъ, жуютъ и даже проглатываютъ табакъ. Бѣдняки, для которыхъ недоступно куреніе настоящаго табаку, замѣняютъ его моржевой шерстью, выдергиваемой по мѣрѣ надобности изъ одежды.

X.

КОРЯКИ.

Коряки живутъ на пространствѣ отъ средней части полуострова Камчатки до рѣки Анадыри. Они родственны чукчамъ, что доказывается сходствомъ ихъ языка, образа жизни, нравовъ, домашней утвари и одежды; видомъ они тоже похожи на чукчей и, подобно послѣднимъ, иногда татуируютъ себя. Число ихъ простирается до 4500 человѣкъ. Они раздѣляются на кочевыхъ и осѣдлыхъ. Первые живутъ въ оленьихъ палаткахъ, а вторые — въ хижинахъ или землянкахъ. Землянки свои они устраиваютъ такъ: вырываютъ яму около сажени въ глубину и до двухъ или трехъ саженъ въ длину и ширину. Стѣны ямы обкладываютъ досками, а сверху настилаютъ жерди, на которыя насыпаютъ землю, оставляя небольшое отверстіе, служащее и окномъ, и дверью, и дымовой трубой. Въ землянку спускаются по бревну, стоящему наклонно. Внутри ея, прямо подъ отверстіемъ, устраиваютъ изъ каменьевъ очагъ, на которомъ почти всегда горитъ огонь. Около стѣнъ землянки идутъ лавки, покрытыя травяными рогожами и шкурами.

Хижины или землянки коряковъ никогда не очищаются, а потому въ нихъ всегда бываетъ непролазная грязь и нечистота. Остатки отъ приготовляемой или принимаемой пищи бросаются на полъ, гдѣ и гніютъ, заражая собою воздухъ, который бываетъ до того испорченъ, что непривыкшій человѣкъ не можетъ пробыть въ немъ и полчаса. Извнѣ землянки имѣютъ видъ холмиковъ. Онѣ нерѣдко бываютъ огорожены частоколомъ или обведены земляным валомъ.

Домашняя утварь коряковъ состоитъ изъ нѣсколькихъ мисокъ, котловъ и корытцевъ.

Живя грязно, коряки любятъ наряжаться въ платье, которое шьется изъ шкуръ собачьихъ, оленьихъ и медвѣжьихъ и украшается полосками цвѣтного сукна и пуговицами.

Въ настоящее время почти всѣ коряки считаются христіанами; но не многіе изъ нихъ имѣютъ ясное понятіе объ истинахъ этой религіи. Все-таки они почти забыли свои прежнія языческія вѣрованія и не чтутъ своихъ прежнихъ идоловъ. До распространенія христіанства они чтили духа Апапеля, властителя вселенной, и идола Хантая, очистителя грѣховъ. Верхняя половина этого послѣдняго была человѣческая, а нижняя — рыбья. Ежегодно коряки вырѣзывали изъ дерева новаго идола Хантая и ставили его рядомъ съ прежнимъ, такъ что въ иной землянкѣ помѣщалось нѣсколько ихъ. Кромѣ Хантая, коряки чтили еще идола Ажушара. Этотъ идолъ имѣлъ видъ столбика съ верхушкою, обдѣланною въ видѣ человѣче-

ской головы; онъ ставился обыкновенно надъ домашнею посудою и считался сторожемъ, отгоняющимъ отъ землянки злыхъ лѣсныхъ духовъ.

Несмотря на то, что коряки не чтутъ своихъ прежнихъ боговъ и идоловъ, они все-таки иногда приносятъ въ жертву собаку или оленя, хотя, впрочемъ, и не знаютъ, кому приносятъ эту жертву. Принося жертву, они приговариваютъ: „Это для тебя, дай намъ и ты что-нибудь“. У нихъ сохранилась еще вѣра въ шамановъ, къ помощи которыхъ они прибѣгаютъ въ болѣзни или тяжелыхъ случаяхъ.

Коряки, особенно кочевые, отличаются правдивостью. Единственной клятвой ихъ служатъ слова: „Это вѣрно, я не лгу“.

Убійство признается ими большимъ преступленіемъ, вызывающимъ месть со стороны родственниковъ убитаго; оскорбленіе чести считается тоже преступленіемъ и влечетъ за собою месть; воровство же не признается дѣломъ непозволительнымъ, если только слѣды его ловко скрыты.

Всѣ споры и несогласія членовъ семьи обыкновенно разбираетъ старшій членъ ея, и его рѣшенію должны всѣ подчиняться; споры же между членами различныхъ семействъ рѣшаетъ старшина.

Коряки, какъ и другіе инородцы, отличаются гостепріимствомъ. При пріемѣ пріѣхавшаго гостя соблюдается слѣдующій обычай: пріѣхавшій гость отпрягаетъ оленей и остается въ своихъ саняхъ до тѣхъ поръ, пока хозяйка не скажетъ ему, что хозяинъ дома. Вылѣзаетъ изъ землянки хозяинъ. Гость приближается къ землянкѣ, и хозяинъ предлагаетъ ему войти въ нее. Когда гость войдетъ, хозяинъ, показывая ему мѣсто, проситъ его сѣсть и начинаетъ его угощать.

При встрѣчѣ коряки привѣтствуютъ другъ друга словами: „Желаю теплаго дня“. Ясно, что въ суровомъ климатѣ такое привѣтственное пожеланіе можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ.

При бракѣ у коряковъ соблюдаются слѣдующіе обряды: собираются гости. Ихъ угощаютъ мясомъ, жиромъ, рыбой и т. п. Послѣ ѣды раздается мѣрный барабанный бой. Входитъ старый корякъ съ охапкой ивовыхъ прутьевъ; онъ раздаетъ ихъ всѣмъ присутствующимъ. Барабанный бой прекращается, и барабанившій начинаетъ пѣть речитативомъ, сначала тихо, а затѣмъ все громче и громче, и наконецъ пѣніе его переходитъ въ дикую и энергическую пѣсню. У входа въ каждую палатку помѣщаются по двѣ или по три женщины съ прутьями. Престарѣлый корякъ выводитъ изъ палатки жениха и невѣсту. Съ появленіемъ ихъ снова раздается барабанный бой и гости начинаютъ горланить во всю мочь. По сигналу, данному престарѣлымъ корякомъ, невѣста бросается бѣжать. Женихъ старается ее догнать. Она перебѣгаетъ изъ палатки въ палатку, а за нею слѣдуетъ женихъ. Женщины всевозможными мѣрами стараются помѣшать ему поймать невѣсту: онѣ бьютъ его прутьями, закрываютъ передъ нимъ входъ въ палатку, стараются подцѣпить его, чтобы онъ упалъ. Онъ съ поразительнымъ терпѣніемъ преодолѣваетъ всѣ эти препятствія и, наконецъ, ловитъ невѣсту. Барабанный бой и пѣніе прекращаются, свадьба считается оконченной и гости расходятся.

Богатые платятъ за невѣсту калымъ, а бѣдные вступаютъ въ услуженіе къ родителямъ невѣсты и такимъ образомъ зарабатываютъ себѣ право получить жену.

Приданое жены, по установившемуся обычаю, остается ея неотъемлемой собственностью до рожденія перваго ребенка; послѣ рожденія его, ея олени переходятъ

во владѣніе мужа, для обезпеченія дѣтей. Если бракъ бездѣтенъ, то стада мужа и жены, послѣ ихъ смерти, переходятъ въ наслѣдство къ ближайшимъ ихъ родственникамъ. По смерти отца, всѣ сыновья дѣлятъ имущество его между собою поровну. Вдова пользуется пожизненнымъ приплодомъ отъ оленей, полученныхъ ею въ приданое; послѣ ея смерти приданое ея переходитъ къ сыновьямъ, которые при раздѣлѣ его должны вознаграждать своихъ сестеръ подарками. Въ семьѣ, гдѣ много братьевъ, младшій, если онъ не женатъ, можетъ жениться на вдовѣ старшаго брата; но старшему брату, холостому или вдовцу, не дозволяется вступить въ бракъ со вдовою младшаго брата. Если всѣ братья женаты, то вдова каждаго изъ нихъ можетъ выйти за чужого. Многоженство, бывшее прежде въ обычаѣ у коряковъ, въ настоящее время почти не случается.

Когда у коряка родится ребенокъ, приводятъ къ родильницѣ оленя, котораго тутъ же и убиваютъ въ жертву духамъ. Кромѣ того, для новорожденнаго отецъ отдѣляетъ нѣсколько оленей, которыхъ отмѣчаетъ особымъ знакомъ на ухѣ. Приплодъ отъ этихъ оленей принадлежитъ ему же. Такимъ образомъ, когда ребенокъ возмужаетъ, онъ является владѣтелемъ довольно значительнаго стада. Вскорѣ послѣ рожденія ребенку даютъ имя. Въ палатку или землянку собираются родные. Одна изъ старыхъ женщинъ привязываетъ къ столбу стеклянный шарикъ и начинаетъ медленно перебирать одно за другимъ имена любимѣйшихъ изъ умершихъ мужчинъ или женщинъ, смотря потому, какого пола ребенокъ. Ребенку дается то имя, при произнесеніи котораго шарикъ случайно шевельнется; коряки убѣждены, что любимый покойникъ шевельнулъ шарикомъ и тѣмъ какъ бы указалъ, что счастье, которое онъ имѣлъ въ жизни, должно перейти на новорожденнаго. Дѣтей своихъ, для теплоты, коряки зашиваютъ въ оленьи мѣшки. Зашитаго въ мѣшокъ ребенка мать носитъ на спинѣ.

Дѣти у коряковъ съ раннихъ лѣтъ пріучаются къ занятію, свойственному ихъ полу: дѣвочки пріучаются шить одежду, готовить пищу, плести сѣти, сушить рыбу, а мальчики—стрѣлять изъ лука или ружья, пасти оленей, ловить рыбу и т. п.

Покойниковъ коряки сожигаютъ на кострѣ съ ихъ оружіемъ и необходимыми при жизни вещами, а любимыхъ покойникомъ оленей убиваютъ, мясо ихъ съѣдаютъ, а все остальное также сожигаютъ на кострѣ. Возвращающихся домой съ похоронъ шаманъ ударяетъ слегка розгою, произнося заклинаніе, которымъ будто бы запрещаетъ умершему приходить за живыми.

Занятіе кочевыхъ коряковъ состоитъ главнымъ образомъ въ оленеводствѣ, а осѣдлыхъ—въ рыболовствѣ и охотѣ за пушными звѣрями и морскими животными. Пріемы ловли пушныхъ звѣрей и морскихъ животныхъ тѣ же, что и у чукчей.

Коряки неразборчивы въ пищѣ. Они ѣдятъ мясо павшихъ оленей и другихъ животныхъ. Главною же ихъ пищею служитъ рыба, которая ловится въ несмѣтномъ множествѣ. Для храненія запаса рыбы строятся балаганы на высокихъ подставкахъ. Взлѣзаютъ на эти балаганы съ помощью бревна съ зарубками.

Рыбу коряки обыкновенно варятъ въ глиняныхъ или чугунныхъ котлахъ. Въ прежнее время, когда они еще не имѣли возможности получать отъ русскихъ глиняной или чугунной посуды, они варили рыбу въ деревянныхъ корытцахъ, при

чемъ, положивши ее въ корыто, наливали его водой и затѣмъ, раскаливши нѣсколько камней, клали ихъ одинъ послѣ другого въ воду съ рыбой. Вода нагрѣвалась и рыба варилась. Приготовляли коряки рыбную пищу и такимъ образомъ: множество рыбьихъ головъ сваливали въ яму и оставляли ихъ тамъ, изрѣдка перемѣшивая, — до тѣхъ поръ, пока вся масса не прокисала. Приготовленная такимъ образомъ пища издавала нестерпимый запахъ, однако коряки ѣли ее съ большимъ аппетитомъ.

Кромѣ мяса и рыбы, коряки питаются разными кореньями, добывая ихъ изъ норъ особаго рода мышей.

Какъ опьяняющій напитокъ, коряки употребляютъ иногда настой мухоморовъ. Настой этотъ вреденъ для здоровья, и продажа мухоморовъ запрещена закономъ; однако коряки вымѣниваютъ ихъ у торговцевъ на оленей и шкурки пушныхъ звѣрей.

КАМЧАДАЛЫ.

Камчадалы живутъ на полуостровѣ Камчаткѣ, преимущественно на южной его части. Они сами себя называютъ *кроша* (люди) или *ительменъ* (жители). Названіе *камчадалы* произошло отъ рѣки Коочъ, протекающей по Камчаткѣ. Словомъ „Коочъ-ай" назывался у жителей Камчатки всякій, живущій при рѣкѣ Коочъ. Изъ „Коочъ-ай" у коряковъ образовалось слово *Кончало*, а изъ этого слова наши казаки образовали слово *Камчадалы*.

Въ настоящее время камчадаловъ насчитывается до 4 тысячъ человѣкъ; въ прежнее же время ихъ было значительно больше.

Видъ камчадаловъ свидѣтельствуетъ объ ихъ монгольскомъ происхожденіи. Они имѣютъ темно-желтый цвѣтъ кожи, черные волосы, рѣдкую бороду, плоское, широкое лицо, выдавшіяся скулы, большой ротъ и толстыя губы. Ростъ ихъ средній или даже ниже средняго, плечи широкія и животъ отвислый. Женщины съ особенной тщательностью защищаютъ кожу на своемъ лицѣ отъ загара, отчего она у нихъ значительно бѣлѣе, чѣмъ у мужчинъ.

Одеждой камчадаловъ служитъ кукляпка или мѣховая рубашка до колѣнъ; она бываетъ обшита у ворота и на рукавахъ бобровымъ или другимъ цѣннымъ мѣхомъ. Ноги они обуваютъ въ торбасы или сапоги изъ тюленьей кожи. Подъ ними они носятъ чулки изъ оленьей шкуры и мѣховые штаны. На голову надѣваютъ лисій капоръ съ длинной бахромой изъ шерсти. Украшеніемъ капора женщинъ часто служатъ два бѣлые лоскутка изъ шкуры россомахи, въ подражаніе морской птицѣ мычагаткѣ, у которой на головѣ два бѣлые хохла. Случалось, что камчадалки охотно отдавали за два такіе лоскутка одного или даже двухъ бобровъ.

Въ прежнее время жилищемъ для камчадаловъ служили землянки. Въ настоящее же время они строятъ себѣ избушки и балаганы. Избы свои они строятъ изъ бревенъ и покрываютъ сухой осокой или лубочными полосами. Вмѣсто стеколъ, оконныя рамы затягиваютъ прозрачными пузырями. Дверь дѣлаютъ маленькую, почти квадратную. Дымъ отъ очага выходитъ въ трубу, сдѣланную изъ длинныхъ жердей, обмазанныхъ толстымъ слоемъ глины. Около избушки устраиваются на высокихъ деревянныхъ подставкахъ балаганы, служащіе для храненія рыбы и другихъ съѣстныхъ припасовъ.

Многіе камчадалы зимой живутъ въ своихъ зимнихъ избушкахъ, выстроенныхъ вдали отъ океана, среди лѣса или горъ; на лѣто же они переселяются къ взморью, на устье какой-нибудь рѣки. Такое переселеніе обусловливается какъ климатомъ страны, такъ и занятіями камчадаловъ лѣтомъ и зимой.

Камчадалы отличаются добродушіемъ и привѣтливостью; они охотно помогаютъ другъ другу въ нуждѣ. За высказанное къ нимъ участіе они признательны и

стараются отплатить всевозможными услугами. По ихъ нравственнымъ понятіямъ признается проступкомъ все то, что причиняетъ вредъ. Согласно съ этимъ, признается, напр., грѣхомъ подниматься на вулканическую гору, такъ какъ это сопряжено съ большою опасностью для жизни; считается также грѣхомъ завести ссору изъ-за дурной рыбы, такъ какъ отъ такого неважнаго повода могутъ возникнуть вредныя послѣдствія.

Къ начальствующимъ лицамъ камчадалы относятся съ большимъ почтеніемъ. Къ своимъ дѣтямъ они относятся нѣжно, и матери носятъ ихъ съ собой на спинѣ въ деревянныхъ ящикахъ.

Камчадалы, какъ и другіе инородцы, гостепріимны. Попотчевать гостя составляетъ для нихъ удовольствіе. Желая угостить его, они готовятъ въ нѣсколькихъ корытахъ сушеной, толченой и квашеной рыбы и икры съ брусникой, затѣмъ жарко топятъ хижину и приглашаютъ въ нее гостя. Такъ какъ въ избѣ жарко, то хозяинъ и гость снимаютъ съ себя верхнюю одежду. Приличіе требуетъ, чтобы гость съѣлъ все, что для него приготовлено. Какъ выраженіе своего вниманія къ гостю, хозяинъ беретъ кусокъ китоваго или нерпичьяго жира, всовываетъ его гостю въ ротъ и отрѣзываетъ остатокъ около самыхъ его губъ. Угощаютъ гостя до тѣхъ поръ, пока онъ можетъ ѣсть. Обычай требуетъ, чтобы гость отплатилъ хозяину такимъ же угощеніемъ.

Камчадаловъ считаютъ лѣнивыми; это качество, конечно, можетъ быть прини-

сано имъ по сравненію съ цивилизованными европейцами, которые развили въ себѣ потребность къ дѣятельности и скучаютъ безъ серьознаго занятія. Камчадалъ принимается за работу только тогда, когда къ этому побуждаетъ его нужда или голодъ. Если же нѣтъ такого побужденія, онъ предпочитаетъ лежать безъ всякаго дѣла въ своей хижинѣ.

Характеръ камчадаловъ, ихъ душевное настроеніе отразились въ ихъ преданіяхъ и пѣсняхъ. Пѣсни ихъ служатъ выраженіемъ скорѣе мягкихъ, добрыхъ чувствъ, напр., чувства любви, ласки, чѣмъ грубыхъ, суровыхъ чувствъ, напр., гнѣва, мести и т. п. Напѣвъ и музыка ихъ носятъ большею частью печальный характеръ: въ нихъ слышится какое-то смутное, безотчетное сожалѣніе о чемъ-то невозвратномъ.

При пѣніи камчадалы акомпанируютъ себѣ на трехугольной балалайкѣ о двухъ струнахъ или на свирѣли.

Навеселѣ камчадалы пляшутъ подъ звуки балалайки, при чемъ видимо подражаютъ движеніямъ нѣкоторыхъ животныхъ.

Религіозныя понятія камчадаловъ, до принятія ими христіанства, были спутаны и неопредѣленны. Они олицетворяли и обоготворяли тѣ предметы, которые производили на нихъ особенно сильное впечатлѣніе. Такъ, они вѣрили въ боговъ вулканическихъ горъ, признавая ихъ злыми духами, которые ночью сходятъ съ горъ на море ловить рыбу. Вѣрили они также, что на высокихъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ горахъ живутъ особенные духи, которые ѣздятъ на санкахъ, запряженныхъ бѣлыми куропатками и черными лисицами. Облака, по ихъ понятію, подчинены особому богу, обладающему силой посылать на землю дождь и градъ. Этотъ богъ похищалъ маленькихъ дѣтей, обязанныхъ держать свѣтильники, освѣщающіе его жилище. Воображеніе камчадаловъ населило рѣки и озера водяными, которые топятъ плавающихъ, а лѣса — лѣшими, которые стараются сбить путника съ пути, помрачая его умъ.

По преданію камчадаловъ, земля принесена съ неба сыномъ высшаго существа Кутомъ. Этотъ богъ утвердилъ ее на водѣ и самъ поселился на ней. Здѣсь у него родились сынъ и дочь, которые сочетались бракомъ. Кутъ, по мнѣнію камчадаловъ, надѣлалъ при созданіи земли много промаховъ, отчего они не только не поклонялись ему, но даже бранили его. Къ чему, разсуждали они, на землѣ такъ много горъ, пропастей, утесовъ, бурныхъ потоковъ и рѣкъ, такъ часты дожди, такъ сильны бури, грозы и проч.

Землетрясенія, по понятію камчадаловъ, происходятъ отъ того, что собака бога Туйла сотрясаетъ съ себя снѣгъ.

У камчадаловъ были колдуньи, которыя своимъ видомъ, костюмомъ и таинственностью своихъ дѣйствій возбуждали въ нихъ чувство страха. Пользуясь ихъ довѣрчивостью, онѣ обманывали ихъ, занимаясь гаданьемъ, врачеваньемъ и искусствомъ предотвращать несчастія.

Съ прошлаго столѣтія между камчадалами начало распространяться христіанство. Благодаря миссіонерской дѣятельности, въ настоящее время почти всѣ камчадалы крещены, и прежнія ихъ вѣрованія потеряли для нихъ свое значеніе. Иногда только вѣрованія эти проглядываютъ въ случайномъ приношеніи ничтожной жертвы тому или другому изъ забытыхъ боговъ.

Какъ выраженіе господства христіанства надъ прежними языческими вѣрованіями камчадаловъ, въ настоящее время почти въ каждомъ значительномъ камчадальскомъ селеніи красуется православная церковь, окрашенная обыкновенно въ красный цвѣтъ, съ двумя куполами зеленаго или голубого цвѣта.

Бракъ у камчадаловъ совершается послѣ уплаты женихомъ калыма за невѣсту. Случается, что женихъ, не имѣя чѣмъ уплатить калымъ, поступаетъ въ услуженіе къ родителямъ невѣсты и исполняетъ всѣ работы по ихъ хозяйству.

Умершихъ камчадалы въ прежнее время бросали на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, ибо вѣрили, что трупъ покойника, съѣденный ими, явится въ загробную жизнь въ обновленномъ, лучшемъ видѣ. Въ настоящее же время они большею частью погребаютъ своихъ покойниковъ.

Мѣстопребываніемъ умершихъ они считали вулканическія горы, при чемъ думали, что дымъ, выходящій изъ этихъ горъ, означаетъ, что умершіе топятъ свои избы.

Для ѣзды прежде служили собаки. Въ настоящее время они хотя и не оставили ѣзды на собакахъ, однако держатъ и лошадей, на которыхъ ѣздятъ преимущественно лѣтомъ.

Сани или нарты для ѣзды на собакахъ отличаются легкостью и прочностью. Остовъ ихъ состоитъ изъ брусьевъ, связанныхъ ремнями изъ тюленьей кожи и поставленныхъ на широкіе, выгнутые полозья. Собакъ запрягаютъ въ нарты попарно къ длинному ремню изъ тюленьей кожи. Управляютъ ими крикомъ.

Нужно замѣтить, что изъ всѣхъ сибирскихъ собакъ камчатскія собаки наиболѣе пригодны для ѣзды. Онѣ сильны, выносливы и быстро бѣгутъ. Пробѣжать по хорошей дорогѣ верстъ 80 въ день для нихъ не особенно трудно. Камчадалы любятъ своихъ собакъ и дорожатъ ими не менѣе, чѣмъ жители другихъ странъ дорожатъ лошадьми. Они очень искусны въ пріученіи собакъ къ ѣздѣ. Для упряжи выбираютъ молодыхъ собакъ съ длинными лапами, длинными ушами, острой мордой, широкой спиной. Щенятъ, выбранныхъ для дрессировки, держатъ взаперти до тѣхъ поръ, пока окажется возможнымъ подвергнуть ихъ испытанію. Въ первый разъ ихъ запрягаютъ вмѣстѣ съ выученными уже собаками. Они рвутся впередъ и изъ всѣхъ силъ тащатъ нарты съ камчадаломъ. Затѣмъ ихъ опять запираютъ въ темное помѣщеніе и черезъ нѣкоторое время снова запрягаютъ вмѣстѣ съ старыми собаками. Такъ поступаютъ до тѣхъ поръ, пока молодыя собаки не пріучатся къ упряжи.

Зимою хозяева кормятъ своихъ собакъ мерзлой рыбой; лѣтомъ же отпускаютъ ихъ на волю, и онѣ сами добываютъ себѣ пищу, подбирая рыбу на отмеляхъ рѣкъ и озеръ.

Главное занятіе камчадаловъ состоитъ въ рыболовствѣ. Въ камчатскихъ рѣкахъ водится такъ много рыбы, что весною, когда она идетъ съ океана въ рѣки, ее можно ловить руками. Любимая камчадалами рыба — *чевыча*. Стадо ея идетъ вверхъ по рѣкѣ съ такимъ стремленіемъ, что предъ нимъ подымается волна. Камчадалы, завидя эту волну, бросаются въ лодки, закидываютъ свои сѣти и безъ счету налавливаютъ добычи.

Водится въ камчатскихъ рѣкахъ также рыба *горбуша*. Стада ея такъ велики и густы, что когда они идутъ, то поднимается уровень воды въ рѣкѣ. Водится въ нихъ также множество семги, уловъ которой производится преимущественно весной.

Для ловли рыбы, кромѣ сѣтей, камчадалы употребляютъ верши, корзины, невода и другіе рыболовные снаряды.

Наловленную рыбу женщины разрѣзываютъ, потрошатъ и вѣшаютъ на шесты для сушенья.

Кромѣ рыболовства, занимаются камчадалы также охотой. На полуостровѣ водится много соболей, горностаевъ, медвѣдей, дикихъ оленей и другихъ звѣрей. Какъ только окончится рыболовство, камчадалы складываютъ всю свою рыбу въ балаганы и, перебравшись въ зимнія хижины, приступаютъ къ занятію охотой. Они ставятъ ловушки, капканы и охотятся на лыжахъ или конькахъ, съ собакой.

Почва Камчатки плодородна и способна къ разведенію огородовъ. Отъ русскихъ камчадалы научились огородничеству, и многіе изъ нихъ съ успѣхомъ разводятъ картофель, капусту, рѣпу и другіе овощи, идущіе въ пищу. Кромѣ того, на Камчаткѣ растетъ множество крапивы, достигающей до сажени вышины. Камчадалы срѣзываютъ эту крапиву и изъ волоконъ ея приготовляютъ бечевки и веревки, идущія на сѣти и другія хозяйственныя надобности. Далѣе, изъ травы камчадалы плетутъ ковры, которыми устилаютъ полы своихъ избъ.

Пищей камчадаловъ служитъ преимущественно рыба, которой у нихъ всегда вдоволь. Питаются они также птицами, которыхъ бьютъ и ловятъ на рѣкахъ и озерахъ полуострова. Держа коровъ, почти всѣ камчадалы могутъ имѣть молоко, сыръ и другіе молочные продукты. Отъ своихъ огородовъ они имѣютъ овощи, которыми разнообразиваютъ свою пищу. Познакомившись отъ русскихъ съ хлѣбомъ, они полюбили его и стали сѣять рожь и молоть муку для хлѣба. Употребляютъ они въ пищу также ягоды, коренья и травы. Корень *сараны* сушатъ и употребляютъ для приготовленія каши и лепешекъ. Изъ смѣси кореньевъ, ягодъ, икры, китоваго или тюленьяго жира и копченой рыбы они приготовляютъ свое любимое блюдо—*селагу*.

Запасая продовольствіе на зимніе мѣсяцы, камчадалы отыскиваютъ норы особой породы мышей—домоводокъ—и вынимаютъ оттуда большую часть ихъ запаса кедровыхъ орѣховъ, зеренъ и кореньевъ.

Отъ русскихъ камчадалы познакомились съ водкой, и она имъ настолько понравилась, что они считаютъ для себя большимъ наслажденіемъ напиться допьяна. При неимѣніи водки, они пьютъ настой мухомора.

Пищу они держатъ въ деревянныхъ мискахъ, чугунныхъ котлахъ и лубочныхъ ведрахъ. При ѣдѣ не употребляютъ ни ложекъ, ни вилокъ, довольствуясь только ножомъ.

XII.

ЯКУТЫ.

Якуты населяютъ Якутскую область, по бассейнамъ Лены, Яны, Индигирки и Колымы. Ихъ насчитываютъ до двухсотъ-тридцати тысячъ человѣкъ обоего пола.

Страна, на которой поселились якуты, представляетъ мало удобствъ къ жизни; но, несмотря на это, они обжились въ ней и думаютъ, что не можетъ быть болѣе благодатной страны.

Первоначально якуты жили около Байкальскаго озера и на рѣкѣ Ангарѣ, но вытѣсненные оттуда бурятами и другими инородцами, двинулись на сѣверъ и сѣверо-востокъ и заняли мѣстность, которую населяютъ въ настоящее время.

Якуты сами себя называютъ *зохами*. Якутами назвали ихъ впервые русскіе, которые смѣшали ихъ съ юкагирами, живущими въ сосѣдствѣ съ ними.

Якуты относятся къ турецко-татарскому (тюркскому) племени. Они имѣютъ смуглый цвѣтъ лица, широкій приплюснутый носъ, черные, блестящіе узкіе глаза и черные волосы; бороды и усовъ не имѣютъ, такъ какъ выдергиваютъ волосы, когда они начинаютъ расти; волосы на головѣ стригутъ коротко, оставляя длинными только на затылкѣ; женщины заплетаютъ косы.

Одежда якутовъ состоитъ изъ шубы или кафтана до колѣнъ длиною, съ разрѣзомъ назади, для удобства при верховой ѣздѣ. Зимою сверхъ этой шубы надѣваютъ еще другую шубу, называемую *санаякъ;* на голову надѣваютъ суконную шапку, обшитую по околышку мѣхомъ. На шею надѣваютъ бѣличьи хвосты, а на руки—рукавицы изъ лисьихъ лапъ. На ладоняхъ рукавицъ дѣлается прорѣха, чрезъ которую, не снимая рукавицы, можно высунуть руку, если нужно сдѣлать что-нибудь на морозѣ голою рукою. На ноги надѣваютъ кожаныя узкія панталоны (сутуры) и длинные сапоги изъ кожи оленьихъ или лошадиныхъ ногъ (торбасы); подъ колѣномъ и повыше колѣна они перевязываются ремнями. Одежда женщинъ похожа на одежду мужчинъ, только шуба или кафтанъ ихъ дѣлается длиннѣе; онѣ любятъ украшать себя огромными серебряными или мѣдными серьгами, серебрянымъ широкимъ ожерельемъ и широкими браслетами. Шапка ихъ, будучи похожа на мужскую, отличается отъ послѣдней только изобильнымъ шитьемъ поверху.

Одежда богатыхъ якутовъ и якутокъ отличается отъ одежды бѣдныхъ болѣе дорогою матеріей, которою покрывается шуба, болѣе изобильнымъ шитьемъ и серебрянымъ поясомъ съ разными чеканеными на немъ фигурами.

Якуты лѣтомъ живутъ въ берестяныхъ чумахъ, которые при перекочевкѣ перевозятся; чумы ихъ похожи на чумы самоѣдовъ и другихъ сѣверныхъ инородцевъ. Зимою они живутъ въ избушкахъ, сдѣланныхъ изъ досокъ или тонкихъ бревенъ,

прикрѣпленныхъ къ четыремъ столбамъ. Снаружи избушки обмазаны глиной, смѣшанной съ навозомъ, или обложены дерномъ. Низкая кровля изъ жердей покрывается сѣномъ, а потомъ слоемъ земли. Свѣтъ въ избушку проникаетъ чрезъ одно или два небольшія оконца съ вставленными въ нихъ льдинами. Низкая дверь всегда обращена къ востоку. Полъ у бѣдныхъ опущенъ внизъ фута на два и плотно убитъ; у богатыхъ онъ приподнятъ и выстланъ досками. Вдоль стѣнъ избушки устроены постели, отгороженныя одна отъ другой лошадиными кожами или досками. Посрединѣ ея, поближе къ дверямъ, стоитъ чувалъ или очагъ, съ трубою, проведенною въ кровлю; въ немъ безпрестанно горитъ огонь, для тепла и варки пищи. По стѣнамъ избы развѣшаны платье и другія принадлежности якутовъ. Возлѣ избушки устраивается обыкновенно нѣсколько сараевъ для коровъ и телятъ. Впрочемъ, очень часто телята и жеребята помѣщаются въ самой избѣ, вмѣстѣ съ людьми.

Въ якутскихъ избушкахъ всегда бываетъ до крайности грязно; воздухъ въ нихъ обыкновенно испорченъ. Вслѣдствіе испорченности воздуха въ избушкахъ и крайней нечистоплотности якутовъ, какъ они сами, такъ и всѣ вещи ихъ пропитываются непріятнымъ запахомъ; даже ягоды и молоко, продаваемыя ими русскимъ, отдаютъ этимъ запахомъ.

Свои хижины или чумы якуты ставятъ разбросанно, въ нѣсколькихъ верстахъ одна отъ другой. Въ каждой хижинѣ живетъ два или три семейства, связанныя между собою родствомъ. Пастбища и сѣнокосы якутовъ прилегаютъ большею частью къ ихъ избамъ или чумамъ.

Многолюдныхъ деревень или селеній у якутовъ нѣтъ. Нѣсколько десятковъ избушекъ или чумовъ, расположенныхъ на извѣстномъ пространствѣ, составляютъ *наслегъ* или, по мѣстному произношенію,—*ночлегъ*. Нѣсколько наслеговъ составляютъ *улусъ*. Въ улусѣ живетъ нѣсколько сотъ и даже до тысячи и болѣе человѣкъ. Улусомъ управляетъ избранный народомъ и утвержденный русскимъ начальствомъ *голова*, а наслегомъ—*староста* и его помощники—*старшины*. Староста и старшины наблюдаютъ за порядкомъ въ наслегѣ и заботятся объ исправномъ взносѣ податей.

Якуты отъ природы одарены довольно значительными умственными способ-

ностями; они обладаютъ сильною памятью: всѣ событія изъ своей жизни они помнятъ съ удивительной отчетливостью и ясностью. Достаточно якуту разъ проѣхать по дорогѣ, чтобы навсегда запомнить каждый кустикъ, ручеекъ, пригорокъ. Изъ внѣшнихъ чувствъ особено сильно у якутовъ зрѣніе; они ясно видятъ на такомъ далекомъ разстояніи, на какомъ ни одинъ европеецъ не въ состояніи ничего различить. Нѣкоторые якуты невооруженнымъ глазомъ видятъ такія звѣзды, которыя европейцу видны только въ подзорную трубу.

Благодаря своей переимчивости и умственной способности, якуты легко научаются ремесламъ. Они плотничаютъ не хуже настоящихъ русскихъ плотниковъ; столярныя издѣлія они производятъ не хуже русскихъ столяровъ: большая часть мебели, употребляемой жителями Якутска, дѣлается руками якутовъ. Нѣкоторые якуты научаются дѣлать кинжалы и ножи, и издѣлія ихъ не заставляютъ желать лучшаго. Рукоятка якутскихъ кинжаловъ искусно украшается оловомъ, ножны къ нимъ дѣлаются изъ бересты, обтягиваются черной кожей и, для прочности, оковываются желѣзными полосками. Изъ мамонтовой кости они искусно дѣлаютъ гребни, гребенки и разныя другія издѣлія, а изъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ кожъ—изящные ковры. Многія якутки поступаютъ въ русскіе дома въ услуженіе няньками, швеями, горничными, кухарками, а якуты—кучерами, лакеями и дворниками,—и хозяева довольны работой своей прислуги. Для якутскихъ дѣтей устроено нѣсколько школъ, въ которыхъ они научаются читать, писать и начальнымъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ.

Умственная сила якутовъ проявляется также во вліяніи ихъ на русскихъ. Якутскій языкъ сдѣлался во многихъ русскихъ семействахъ преобладающимъ; многіе русскіе охотнѣе разговариваютъ по-якутски, чѣмъ по-русски. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что прислуга въ русскихъ семействахъ преимущественно состоитъ изъ якутовъ: нянька—якутка, кухарка—якутка, кучеръ—якутъ и т. д. Дитя съ первыхъ дней жизни слышитъ якутскую рѣчь и научается ей. Взрослый человѣкъ, имѣя большею частью дѣло съ якутами, разговариваетъ съ ними на ихъ языкѣ и привыкаетъ на немъ выражать свои мысли. Кромѣ языка, многіе русскіе переняли отъ якутовъ нѣкоторые ихъ обычаи и одежду. Особенно зимою часто можно встрѣтить русскихъ въ якутской одеждѣ.

При своихъ значительныхъ умственныхъ способностяхъ, якуты въ нравственномъ отношеніи, по свидѣтельству лицъ, жившихъ среди нихъ, стоятъ ниже другихъ инородцевъ: они лукавы и не всегда честны. Если что плохо припрятано, якутъ стащитъ; если представляется возможность поживиться обманомъ, онъ не задумается прибѣгнуть къ нему. Кромѣ того якуты злопамятны и мстительны: за полученную обиду якутъ постарается отомстить; если же это не удастся ему самому, онъ завѣщаетъ мщеніе своему сыну или ближайшему родственнику. Далѣе, они скрытны и необщительны; вслѣдствіе этого своего качества, они стараются селиться уединенно. Но уединенная жизнь не мѣшаетъ имъ затѣвать тяжбы между собою и съ русскими. Къ тяжбамъ они большіе охотники. Якутъ не преминетъ никакого случая, дающаго ему возможность затѣять съ кѣмъ-нибудь тяжбу или привлечь кого-нибудь къ отвѣтственности. Къ указаннымъ чертамъ характера якутовъ слѣдуетъ еще прибавить хитрость и вкрадчивость ихъ. Якутъ всегда сумѣетъ пріобрѣсти довѣріе русскаго, если это ему полезно.

Добродѣтель, общая у якутовъ съ другими инородцами, состоитъ въ госте-

пріимствѣ. Путешественникъ всегда найдетъ въ избушкѣ или чумѣ якута радушный пріемъ и готовность подѣлиться тѣмъ, что у него есть.

Для выраженія своей ласки къ кому-нибудь якуты не цѣлуютъ его, а обнимаютъ его и нюхаютъ его голову, шею, одежду. Такъ, мать, желая приласкать своего ребенка, обнимаетъ и обнюхиваетъ его. Только якуты, часто обращающіеся съ русскими, научились отъ послѣднихъ выражать свою пріязнь и ласку поцѣлуемъ.

При встрѣчѣ знакомые якуты привѣтствуютъ другъ друга словомъ *кепсè*, т.-е. разсказывай.

Свободное время якуты проводятъ въ своихъ чумахъ, у горящаго огня, въ бесѣдѣ, слушаніи разсказовъ и карточной игрѣ. Жены ихъ въ это время занимаются рукодѣліемъ. Весной, когда луга покрываются травой, якуты справляютъ праздникъ „*юзехъ*", при чемъ ѣдятъ много мяса, пляшутъ и поютъ пѣсни.

Живя въ суровомъ климатѣ, якуты въ удивительной мѣрѣ приспособились къ перенесенію холода. Нерѣдко якуту приходится ночевать подъ открытымъ небомъ при сорокаградусномъ морозѣ. Онъ раскапываетъ снѣгъ, разводитъ костеръ, снимаетъ съ себя верхнюю одежду и ложится у костра, прикрывшись снятой одеждой. Согрѣвшись у костра, онъ затыкаетъ себѣ шерстью носъ и уши, закрываетъ лицо и такимъ образомъ засыпаетъ, не боясь замерзнуть. Еще съ младенчества якуты пріучаются къ перенесенію холода. Своихъ маленькихъ дѣтей они вытираютъ снѣгомъ, пріучая ихъ такимъ образомъ къ перенесенію стужи. Зимою нагія или полунагія дѣти сидятъ въ хижинѣ на голомъ холодномъ земляномъ полу и, несмотря на сильный морозъ, не одѣвшись, выбѣгаютъ изъ хижины на открытый воздухъ.

Большинство якутовъ считаются христіанами; но многіе изъ нихъ исполняютъ только наружные обряды христіанской религіи, придерживаясь языческихъ суевѣрій и вѣруя въ силу своихъ шамановъ. Громъ и молнію, солнце и огонь они почитаютъ за существа живыя, которымъ нужно поклоняться и которыхъ нужно умилостивлять жертвой. Предъ началомъ ѣды они бросаютъ кусокъ мяса или сала въ огонь. Если при этомъ на огнѣ щелкнетъ, то это, по ихъ понятію, предвѣщаетъ большое несчастіе, для избѣжанія котораго стараются умилостивить огонь новою жертвою. Передъ огнемъ якуты присягаютъ, при чемъ присягающій садится на черепъ медвѣдя, лицомъ къ очагу, и льетъ на огонь масло, остатокъ котораго выпиваетъ, приговаривая: „Если я солгалъ въ своемъ показаніи, то пусть это масло превратится въ ядъ и отравитъ мою внутренность".

Въ нѣкоторыхъ якутскихъ избушкахъ или чумахъ можно видѣть деревянныхъ идольчиковъ, которымъ во время ѣды обмазываютъ лицо жиромъ или саломъ, но почестей имъ никакихъ не воздаютъ.

Русское духовенство старается просвѣщать якутовъ христіанскими истинами и отстранять ихъ отъ языческихъ суевѣрій и понятій. Дѣятельность его не остается безъ послѣдствій: многіе якуты стараются жить по требованію христіанской церкви и съ уваженіемъ относятся къ своимъ пастырямъ. Когда священникъ пріѣзжаетъ въ наслегъ, якуты его встрѣчаютъ, кланяются ему и приглашаютъ его въ лучшую избушку или въ лучшій чумъ.

Священное писаніе переведено на якутскій языкъ и якуты имѣютъ возможность слушать богослуженіе на родномъ языкѣ.

Въ числѣ бытовыхъ обрядовъ якутовъ сохранилось много языческихъ, которые совершаются рядомъ съ христіанскими обрядами.

Бракъ у якутовъ совершается послѣ уплаты родителямъ невѣсты условленнаго калыма. Случается, что родители просватываютъ своихъ еще малолѣтнихъ дѣтей, причемъ начинается уплата калыма. Большею же частью женихъ самъ находитъ себѣ невѣсту и, съ согласія своихъ родителей, посылаетъ къ родителямъ невѣсты свата, который и условливается относительно калыма. Заключивши условіе, спрашиваютъ невѣсту, согласна ли она выйти за сватающагося жениха. Она обыкновенно молчитъ, и молчаніе ея принимается за согласіе. Спустя нѣсколько времени, обыкновенно въ первыхъ числахъ рожденія новой луны, женихъ съ родственниками пріѣзжаетъ въ улусъ невѣсты. Вошедши въ избу, онъ становится по правую сторону очага, а отецъ съ матерью по лѣвую. Женихъ становится на правое колѣно и льетъ въ огонь топленое масло, потомъ, приподнявши шапку, дѣлаетъ три поклона. Шаманъ, сидящій на отцовской постели, провозглашаетъ пожеланіе вступающимъ въ бракъ счастья, долголѣтія, богатства и многочисленнаго потомства. Женихъ выходитъ изъ избы, надѣваетъ лучшее платье и съ гостями возвращается въ избу. Начинается угощеніе лошадинымъ и коровьимъ мясомъ, масломъ и чаемъ. Послѣ угощенія невѣста вмѣстѣ со своими родственниками ѣдетъ въ улусъ жениха. Когда поѣздъ приблизится, родственники нахлобучиваютъ ей на глаза шапку или завѣшиваютъ ея лицо шкуркою. Затѣмъ трое изъ нихъ входятъ въ хижину жениха. Вошедши, они становятся на колѣни передъ горящимъ очагомъ и объявляютъ, что пришли по порученію невѣсты осмотрѣть ея новое жилище. Имъ подносятъ по кружкѣ кумысу, мѣрою каждая около четверти ведра. Они трижды призываютъ благословеніе на молодыхъ, кропятъ на очагъ кумысомъ и пьютъ его. Обычай требуетъ, чтобы они выпили все до дна. Выпивъ кумысъ, они выходятъ изъ хижины и присоединяются къ прибывшему поѣзду невѣсты. Невѣста, вошедши въ хижину, становится на правое колѣно, кладетъ въ огонь масло и дѣлаетъ три поклона. Шаманъ вторично провозглашаетъ пожеланіе жениху и невѣстѣ богатства, счастья и многочисленнаго потомства. Начинается пиршество. На другой или третій день родители брачущихся обмѣниваются подарками; если подарки не соотвѣтствуютъ ихъ ожиданіямъ, между ними зарождается вражда.

Родство по мужскому колѣну признается у якутовъ препятствіемъ къ заключенію брака; свойство же не признается такимъ препятствіемъ. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что якуты стараются брать себѣ женъ изъ чужого рода и даже чужого улуса.

Послѣ совершенія языческихъ обрядовъ, вступающіе въ бракъ обвѣнчиваются священникомъ при его пріѣздѣ въ улусъ.

При рожденіи у якута сына, отецъ призываетъ къ себѣ родственниковъ и знакомыхъ, угощаетъ ихъ мясомъ и при этомъ даетъ имя новорожденному. При рожденіи дочери обыкновенно не бываетъ никакого празднества. Крещеніе новорожденнаго совершается при пріѣздѣ въ улусъ священника.

Своихъ дѣтей якуты не особенно балуютъ и нѣжатъ: кладутъ ихъ нагими въ жесткія зыбки или корыта изъ бересты, прикрываютъ ихъ старыми шкурами или лохмотьями, кормятъ молокомъ съ водою и мало обращаютъ вниманія на ихъ крикъ, думая, что чѣмъ больше младенецъ кричитъ, тѣмъ скорѣе растетъ.

Покойника якуты погребають обыкновенно въ день его смерти. Вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ въ могилу его платье и убитую лошадь съ сбруей, а также съѣдобное—мясо и жиръ.

Зарывши покойника, якуты объѣзжаютъ его могилу три раза противъ солнца. Близкіе родственники покойника не приближаются къ могилѣ, а издали жалобно голосятъ. На могилѣ ставятъ иногда срубъ, который огораживаютъ заборомъ, на столбахъ котораго вѣшаютъ конскія головы. Родственники покойнаго, жившіе съ нимъ въ одномъ чумѣ, переселяются въ другой чумъ, такъ какъ считаютъ то мѣсто, гдѣ умеръ покойникъ, жилищемъ злого духа.

Покойниковъ, погребенныхъ безъ отпѣванія священника, послѣдній отпѣваетъ при своемъ прибытіи въ наслегъ.

Сказавши о нѣкоторыхъ языческихъ обрядахъ, сохранившихся у якутовъ, слѣдуетъ замѣтить, что обряды эти послѣдовательно исчезаютъ, по мѣрѣ того, какъ христіанское ученіе проникаетъ въ сознаніе народа. Въ нѣкоторыхъ улусахъ, гдѣ есть церковь и священники, почти совершенно утратились языческіе обряды и вѣрованія и о нихъ сохранились лишь преданія.

Главное богатство якутовъ состоитъ въ табунахъ лошадей и стадахъ рогатаго скота. Лошадь служитъ для нихъ тѣмъ, чѣмъ олень для самоѣдовъ и остяковъ, т.-е. не только употребляется для верховой ѣзды и перевозки тяжестей, но и доставляетъ пищу и питье: конина составляетъ лакомое блюдо якутовъ, а кумысъ—ихъ любимый напитокъ. Якутская лошадь пріучена переносить и стужу, и недостатокъ пищи. Она остается подъ открытымъ небомъ при тридцати и болѣе градусахъ мороза и сама добываетъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Пробѣжать нѣсколько десятковъ верстъ и затѣмъ въ поту остаться на морозѣ безъ попоны—для нея нипочемъ. Несмотря на скудость пищи, якутскія лошади долго сохраняютъ бодрость и силу.

Кромѣ лошадей, для ѣзды употребляются также олени и собаки. Собакъ запрягаютъ въ длинныя нарты, переплетенныя ремешками. Передняя часть нарты скрѣплена полукруглой вѣтвиной, называемой бараномъ; отъ барана проведенъ ремень съ узлами, на которые, по обѣ стороны ремня, прицѣпляются петлями собаки. Въ одну нарту запрягаются отъ 6 до 14 собакъ, смотря по грузу; на каждую собаку полагается около одного пуда тяжести. Спереди прицѣпляются наиболѣе смышленыя собаки. Якутъ, сидящій на передней части нарты, держитъ въ рукѣ длинный кнутъ, которымъ и ударяетъ собаку, вздумавшую лѣниться или шалить. Нужна нѣкоторая ловкость и опытность, чтобы ударить именно ту собаку, которую слѣдуетъ наказать.

Содержаніе собакъ якутамъ почти ничего не стоитъ, такъ какъ кормятъ ихъ мерзлой рыбой, и то только зимою, когда держатъ ихъ на привязи. Лѣтомъ распускаютъ ихъ на волю, и тогда онѣ сами добываютъ себѣ пищу по мелкимъ рѣкамъ, куда въ половодіе заходитъ рыба и, не имѣя возможности, при быстрой убыли воды, сплыть обратно, остается тутъ. Осенью, съ установленіемъ зимняго пути, хозяева собираютъ своихъ собакъ и держатъ ихъ на привязи, употребляя въ работу всякій разъ, когда то понадобится.

Рогатый скотъ разводится якутами для молока и мяса, а также и для пере-

возки большихъ тяжестей. Якуты, подобно бурятамъ, прокалываютъ телятамъ ноздри и въ проколотое мѣсто продѣваютъ кольцо или палочку, къ которой привязываютъ поводъ, служащій для управленія быкомъ.

Для корма рогатаго скота въ зимніе мѣсяцы заготовляютъ стоги сѣна. Случается, что, при недостаткѣ сѣна, якуты кормятъ скотъ рыбой, которой всегда имѣется большой запасъ.

Въ послѣднее время часть якутовъ, живущихъ въ южной части Якутской области, начала заниматься, въ подражаніе русскимъ, хлѣбопашествомъ. Но занятіе это находитъ себѣ препятствіе въ климатическихъ условіяхъ страны. Нерѣдко случается, что засѣянный хлѣбъ пропадаетъ отъ мороза, прежде чѣмъ успѣетъ созрѣть. Но, несмотря на это, все болѣе и болѣе расчищается мѣстъ для посѣва хлѣба. Якуты сѣютъ рожь, ячмень и садятъ картофель.

Звѣриный промыселъ хотя съ каждымъ годомъ замѣтно падаетъ, однако доставляетъ еще значительный доходъ якутамъ. Они охотятся на соболей, песцовъ, лисицъ, бѣлокъ и другихъ звѣрей. Наиболѣе прибыльной считается охота за дикими оленями. Охота за ними производится два раза въ годъ: весной, во время перехода ихъ изъ лѣсовъ къ берегамъ Ледовитаго океана, и осенью, когда они изъ прибрежныхъ полярныхъ странъ бѣгутъ обратно въ лѣса. Весенняя охота не особенно прибыльна, такъ какъ олени въ это время тощи и шерсть на нихъ плоха; болѣе прибыльна осенняя охота, когда олени жирны и шкура ихъ цѣнна.

Якуты, зная, въ какихъ мѣстахъ олени обыкновенно переплываютъ чрезъ рѣки, дѣлаютъ здѣсь засаду и, когда они войдутъ въ воду, бьютъ ихъ.

Наконецъ, рыболовство составляетъ значительное подспорье въ хозяйствѣ якутовъ, живущихъ по берегамъ рѣкъ, изобилующихъ рыбой. Они ловятъ такое множество рыбы, что не только сами питаются ею, но также кормятъ ею, какъ уже сказано, собакъ и иногда рогатый скотъ. Нужно замѣтить, что значительная часть вылавливаемой ими рыбы пропадаетъ непроизводительно, такъ какъ они не умѣютъ заготовлять ее впрокъ, а сваливаютъ въ ямы, гдѣ она скоро портится.

Пища якутовъ обусловливается ихъ занятіемъ и климатомъ. Преобладающая ихъ пища—мясная: конина, говядина, дичь и рыба; кромѣ того, они питаются молочными скопами и ягодами. Въ особенности же они любятъ жирное мясо: чѣмъ жирнѣе оно, тѣмъ больше оно имъ нравится. Мясо варятъ и очень рѣдко его жарятъ. Жиръ считается у нихъ величайшимъ лакомствомъ, а самое неумѣренное пресыщеніе имъ—величайшимъ блаженствомъ. Они употребляютъ его въ различныхъ видахъ: сырымъ и топленымъ, въ свѣжемъ и испорченномъ видѣ. Хлѣба они употребляютъ мало и смотрятъ на него, какъ на лакомство. Недостатокъ своей пищи они пополняютъ сосновой или лиственничной корой, которую соскабливаютъ, сушатъ, толкутъ и затѣмъ мѣшаютъ съ сушеной рыбой, молокомъ или жиромъ и эту смѣсь варятъ, при чемъ получается нѣчто вродѣ размазни.

Для якутовъ не столько имѣетъ значенія качество пищи, сколько количество ея. Они съѣдаютъ неимовѣрно большое количество пищи и любятъ не только ѣсть, но и вспоминать въ разговорѣ, гдѣ и когда они вдоволь ѣли мяса или жиру. Они пользуются всякимъ случаемъ, чтобы поѣсть. Ѣдятъ и съ радости, и съ печали; даже больные не откажутся вдоволь поѣсть. На свадьбахъ и другихъ выдающихся случаяхъ жизни приглашаются иногда ѣдоки, которые стараются перещеголять одинъ

другого въ количествѣ съѣденнаго. Путешественникъ Симпсонъ разсказываетъ, что въ Якутскѣ онъ призвалъ къ себѣ двухъ извѣстныхъ ѣдоковъ и поставилъ предъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленнаго масла; каждому дали по пуду мяса, а масло они могли ѣсть ложками. Чрезъ нѣсколько часовъ все предложенное имъ было съѣдено. Послѣ того они, какъ змѣи, три-четыре дня пробыли въ какомъ-то полусознательномъ состояніи, не пили и не ѣли и только катались по полу, чтобы возбудить пищевареніе.

Любимымъ напиткомъ якутовъ служитъ кумысъ. Для большей пріятности и питательности они прибавляютъ въ него истопленаго масла. Отправляясь лѣтомъ въ путь, якутъ непремѣнно возьметъ съ собою въ кожаномъ мѣшкѣ кумысу. Между достаточными якутами въ послѣднее время распространилось употребленіе кирпичнаго чая съ молокомъ.

Подобно другимъ инородцамъ, якуты любятъ пить водку и курить табакъ. Курятъ они самый крѣпкій табакъ, изъ складныхъ трубокъ. Глотая табачный дымъ, они приходятъ отъ него въ опьяненіе, которое считаютъ для себя однимъ изъ лучшихъ удовольствій и которое иногда приводитъ ихъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ.

XIII.

СИБИРСКІЕ ТАТАРЫ.

Сибирскіе татары—потомки тѣхъ татаръ, которыхъ русскіе встрѣтили при покореніи Сибири. Въ настоящее время ихъ насчитывается около 90 тысячъ человѣкъ. Живутъ они преимущественно въ Тобольской, Томской и Енисейской губерніяхъ; встрѣчаются также въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ и въ Восточной Сибири. Они раздѣляются на нѣсколько племенъ, замѣтно отличающихся одно отъ другого образомъ жизни, обычаями и даже внѣшнимъ видомъ.

Татары Енисейской губерніи извѣстны большею частью подъ именемъ *качинцевъ*, *сагайцевъ*, *кизильцевъ* и др. Татарскія племена остальной части Восточной Сибири извѣстны подъ названіемъ *каргасовъ*, *аринтовъ*, *сойотовъ* и др.

Татарскія племена относятся къ тюркской семьѣ народовъ; но они въ значительной мѣрѣ носятъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ народовъ, въ сосѣдствѣ съ которыми живутъ. Такъ, напр., восточно-сибирскіе и барабинскіе татары носятъ на себѣ отпечатокъ монголо-манчжурскаго племени и замѣтно отличаются своимъ внѣшнимъ видомъ отъ тобольскихъ татаръ, носящихъ отпечатокъ тюркскаго племени.

Языкъ сибирскихъ татаръ есть тюркское нарѣчіе; онъ нѣсколько отличается отъ языка татаръ, живущихъ въ Европейской Россіи. По-русски почти всѣ сибирскіе татары говорятъ болѣе или менѣе свободно.

Бо̀льшая часть сибирскихъ татаръ ведетъ осѣдлый образъ жизни, мѐньшая же ихъ часть, именно татарскія племена, живущія въ Енисейской губерніи, продолжаютъ еще вести полукочевой образъ жизни.

Осѣдлые татары живутъ въ селеніяхъ или городахъ. Полукочевые—зиму проводятъ въ такъ называемыхъ зимовкахъ, а на лѣто перекочевываютъ въ мѣста, удобныя для пастьбы скота.

Татарскія селенія не велики. Нѣсколько селеній составляютъ волость, управляемую старшиной. Татарскій старшина (башлыкъ) обыкновенно ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ своихъ единоплеменниковъ, если только онъ не особенно богатъ.

Жилищемъ осѣдлыхъ татаръ служатъ избушки—у бѣдныхъ, и большіе, иногда двухъ-этажные дома—у богатыхъ. Окна какъ въ избушкахъ, такъ и въ большихъ татарскихъ домахъ прорубаются высоко, почти подъ самымъ потолкомъ.

Полукочевые татары въ зимніе холода скрываются въ деревянныхъ хижинахъ съ земляной крышей, а на лѣто ставятъ войлочныя или берестяныя юрты. Внутреннее устройство ихъ хижинъ и юртъ большею частью бываетъ таково: противъ входа помѣщается на нарахъ постель хозяина; надъ нарами придѣланы шесты, на коихъ виситъ праздничная одежда; по стѣнамъ устраиваются полки, на которыхъ помѣщаются хозяйственныя принадлежности, при чемъ такъ, что на лѣвой, или

мужской, сторонѣ складываются сѣдла, сбруя и вообще вещи, необходимыя для мужчинъ, а на правой, или женской, сторонѣ разставляется деревянная, глиняная и мѣдная посуда: вёдра, кадки, корыта, горшки, котлы и т. п. Посреди юрты устраивается изъ камней очагъ, надъ которымъ на таганѣ помѣщается котелъ для

приготовленія пищи. Около очага ставится низенькій столикъ, на которомъ хозяинъ и гости ѣдятъ, сидя на полу.

Въ юртахъ и особенно въ зимнихъ хижинахъ бѣдныхъ татаръ бываетъ крайне неопрятно: стѣны и потолокъ покрыты паутиной, полъ грязенъ, вездѣ валяются объѣдки съѣстного. Жилище зажиточныхъ татаръ содержится значительно чище.

Одежда татаръ-мусульманъ обыкновенно такая же, какъ и у приволжскихъ татаръ. Она въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ бешмета и халата, а зимою—овчинной шубы; на бритую голову надѣваютъ аракчинъ, а сверхъ него—суконную или мерлушачью шапку или же войлочный колпакъ съ завороченною кверху заднею частью, образующею такимъ образомъ родъ козырька. Чалма бѣлаго или зеленаго цвѣта носится духовенствомъ и пожилыми татарами. Татарскія женщины, особенно зажиточныя, любятъ наряды. Ихъ шапка и халатъ бываютъ обшиты позументомъ. На концахъ косъ навѣшиваются металлическія украшенія, состоящія преимущественно изъ монетъ. Въ ушахъ носятъ серьги, на шеѣ—ожерелье, а на рукахъ—браслеты. Онѣ иногда бѣлятся, румянятся, чернятъ зубы и красятъ ногти.

Крещеные татары въ значительной мѣрѣ переняли одежду русскихъ.

Сибирскіе татары занимаются всѣми промыслами, существующими въ краѣ. Такъ, многіе изъ нихъ занимаются земледѣліемъ. Во время полевыхъ работъ въ нѣкоторыхъ татарскихъ селеніяхъ только и можно встрѣтить дѣтей и старухъ, неспособныхъ къ работѣ; остальные же жители работаютъ на сѣнокосѣ или на пашнѣ. Кромѣ земледѣлія, татары занимаются огородничествомъ; но они разводятъ овощи не столько для продажи, сколько для собственнаго употребленія. Вторымъ промысломъ татаръ служитъ скотоводство. Они разводятъ лошадей, коровъ, овецъ. Въ связи съ разведеніемъ лошадей находится извозчичій промыселъ. Рѣдкій изъ татаръ, живущихъ по большимъ трактамъ, не занимается извозомъ; они перевозятъ проѣзжающихъ отъ одной станціи до другой, или же подряжаются на перевозку на значительныя пространства казенныхъ и частныхъ кладей.

Наиболѣе любимый промыселъ татаръ—торговля. Они имѣютъ торговыя сношенія съ хивинцами, бухарцами, туркестанцами, киргизами и русскими купцами въ Европейской Россіи. Предметомъ ихъ торговли служатъ: бумажныя и шерстяныя ткани, шелковыя матеріи, чай, фрукты, шерсть, кожа, сало и т. п. Все это сбываютъ они или на ярмаркахъ, или изъ своихъ постоянныхъ лавокъ, находящихся во многихъ городахъ Сибири. Занимаются они также и разносной торговлей. Съ небольшимъ запасомъ галантерейнаго товара переѣзжаетъ татаринъ изъ селенія въ селеніе и продаетъ свой товаръ.

Между сибирскими татарами встрѣчаются охотники; но охота не составляетъ главнаго ихъ промысла. Болѣе прибыльнымъ является рыболовство на рѣкахъ и озерахъ Сибири. Большую часть ловимой рыбы они продаютъ въ сосѣднихъ городахъ.

Татары Тобольскаго, Ялуторовскаго и Каинскаго округовъ промышляютъ ловлей піявокъ. Ловятъ ихъ обыкновенно на мясную приманку; но иногда ловятъ такъ: войдетъ татаринъ въ озеро и сидитъ въ немъ, пока всего его не облѣпятъ піявки; выйдя изъ озера, онъ снимаетъ съ себя добычу. Нѣкоторыя татарки занимаются припусканіемъ піявокъ больнымъ, и эти послѣдніе нерѣдко предпочитаютъ ихъ цырюльникамъ.

Домашнія работы лежатъ на обязанности женщинъ, которыя не только ухаживаютъ за дѣтьми, но также приготовляютъ пищу, шьютъ одежду и обувь членамъ семьи, валяютъ войлоки и вышиваютъ шелкомъ и золотомъ. Шитье татарокъ отличается не столько вкусомъ, сколько тщательностью отдѣлки.

Пищей татаръ служитъ конина, говядина, баранина, рыба, хлѣбъ, овощи и молочные скопы. Мясо или рыбу варятъ съ крупой или жарятъ на вертелѣ.

Любимымъ напиткомъ ихъ служитъ кирпичный чай. Они размельчаютъ его въ маленькой ступкѣ и завариваютъ въ чайникѣ или кувшинѣ. Настоявшійся чай наливаютъ въ чашки и разбавляютъ молокомъ или сливками. Сахаръ не составляетъ необходимой принадлежности къ кирпичному чаю и употребляется только зажиточными татарами. Пьютъ татары также кумысъ; въ большомъ употребленіи у нихъ и айранъ— крѣпкій напитокъ, приготовляемый изъ коровьяго молока. Не пренебрегаютъ они и аракой, т.-е. водкой, перегоняемой изъ кумыса.

Большая часть татаръ исповѣдуютъ магометанскую религію суннитскаго толка. Почти въ каждомъ болѣе или менѣе многолюдномъ селеніи находится мечеть; кромѣ того, имѣется школа, гдѣ мальчики обучаются грамотѣ и знакомятся съ ученіемъ корана. Требованія своей религіи магометане исполняютъ усердно.

Небольшая часть татаръ, живущихъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ, крещена. Но вслѣдствіе разбросанности татарскихъ поселеній и слабаго распространенія между крещеными татарами образованія, христіанскія понятія не могли собою вполнѣ вытѣснить прежнія магометанскія или языческія вѣрованія.

Татары-язычники, встрѣчающіеся въ Томской и Енисейской губерніяхъ, почитаютъ шамановъ и вѣруютъ въ Кудая и горныхъ, водяныхъ, домовыхъ и т. п. духовъ. Кудай — верховный богъ и правитъ міромъ. Горные духи живутъ въ горахъ; охотники бросаютъ имъ въ жертву часть своей добычи. Водяной духъ управляетъ водами; ему приносятъ жертвы исключительно весною. Подземный духъ называется Айна; онъ злѣе всѣхъ остальныхъ духовъ; его могутъ умилостивить только шаманы. Болѣзни на людей посылаетъ духъ Ерлыхалъ, а смерть — Шайтанъ. Послѣ смерти душа человѣческая, по понятію татаръ-язычниковъ, нѣкоторое время блуждаетъ между могилой и юртой; затѣмъ она прогоняется шаманомъ, по просьбѣ родственниковъ, и неизвѣстно куда уходитъ. Душу великаго грѣшника Шайтанъ отправляетъ къ Ерлыхану на мученіе.

Болѣзни у нихъ лѣчатъ знахари и шаманы. Первые запасаютъ травы и другія лѣчебныя вещества и продаютъ ихъ больнымъ, при чемъ наставляютъ, какъ ихъ употреблять; вторые же лѣкарствъ не даютъ, а только шаманятъ. Пришедши, по приглашенію, въ юрту больного, шаманъ надѣваетъ свой шаманскій костюмъ, беретъ въ руки бубенъ и начинаетъ шаманить то надъ больнымъ, то надъ заранѣе приготовленной брагой, при чемъ высказываетъ, какой жертвы требуетъ Шайтанъ. По его указанію колютъ коня, или корову, или же овцу. Половина заколотаго животнаго идетъ въ пользу шамана, который, кромѣ того, получаетъ еще и подарокъ отъ больного.

При жертвоприношеніи, совершаемомъ обыкновенно на полянѣ, около березы, шаманъ кладетъ на скамейку сердце только-что заколотаго жертвеннаго животнаго и начинаетъ шаманить. Онъ вмѣстѣ съ присутствующими обходитъ вокругъ березы и жертвеннаго сердца, затѣмъ останавливается и приглашаетъ присутствующихъ прославить Кудая и вознести къ нему молитвы о ниспосланіи благополучія и избавленія отъ бѣдствій. Оглушительно раздаются по горамъ рѣзкія восклицанія молящихся. Подъ конецъ обряда шаманъ торжественно сжигаетъ жертвенное сердце. Всѣ становятся на колѣни, наклоняютъ голову до земли и остаются въ такомъ положеніи, пока шаманъ произноситъ заключительную молитву. Послѣ молитвы всѣ пьютъ вино и закусываютъ жертвеннымъ мясомъ. Остатки отъ ѣды сжигаютъ.

Скажемъ о семейныхъ обрядахъ нѣкоторыхъ сибирскихъ татаръ.

Бракъ у барабинскихъ татаръ начинается сватовствомъ, при чемъ условливаются о величинѣ калыма за невѣсту. Условившись о калымѣ, отецъ невѣсты приглашаетъ къ себѣ въ гости родственниковъ и знакомыхъ. Въ присутствіи собравшихся гостей онъ объявляетъ приглашенному муллѣ, что просваталъ свою дочь за такого-то жениха и за такой-то калымъ. Мулла посылаетъ избранныхъ лицъ сначала къ невѣстѣ, а потомъ къ жениху спросить, согласны ли они вступить въ бракъ. Когда посланные возвратятся съ утвердительнымъ отвѣтомъ, мулла садится на приготовленномъ для него мѣстѣ и записываетъ какъ вступающихъ въ бракъ, такъ и свидѣтелей, бывшихъ при бракѣ. Послѣ записи онъ читаетъ опредѣленныя алкораномъ молитвы. Затѣмъ идетъ угощеніе чаемъ и закуской изъ жареныхъ гусей, баранины, коровьяго мяса и проч.

Женихъ и невѣста при обрядѣ бракосочетанія обыкновенно не присутствуютъ: присутствіе ихъ считается неприличнымъ и принимается за знакъ неуваженія къ старшимъ. Если же они, вопреки требованію обычая, пожелаютъ присутствовать при своемъ бракосочетаніи, то имъ это не возбраняется, только для невѣсты обязательно быть подъ особымъ покрываломъ или за занавѣской.

У татаръ, живущихъ въ Енисейской губерніи, бракъ совершается при слѣдующихъ обрядахъ. Татаринъ, желающій женить своего сына на дочери своего знакомаго, ѣдетъ, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, къ нему въ улусъ. Онъ беретъ съ собою бутылку айрана, новую китайскую трубку и табакъ. Прибывши въ улусъ отца невѣсты, гости входятъ въ юрту. Идетъ разговоръ объ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ. Наговорившись вдоволь, отецъ жениха объявляетъ отцу невѣсты о цѣли своего пріѣзда. Затѣмъ онъ набиваетъ табакомъ привезенную съ собой трубку, ставитъ ее возлѣ очага и выходитъ изъ юрты. Возвратившись въ юрту, онъ осматриваетъ, выкурена ли трубка. Если трубка не тронута, это означаетъ, что родители не желаютъ выдать за жениха свою дочь; если же изъ нея курили, это означаетъ, что они соглашаются выдать ее. Отецъ жениха наливаетъ чарку айрана, одинъ изъ родственниковъ его набиваетъ трубку, а другой беретъ изъ очага уголекъ или даже цѣлую головню. Отецъ невѣсты высказываетъ словесно свое согласіе выдать свою дочь за жениха, затѣмъ выпиваетъ чарку айрана и беретъ приготовленную ему трубку, которую и закуриваетъ углемъ, подаваемымъ родственникомъ жениха. Начинается угощеніе, при чемъ отецъ жениха усердно торгуется о калымѣ за невѣсту. Сватовство оканчивается тѣмъ, что отецъ жениха даритъ отцу, матери и ближайшимъ родственникамъ невѣсты подарки. Въ день бракосочетанія устраивается въ юртѣ невѣсты пиръ, при окончаніи котораго женихъ беретъ руку невѣсты, и оба падаютъ въ ноги отцу ея. Этотъ послѣдній поднимаетъ ихъ и, обращаясь къ дочери, говоритъ: „Да, дочь, выходи замужъ!“ Крещеные татары отправляются въ церковь, гдѣ и совершается бракосочетаніе, послѣ котораго обыкновенно назначается день для празднованія свадьбы. Въ назначенный день родные и знакомые собираются въ юрту молодой. Здѣсь рѣжутъ вола или барана и начинается пиръ. Парни поютъ пѣсни, пляшутъ, а иногда забавляются скачками. Молодого и молодую наряжаютъ въ лучшее платье, вводятъ въ юрту и садятъ на лавку, покрытую коврами. Противъ нихъ становятся два хора пѣсельниковъ, которые держатъ въ рукахъ развернутыя цвѣтныя шали и поютъ пѣсни. Хоръ, стоящій

противъ жениха, поетъ о томъ, что послѣдній пріѣхалъ взять прекрасную молодую, а пѣсельники, стоящіе противъ молодой, поютъ о томъ, что они не отпустятъ ее безъ выкупа и подарковъ.

Послѣ угощенія молодые прощаются съ родителями и родственниками и, получивъ ихъ благословеніе, отправляются въ улусъ молодого. Здѣсь уже приготовлена для нихъ особая юрта. Около юрты встрѣчаютъ ихъ родители молодого; затѣмъ идетъ угощеніе.

У качинскихъ татаръ сохранился обрядъ похищенія невѣсты. Въ назначенный родителями жениха и невѣсты день женихъ и нѣсколько человѣкъ молодежи отправляются верхомъ на лошадяхъ въ улусъ, гдѣ живетъ невѣста. Вечеромъ трое или четверо изъ юношей, пріѣхавшихъ съ женихомъ, приближаются къ юртѣ родителей невѣсты и просятъ пустить ихъ переночевать. Ихъ пускаютъ. Какъ только представляется удобный случай, они схватываютъ невѣсту, садятъ ее на сѣдло и мчатся въ улусъ жениха. За ними обыкновенно слѣдуетъ погоня; но не догнать имъ жениха и невѣсту. Какъ только привезутъ невѣсту въ улусъ, ее вталкиваютъ въ особую юрту, вокругъ которой ставятъ караулъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Собираются гости и начинается пиршество, для котораго уже заранѣе заготовлено мясо и вино. Отъ родителей невѣсты прибываютъ къ жениху „посредники". Караульные не пускаютъ ихъ къ невѣстѣ. Тѣ бьютъ караульныхъ, а послѣдніе униженно кланяются имъ и просятъ выпить вина. Выходитъ молодая и заявляетъ, что она желаетъ остаться у мужа. Посредники требуютъ калымъ, который и выплачивается или немедленно, или въ назначенный срокъ. Назначается день для „мировой" между родителями жениха и невѣсты.

Въ этотъ день родители жениха пріѣзжаютъ съ виномъ къ родителямъ невѣсты и угощаютъ ихъ. Во время угощенія отецъ невѣсты ударяетъ нѣсколько разъ отца жениха, послѣ чего начинается настоящая попойка. Дня чрезъ три новобрачные отправляются къ тестю, который, встрѣтивъ зятя, нагибаетъ его, схвативъ одною рукою за волосы, и плетью ударяетъ его нѣсколько разъ по спинѣ. Этимъ и оканчиваются свадебные обряды.

Новорожденнаго ребенка качинскіе татары помѣщаютъ въ длинный ящикъ, одинъ конецъ котораго стоитъ на землѣ, а другой (изголовье) приподнятъ на веревкѣ, прицѣпленной вверху юрты къ перекладинѣ При крикѣ ребенка его укачиваютъ съ одной стороны на другую.

Имя новорожденному младенцу у татаръ-язычниковъ даетъ тотъ изъ сосѣдей, который первый войдетъ въ юрту послѣ его рожденія.

Воспитаніе маленькихъ дѣтей у сибирскихъ татаръ лежитъ на обязанности матерей; отцы считаютъ для себя унизительнымъ ухаживать за дѣтьми; однако они любятъ ихъ не менѣе матерей.

Старшіе въ семьѣ пользуются у татаръ полнымъ уваженіемъ со стороны младшихъ; послѣдніе считаютъ своею обязанностью безпрекословно повиноваться первымъ.

Покойника татары обмываютъ, одѣваютъ въ лучшее платье и затѣмъ кладутъ въ гробъ, выдолбленный большею частью изъ колоды. Вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ въ гробъ трубку, кисетъ съ табакомъ, хлѣбъ, мясо, сыръ и овощи, которые онъ особенно любилъ. Гробъ съ покойникомъ кладутъ въ сани или телѣгу, крѣпко

привязываютъ и быстро везутъ на мѣсто погребенія. Могилу обыкновенно начинаютъ копать въ то время, когда покойника привезутъ на кладбище. Яму копаютъ не глубже полутора аршина. Опустивъ покойника въ могилу, ее зарываютъ. Надъ могилой богатаго колютъ его любимую лошадь. Во время похоронъ родственники умершаго и близкіе знакомые, въ особенности женщины, плачутъ, неистово кричатъ, бьютъ себя въ грудь и даже рвутъ на себѣ волосы; при этомъ перечисляютъ добродѣтели умершаго. Послѣ погребенія покойника его поминаютъ, при чемъ пьютъ вино и закусываютъ заранѣе приготовленнымъ мясомъ. Поминаютъ его также на девятый, сороковой день и чрезъ полгода и годъ послѣ его смерти.

Татары гостепріимны. Любитъ татаринъ, если къ нему пріѣдетъ гость. Бесѣда между хозяиномъ и гостемъ ведется неумолкаемо. Хозяинъ не преминетъ угостить гостя, чѣмъ можетъ. Въ хорошую теплую погоду татары собираются группами на улицѣ или на площади и ведутъ оживленную бесѣду. Между ними всегда найдется балагуръ, который своими живыми разсказами заинтересуетъ всѣхъ. Иногда тутъ же, на площади, раздается бренчаніе на національномъ инструментѣ — „джатыганѣ“ или „кѣмусѣ“. Первый изъ этихъ инструментовъ имѣетъ видъ длиннаго узкаго ящика, перевернутаго вверхъ дномъ, на которомъ натянуты на желѣзныхъ колышкахъ пять или шесть струнъ, сдѣланныхъ изъ бараньихъ кишокъ и тонкой мѣдной проволоки. Вмѣсто подставокъ или кобылокъ подъ струны ставятся позвоночныя кости или маленькія бабки, которыя во время игры, при ударѣ пальцемъ по струнамъ, передвигаются. Кѣмусъ по устройству походитъ на русскую балалайку и имѣетъ три струны изъ конскаго скрученнаго волоса. Разсказчики сказокъ и былинъ обыкновенно сопровождаютъ свои разсказы игрой на кѣмусѣ. Нужно замѣтить, что татары имѣютъ своихъ сказочниковъ, охотно слушаютъ ихъ и относятся къ нимъ съ уваженіемъ и даже, по общественному приговору, освобождаютъ ихъ отъ общественныхъ повинностей.

Живя долго между русскими и находясь съ ними въ постоянномъ общеніи, сибирскіе татары не могли не перенять отъ нихъ нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ. Нынѣ далеко не всѣ татарскія женщины ведутъ такой замкнутый образъ жизни, какой онѣ вели въ прежнее время. Нерѣдко можно встрѣтить въ Сибири татаръ, которые почти совершенно отрѣшились отъ мусульманскихъ предразсудковъ и въ своей жизни мало чѣмъ отличаются отъ жизни русскихъ. Многіе изъ нихъ говорятъ по-русски не только съ русскими, но и между собой, и обучаютъ своихъ дѣтей русской грамотѣ, часто въ русской школѣ.

Карта инородцевъ Средне-Азіатскихъ владѣній Россіи.

II.

ИНОРОДЦЫ СРЕДНЕАЗІАТСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ РОССІИ.

I.

КИРГИЗЫ.

Киргизы называютъ себя *кайсаками* или *казаками;* названіе это они производятъ отъ словъ: „каз“ (гусь) и „заг“ (воронъ), что въ общемъ значитъ „степная птица“; этимъ же именемъ называютъ ихъ и сопредѣльные съ ними народы: бухарцы, хивинцы, персіяне и китайцы. Киргизами назвали ихъ русскіе, по названію одного племени, живущаго около озера Иссыкъ-Куля. Названіе это одни производятъ отъ словъ: „кыркъ“ (сорокъ) и „кыз“ (дѣвица): потомство сорока дѣвицъ; другіе же производятъ отъ словъ: „киръ“ (степной) и „гизъ“ (человѣкъ): степной человѣкъ.

Киргизы кочуютъ на огромномъ пространствѣ отъ Каспійскаго моря и рѣки Урала до хребта Тяншаня и рѣки Иртыша. Все это пространство состоитъ изъ травяныхъ степей и солончаковъ.

По мѣсту кочеванія киргизы раздѣляются на Малую, Среднюю и Большую орды. Малая орда кочуетъ на западѣ, вдоль Оренбургской и Уральской линіи и между Каспійскимъ и Аральскимъ морями; Средняя орда кочуетъ на востокъ отъ Малой орды, до рѣки Иртыша и озера Зайсана; Большая орда кочуетъ около озера Балхаша и рѣки Или.

Всѣхъ киргизовъ насчитывается около $2^{1}/_{2}$ милліоновъ человѣкъ.

Они раздѣляютъ себя на два сословія: благородное или „бѣлую кость“ (акъ сеюкъ) и чернь или „черную кость“ (кара сеюкъ). Къ первому сословію относятся знатнѣйшіе киргизы, считающіе себя потомками великихъ предковъ; ко второму— относятся всѣ остальные, какъ не имѣющіе ясныхъ доказательствъ своего высокаго происхожденія. *) Раздѣленіе это не кладетъ, впрочемъ, грани, не допускающей близкихъ отношеній между лицами того и другого сословія: киргизы знатнаго происхожденія не кичатся передъ киргизами низшаго сословія, и эти послѣдніе не считаютъ для себя недоступнымъ общество первыхъ. Киргизъ „черной кости“ свободно ѣдетъ въ гости къ киргизу „бѣлой кости“, входитъ безъ стѣсненія въ его юрту и располагается, какъ ему удобно.

Киргизы дѣлятся на роды. Между членами каждаго рода довольно тѣсная связь. Роды раздѣляются на волости, а волости —на аулы. Волости и аулы управля-

---

*) О происхожденіи «бѣлой» и «черной кости» у киргизовъ ходитъ такое преданіе: нѣкогда жилъ могущественный ханъ; у него была красавица дочь, которую онъ не взлюбилъ. Ему было предсказано, что отъ нея произойдетъ многочисленный народъ. Царь велѣлъ построить темный покой съ прочными дверями и заключилъ туда царевну. Долго томилась красавица въ заключеніи. Но вотъ въ покой какимъ-то образомъ проникъ солнечный лучъ, и, спустя нѣкоторое время, царевна родила сына. Узналъ объ этомъ царь и велѣлъ своимъ слугамъ убить дочь. Но Богъ не допустилъ ее до погибели: за нее заступился могучій богатырь и взялъ ее себѣ въ жены. Отъ брака съ богатыремъ родилось нѣсколько сыновей, отъ которыхъ и произошли киргизы «черной кости», а сынъ солнечнаго луча сдѣлался родоначальникомъ «бѣлой кости».

ются волостными и аульными выборными старшинами, которые подчинены русским уѣзднымъ начальникамъ. Судебныя дѣла разбираютъ выборные біи. Недовольный рѣшеніемъ бія можетъ жаловаться въ совѣтъ біевъ, или уѣздному начальнику, или же губернатору. Важныя уголовныя преступленія, напр., убійство, грабежъ, подлежатъ суду русской судебной власти.

Киргизы составляютъ отрасль турецко-татарскаго (тюркскаго) племени съ монгольской примѣсью. Внѣшній видъ ихъ изобличаетъ ихъ происхожденіе. Они средняго роста, сутуловаты; лицо ихъ широкое, скуластое; глаза узкіе, черные; носъ большой, широкій, иногда съ горбомъ; цвѣтъ кожи блѣдно-желтый. Мужчины бреютъ голову, но носятъ рѣдкую, черную клинообразную бородку. Волосы около губъ они выщипываютъ, чтобы не мѣшали при ѣдѣ. Походка ихъ большею частью развалистая.

Одежда киргизовъ состоитъ изъ халата съ длинными рукавами (чапанъ). По халату они подпоясываются ременнымъ поясомъ, на которомъ обыкновенно виситъ ножъ и кисетъ съ огнивомъ и кремнемъ. При сильныхъ холодахъ они надѣваютъ по нѣскольку ватныхъ халатовъ или же носятъ бараній тулупъ. На головѣ носятъ ермолку (тюбетейку), поверхъ которой еще надѣваютъ лѣтомъ остроконечную, съ выгнутыми кверху полями войлочную шляпу, а зимой — конусообразный мѣховой малахай съ надзатыльникомъ и наушниками. На ноги надѣваютъ кожаныя или бумажныя панталоны и кожаные сапоги.

Чѣмъ богаче киргизъ, тѣмъ болѣе украшена бываетъ его одежда. Въ болѣе важныхъ случаяхъ знатные киргизы любятъ наряжаться въ цвѣтной бархатный каф-

танъ, обшитый по краямъ двойнымъ широкимъ галуномъ, и бархатную шапку съ широкимъ бобровымъ околышемъ.

Киргизки носятъ бешметъ, украшенный обыкновенно костяными или металлическими пуговицами и блестками. Голову замужнія женщины повязываютъ большимъ бѣлымъ бумажнымъ или холщевымъ покрываломъ, концы котораго опускаются на плечи и спину. На лобъ, подъ покрывало, онѣ надѣваютъ накладку, обшитую мѣхомъ и украшенную серебряными монетами. Дѣвушки носятъ на головѣ шапочку изъ лисьяго мѣха, верхушка которой покрывается различнаго рода украшеніями. Волосы свои какъ замужнія, такъ и дѣвушки заплетаютъ, первыя — въ три косы, а вторыя — въ нѣсколько тоненькихъ косъ, унизанныхъ монетами и блестками. Шею киргизки, особенно дѣвушки, любятъ украшать бусами, монетами, а пальцы — перстнями съ камнями.

Жилищемъ киргизовъ служитъ юрта. Остовъ ея дѣлается изъ жердей и покрывается снаружи кошмами. Вверху оставляется отверстіе для выхода дыма; въ холодное время оно закрывается кошмой, при чемъ, если горитъ огонь, то оставляется маленькое отверстіе. Дверь у юрты или деревянная, или войлочная. Если она открыта, то это значитъ, что хозяинъ — дома и что къ нему можетъ войти каждый; если же она закрыта, то это значитъ, что хозяинъ или спитъ, или его нѣтъ дома. Кто войдетъ въ юрту при закрытыхъ дверяхъ, тотъ нарушитъ требованіе киргизскихъ приличій.

Посрединѣ юрты, подъ верхнимъ отверстіемъ, устраивается изъ камней очагъ, который зимой служитъ для освѣщенія и согрѣванія юрты. Надъ очагомъ обыкновенно виситъ котелъ, въ которомъ киргизы варятъ пищу.

Полъ и стѣны юрты у болѣе зажиточныхъ киргизовъ бываютъ выстланы коврами. Въ юртѣ помѣщается все имущество киргиза. Направо отъ двери у стѣны обыкновенно стоятъ сундуки съ одеждой и разными драгоцѣнностями; налѣво — низенькая кровать, закрытая пологомъ, а впереди — низенькій круглый столъ, на которомъ киргизы ѣдятъ. Невдалекѣ отъ стола, у стѣны, въ ямѣ стоитъ саба (кожаный мѣшокъ), въ которой приготовляется кумысъ. По стѣнамъ развѣшаны сѣдла, конская сбруя, оружіе и т. п. вещи.

Богатые киргизы имѣютъ по нѣскольку юртъ, въ которыхъ они размѣщаютъ членовъ своей семьи. Въ каждой юртѣ помѣщается отъ 3 до 5 человѣкъ.

Постановкой юрты занимаются обыкновенно женщины. Съ удивительной ловкостью и быстротой онѣ сплетаютъ остовъ юрты и покрываютъ его кошмами, привязывая ихъ къ нему веревками. Чрезъ какіе-нибудь полчаса юрта готова. Столько же времени нужно, чтобы опять снять юрту, свернуть въ трубку кошмы, покрывавшія ее, связать жерди, изъ которыхъ составленъ былъ остовъ, и сложить все это въ арбы.

На зиму киргизы обкладываютъ свою юрту двойнымъ рядомъ кошмъ и окружаютъ ее стѣной изъ камыша. Многіе киргизы на зиму перебираются въ такъ называемыя „зимовки" — избушки, сплетенныя изъ хвороста, обмазанныя глиной и покрытыя дерномъ. Каждая такая избушка имѣетъ одно или два маленькихъ окна и низенькую дверь. Внутри избушки глиняная печь и низкія, на поларшина отъ пола, полати, служащія для спанья. При каждой избушкѣ или юртѣ устроено бываетъ нѣсколько крытыхъ загородокъ, въ которыхъ помѣщается скотъ.

Киргизы исповѣдуютъ магометанскую религію, которая распространена между ними бухарскими и туркестанскими магометанами. Но, исповѣдуя эту религію, они не отстали отъ языческихъ вѣрованій. Отсюда и происходитъ, что вѣрованія ихъ представляютъ смѣсь магометанства съ язычествомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степи есть мечети; но киргизамъ, вслѣдствіе кочевого образа ихъ жизни, рѣдко приходится бывать въ нихъ. Кромѣ того, киргизы рѣдко обращаются къ мулламъ для совершенія религіозныхъ требъ; даже бракъ у нихъ совершается иногда безъ участія муллы.

Изъ предписаній магометанской религіи болѣе аккуратно ими выполняется постъ — „рамазанъ" *), бывающій лѣтомъ и продолжающійся цѣлый мѣсяцъ. Въ продолженіе дня они ничего не ѣдятъ и не пьютъ; съ заходомъ же солнца всѣ поспѣшно совершаютъ омовеніе, читаютъ молитву и принимаются пить кумысъ и ѣсть мясо. Съ этого времени вплоть до развѣта они только то и дѣлаютъ, что ѣдятъ, пьютъ, поютъ пѣсни и вообще веселятся. Съ развѣтомъ же ложатся спать и спятъ сколько возможно долѣе, дабы тѣмъ сократить голодный день.

Между языческими вѣрованіями киргизовъ обращаетъ на себя вниманіе ихъ вѣра въ то, что каждый день находится подъ покровительствомъ счастливой или несчастной звѣзды, отчего и самые дни раздѣляются на благополучные и неблагополучные. Далѣе, они признаютъ священными нѣкоторыя скалы, источники и деревья, растущія одиноко среди степи; признаютъ также священными могилы богатырей. Проѣзжая мимо предмета или мѣста, признаваемаго святымъ, киргизъ слѣзаетъ съ коня, совершаетъ молитву и оставляетъ какое-нибудь приношеніе: лоскутъ матеріи, пукъ конскихъ волосъ и т. п. Наконецъ, многіе киргизы вѣрятъ въ Шайтана (злого духа), который причиняетъ людямъ зло и наталкиваетъ ихъ на все худое. Если кто-нибудь совершилъ преступленіе, то киргизы говорятъ про него, что его Шайтанъ соблазнилъ, или „Шайтанъ сѣлъ ему на шею".

Между киргизами можно встрѣтить гадателей или колдуновъ, которые предсказываютъ будущее или по обожженнымъ бараньимъ костямъ, или по блеску огня, когда горитъ баранье сало, или по звѣздамъ. Гадатели иногда принимаются за лѣченіе болѣзней, при чемъ, между прочимъ, прибѣгаютъ къ слѣдующему оригинальному способу лѣченія ихъ: колдунъ садится противъ больного и начинаетъ играть на кобызѣ, кричать дикимъ голосомъ, произноситъ безсмысленныя рѣчи; потомъ хватаетъ плеть и начинаетъ бить больного..... Нужно впрочемъ замѣтить, что гадатели прибѣгаютъ иногда и къ болѣе раціональному способу лѣченія. Такъ, напр., отъ простуды лѣчатъ такимъ образомъ: убиваютъ лошадь, тотчасъ же сдираютъ съ нея кожу и плотно обвертываютъ ею больного. Отъ той же болѣзни лѣчатъ также и такимъ образомъ: завертываютъ больного въ кошму и легонько катаютъ до тѣхъ поръ, пока онъ хорошенько не пропотѣетъ; затѣмъ, давъ ему остыть, развертываютъ кошмы, но тѣло все-таки оставляютъ нѣсколько прикрытымъ.

Между киргизами, имѣющими частыя сношенія съ русскими, можно встрѣтить крещеныхъ. Такіе киргизы обыкновенно оставляютъ кочевой образъ жизни, переселяются въ городъ или село и здѣсь поступаютъ въ услуженіе къ русскимъ.

Лѣтосчисленіе у киргизовъ своеобразно. Счетъ времени они ведутъ по цикламъ

*) Въ память дарованія корана.

или эрамъ. Циклъ или эра состоитъ изъ 12 лѣтъ. Каждый годъ въ циклѣ имѣетъ свое особое названіе, напр.: „итъ" (собака), „тышканъ" (мышь), „куянъ" (заяцъ), „джилянъ" (змѣя), „джилки" (лошадь), „кой" (баранъ) и т. д. Такимъ образомъ, если киргизъ говоритъ, что со времени такого-то событія минуло три „кой", это значитъ, что прошло уже 36 лѣтъ, такъ какъ „кой" бываетъ въ каждомъ циклѣ только одинъ разъ.

Киргизы могутъ быть причислены къ довольно способному племени. Они обладаютъ хорошею памятью и особенно прочно запоминаютъ мѣстность. Киргизъ никогда не заблудится въ той мѣстности, по которой онъ хоть разъ проѣхалъ. Кромѣ памяти, они обладаютъ значительною сообразительностью и находчивостью, нерѣдко помогающею имъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Изъ внѣшнихъ чувствъ у нихъ особенно сильно зрѣніе. Киргизъ ясно видитъ на такомъ разстояніи, на какомъ русскій ничего не въ состояніи различить. Между киргизами успѣшно распространяется татарская грамотность. Несмотря на трудный способъ обученія, киргизскіе мальчики овладѣваютъ этой грамотой. Обучаетъ ей обыкновенно учитель-мулла, нанимаемый богатыми киргизами. Для веденія обученія отводится особая юрта. Вмѣстѣ съ сыновьями богатыхъ киргизовъ обучаются и мальчики бѣдныхъ киргизовъ. Сдавая муллѣ для ученія сына, отецъ приговариваетъ: „кости мои, а мясо твое". Это значитъ, что учитель можетъ наказывать своего ученика, сколько захочетъ, лишь бы только не повредилъ его костей, не причинилъ ему увѣчья. Ученіе начинается обыкновенно съ ранняго утра. Проходя рано утромъ по аулу, можно иногда слышать въ юртѣ муллы-учителя голоса учениковъ, выкрикивающихъ слова корана. Учитель обучаетъ не всѣхъ учениковъ сразу, а поодиночкѣ. Каждый ученикъ читаетъ свое. Мулла выслушиваетъ то того, то другого ученика, и, если замѣчаетъ, что ученикъ твердо выучилъ урокъ, задаетъ ему новый и прочитываетъ съ нимъ задаваемое; если же находитъ, что онъ не твердо выучилъ его, приказываетъ твердить еще.

Если ученіе происходитъ лѣтомъ, то съ наступленіемъ жары, около 11 часовъ дня, занятія прерываются и ученики распускаются, пока не спадетъ жара. Около 4-го или 5-го часа пополудни они снова собираются и занимаются до сумерекъ.

Мулла не только обучаетъ, но и воспитываетъ своихъ учениковъ, пріучая ихъ къ послушанію и почтительности къ старшимъ. За всякій проступокъ онъ наказываетъ строго.

По пятницамъ ученія обыкновенно не бываетъ. Ученики изъ ближайшихъ ауловъ отпускаются на этотъ день домой. Возвращаясь изъ отпуска, каждый ученикъ приноситъ муллѣ-учителю подарокъ (джумалыкъ). Сыновья богатыхъ приносятъ по нѣскольку копеекъ, а сыновья бѣдныхъ приносятъ куртъ (овечій сыръ) или вообще что-нибудь съѣстное.

Въ нѣсколькихъ городахъ Киргизскаго края учреждены, по распоряженію русскаго правительства, пансіоны для киргизскихъ дѣтей. Въ этихъ пансіонахъ мальчики и даже дѣвочки успѣшно обучаются русскому чтенію и письму, ариѳметикѣ и другимъ предметамъ элементарнаго курса. Кромѣ того, между учениками многихъ начальныхъ русскихъ школъ можно встрѣтить киргизскихъ дѣтей. Даже нѣкоторыя среднеучебныя заведенія края имѣютъ въ настоящее время между своими учениками киргизовъ. При прохожденіи курса этихъ заведеній ученики-киргизы не отстаютъ отъ своихъ русскихъ сверстниковъ.

Киргизы удивительно любопытны. Какъ только войдетъ въ ихъ юрту путешественникъ, они усаживаютъ его на кошму и начинаютъ разспрашиватъ: откуда, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ? есть ли у него семья? сколько стоитъ его лошадь, сбруя, одежда? и т. п. Вопросамъ ихъ, кажется, нѣтъ конца. Чѣмъ больше путешественникъ имъ разсказываетъ новостей, тѣмъ большее уваженіе онъ пріобрѣтаетъ въ ихъ глазахъ. Чтобъ узнать какую-нибудь новость, киргизъ готовъ проскакать нѣсколько верстъ, и, узнавъ ее, спѣшитъ въ свой или сосѣдній аулъ, чтобы разсказать услышанное.

Киргизы гостепріимны. Кто бы ни пріѣхалъ къ нимъ, онъ найдетъ у нихъ радушный пріемъ. Пріѣхавшій гость обыкновенно слѣзаетъ съ лошади и, держа ее за поводъ, садится подлѣ двери юрты. Выходитъ хозяинъ и проситъ его войти въ юрту. Затѣмъ угощаетъ его кумысомъ и начинаетъ разспрашивать обо всемъ, что его интересуетъ. Гость, прихлебнувъ кумыса изъ поданной ему чашки, доливаетъ ее самъ и подаетъ хозяину. Этого требуетъ вѣжливость. Если хозяинъ знаетъ, что гость можетъ прожить у него нѣсколько часовъ, онъ не поскупится зарѣзать барана, чтобы угостить его. Въ такомъ случаѣ въ юрту хозяина собираются знакомые и начинается угощеніе.

При любопытствѣ и гостепріимствѣ, киргизы скрытны. Киргизъ не скоро откроетъ свою душу и выскажетъ свои чувства. Онъ сначала выпытаетъ собесѣдника, расположенъ ли онъ къ нему, и если замѣтитъ искреннее дружелюбіе и неподдѣльную ласковость, то и самъ сдѣлается откровеннымъ.

При сношеніяхъ между собою и съ русскими киргизы держатъ себя съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Здороваясь, они одинаково всѣмъ протягиваютъ руку. Отношенія ихъ къ русскому чиновнику опредѣляются обыкновенно характеромъ послѣдняго: если онъ уступчивъ и мягокъ,—они притязательны; если же по складу своего характера онъ всегда готовъ дать ихъ незаконной притязательности энергичный, спокойный и справедливый отпоръ,—они сговорчивы.

Кочевая жизнь киргизовъ, при чемъ имъ часто приходится подвергаться перемѣнамъ температуры, переносить стужу и жару, закалила ихъ и сдѣлала выносливыми. Они съ бо̀льшею стойкостью переносятъ всѣ климатическія измѣненія, холодъ, голодъ и жару, чѣмъ цивилизованные народы.

Киргизы, какъ и другіе инородцы, стоящіе на низшей ступени цивилизаціи, предпочитаютъ ничегонедѣланіе труду. Если нужда не побуждаетъ киргиза приняться за работу, онъ охотно лежитъ на кошмѣ въ своей юртѣ или же переходитъ изъ юрты въ юрту, стараясь услышать какую-нибудь новость. Но если нужда побудитъ его приняться за работу, онъ тогда неутомимъ.

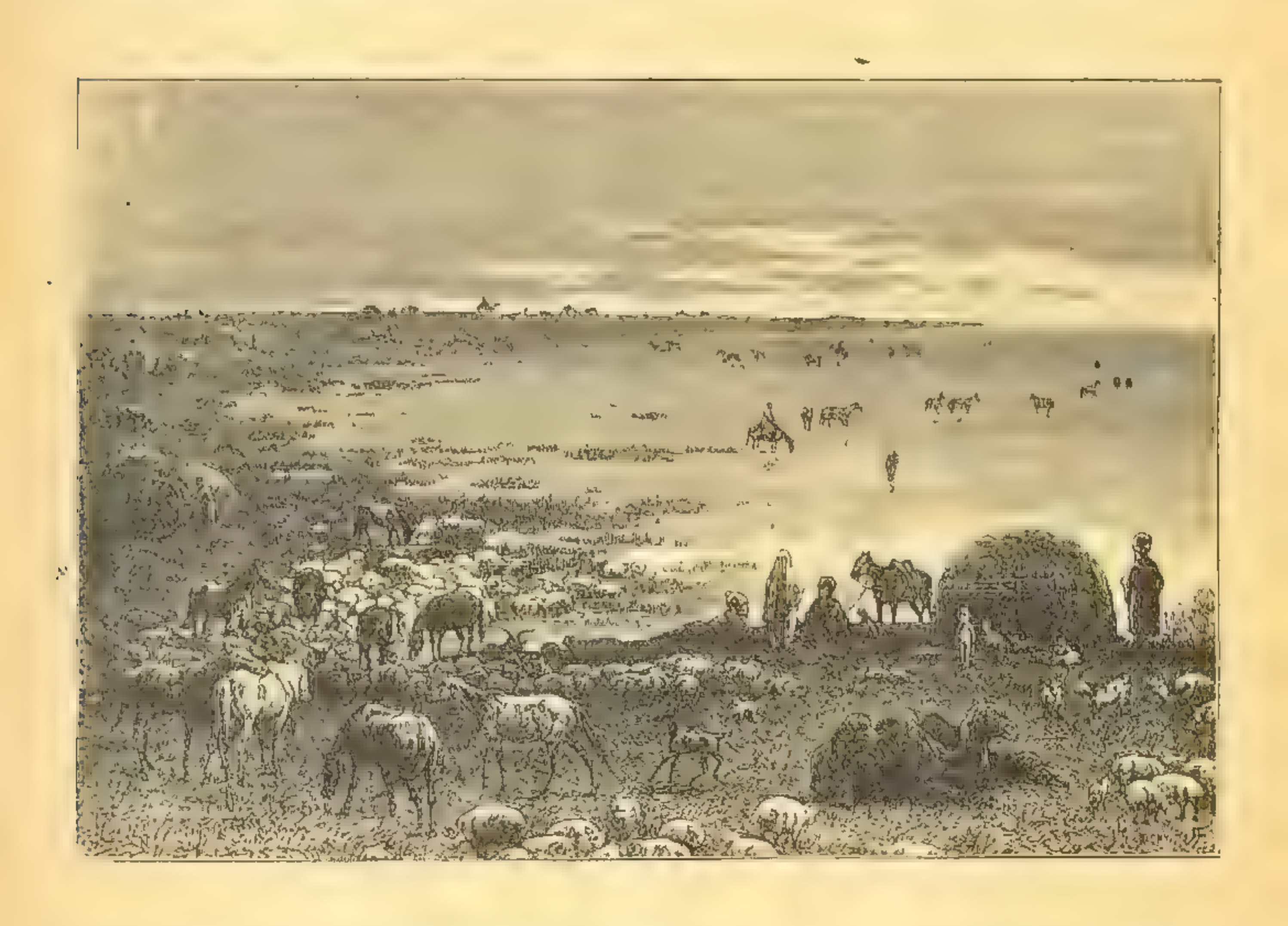
Киргизы обладаютъ по-преимуществу живымъ, подвижнымъ и даже веселымъ темпераментомъ. Они всегда готовы принять участіе въ какомъ-нибудь увеселеніи.

Киргизы смѣлы. Будучи плохо вооружены, они смѣло идутъ на волка или даже тигра и справляются съ нимъ. На врага они нападаютъ обыкновенно съ крикомъ и взвизгиваніемъ; но они не въ состояніи противостоять правильно устроенному войску. Если они нападаютъ на караванъ или таборъ съ цѣлью грабежа и имъ не удастся овладѣть добычей съ перваго раза, они не пытаются уже напасть во второй разъ.

Главное занятіе киргизовъ состоитъ въ скотоводствѣ. Они разводятъ преимущественно овецъ, лошадей и верблюдовъ.

Киргизскія овцы съ курдюками; онѣ даютъ вкусное мясо, сало и шерсть, изъ которой приготовляютъ войлоки.

Второе мѣсто послѣ овецъ въ хозяйствѣ киргизовъ занимаютъ лошади. Киргизскія лошади малы ростомъ, но выносливы и быстро бѣгутъ, особенно подъ верхомъ. Рѣдкій киргизъ не имѣетъ нѣсколькихъ лошадей, а богатые считаютъ ихъ табунами. Лошади служатъ имъ не только для ѣзды, но также идутъ въ пищу. Они съ удовольствіемъ ѣдятъ лошадиное мясо и изъ лошадинаго молока дѣлаютъ здоровый и питательный напитокъ—кумысъ.

Верблюдовъ держатъ преимущественно для перевозки тяжестей. Въ песчаныхъ степяхъ верблюдъ незамѣнимъ, такъ какъ долгое время можетъ пробыть безъ пищи и питья и довольствуется самымъ неприхотливымъ кормомъ, котораго не станутъ ѣсть лошади или рогатый скотъ. Годовому верблюду прокалываютъ носовой хрящъ и вдѣваютъ въ оный палочку или кость, къ обоимъ концамъ которой привязывается веревка, служащая вмѣсто узды. Верблюды идутъ обыкновенно гуськомъ (по караванному выраженію „ниткой“), привязанные одинъ къ другому. На каждаго верблюда кладется тяжести до 18 пудовъ, а въ тѣлежкѣ или арбѣ онъ можетъ везти до 50 пудовъ. При остановкѣ на кормовку вожакъ дернетъ верблюда за веревочку, продѣтую въ носовой хрящъ, и тотъ ложится. Вожакъ снимаетъ съ него тюки и пускаетъ пастись. Верблюдъ скоро наѣдается, послѣ чего ложится отдохнуть. Послѣ отдыха, по слову „чокъ“, онъ становится на колѣни и даетъ класть на себя ношу. Въ теченіе дня верблюдъ проходитъ съ ношей до 50 верстъ.

Рогатаго скота киргизы держатъ сравнительно меньше, при чемъ быки употребляются для перевозки тяжестей, а коровы содержатся для молока.

Занимаясь скотоводствомъ, киргизы поставлены въ необходимость перекочевывать съ мѣста на мѣсто. Съѣлъ скотъ траву въ одномъ мѣстѣ—киргизы складываютъ свои юрты и свой домашній скарбъ на арбы и перекочевываютъ на другое мѣсто. При перекочевкѣ сначала идутъ лошади, за ними слѣдуютъ овцы и рогатый скотъ, а за овцами и скотомъ уже движутся арбы, запряженныя верблюдами. Мужчины скачутъ на своихъ быстрыхъ коняхъ по сторонамъ табора и пригоняютъ къ мѣсту каждую лошадь или каждую овцу, которая вздумала свернуть въ сторону. Женщины и дѣти помѣщаются на арбахъ или верхомъ на лошадяхъ. Шумъ, крикъ, скрипъ немазанныхъ колесъ, блеяніе овецъ, ржаніе лошадей—все это сливается въ одинъ нестройный гулъ, слышный далеко отъ табора. Встрѣтилось на пути мѣсто, гдѣ есть вода и достаточно корма,—таборъ останавливается, женщины быстро устанавливаютъ юрты, мужчины ищутъ топлива, раскладываютъ огонь, и жизнь кочевниковъ входитъ въ обычную колею, пока скотъ не съѣстъ всю траву.

Киргизы думаютъ, что кочевой образъ жизни самый нормальный для человѣка. Когда профессоръ Вамбери спросилъ у одной киргизки о причинахъ, побуждающихъ ихъ перекочевывать съ мѣста на мѣсто, она удивилась вопросу и со смѣхомъ отвѣчала: „Мы не такъ лѣнивы, какъ вы, молла! намъ не усидѣть по цѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ. Человѣкъ долженъ двигаться, потому что,—посудите сами,—солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вода, животныя, птицы, рыбы—все движется, только земля и мертвые остаются на мѣстѣ!“

Киргизскія лошади круглый годъ остаются на подножномъ корму. Зимою онѣ добываютъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Для овецъ киргизы заготовляютъ на зиму нѣсколько стоговъ сѣна.

Кромѣ скотоводства, многіе киргизы занимаются хлѣбопашествомъ. Они сѣютъ овесъ, рожь, пшеницу, просо, а въ южныхъ частяхъ степи разводятъ даже бахчи съ арбузами и дынями. Способъ обработки полей первобытный. Въ южныхъ частяхъ степи прибѣгаютъ къ искусственному орошенію полей (арыками).

Занимаются киргизы также охотой; это занятіе, впрочемъ, не составляетъ у нихъ промысла, а служитъ скорѣе развлеченіемъ. Кромѣ обыкновенной охоты съ ружьемъ, обращаетъ на себя вниманіе охота на волковъ зимой и охота съ соколомъ лѣтомъ. На волковъ киргизы охотятся верхомъ. У каждаго изъ нихъ въ рукѣ длинная плеть, на концѣ которой привязанъ кусокъ желѣза или камень. Напавши на слѣдъ волка, они начинаютъ преслѣдовать его. Волкъ, почуявъ бѣду, убѣгаетъ; его нагоняютъ и стараются ударить плетью. Одинъ или два удара кладутъ волка на мѣстѣ. Убитаго волка везутъ въ юрту; здѣсь снимаютъ съ него шкуру, которую продаютъ или употребляютъ на шубу. Охота съ соколомъ производится такъ: выѣзжаетъ киргизъ, держа на перчаткѣ, надѣтой на лѣвой рукѣ, сокола, пріученнаго къ охотѣ за птицами. На головѣ сокола шапочка; она закрываетъ ему глаза, чтобъ онъ не улетѣлъ не во-время. Впереди бѣжитъ собачка. Лишь только она подниметъ куропатокъ, какъ шапочка снимается, и соколъ, взвившись вверхъ, стрѣлой налетаетъ на куропатку и вонзаетъ ей въ спину свои острые когти. Минуту спустя, киргизъ уже укладываетъ въ мѣшокъ куропатку, а сокола надѣляетъ заранѣе приготовленнымъ кускомъ сырого мяса.

Рыболовствомъ киргизы почти не занимаются; если же нѣкоторые изъ нихъ занимаются, то не для пищи себѣ, такъ какъ они рыбы не любятъ, а для продажи.

Говоря о занятіяхъ киргизовъ, слѣдуетъ упомянуть также о производствѣ ими войлочныхъ издѣлій и армячины изъ овечьей или верблюжьей шерсти. Этимъ дѣломъ преимущественно занимаются женщины; онѣ же шьютъ одежду себѣ и мужчинамъ и вышиваютъ узоры по полотну или кожѣ. Вообще слѣдуетъ сказать, что большая часть работы по домашнему хозяйству выполняется женщинами: онѣ ходятъ за дѣтьми, приготовляютъ пищу, доятъ скотъ, приготовляютъ кумысъ, обшиваютъ семью, дѣлаютъ кошмы, цыновки и ставятъ юрту. Мужчины же или лежатъ на кошмѣ въ юртѣ, или же работаютъ внѣ юрты: стерегутъ скотъ, косятъ сѣно, заготовляютъ дрова и возятъ ихъ на базаръ и т. п.

Пищей киргизовъ служитъ баранье, лошадиное и верблюжье мясо. Ѣдятъ они его вареннымъ или копченымъ. Самымъ вкуснымъ они находятъ мясо молодыхъ жеребятъ. Изъ лошадинаго мяса они приготовляютъ „казы"—родъ колбасы, а изъ баранины, мелко искрошивши ее и обливши топленымъ саломъ, они приготовляютъ „башбармакъ". Изъ молочной пищи они употребляютъ „рамчикъ" и „крутъ"—сыръ, который ѣдятъ въ сухомъ видѣ, а также разбавленнымъ водой. Изъ мучной пищи приготовляютъ такъ называемый „бауреакъ" — лепешки изъ прѣснаго тѣста, изжаренныя въ салѣ. Приготовляютъ также „кужу" или „бутку"—пшеничную или просяную похлебку. Богатые киргизы любятъ угощаться пловомъ, т.-е. свареннымъ въ бараньемъ салѣ рисомъ съ бараниной.

Главный напитокъ киргизовъ—кумысъ. Этотъ здоровый, питательный и нѣсколько опьяняющій напитокъ кисловато-вяжущаго вкуса приготовляется такъ: лошадиное молоко вливаютъ въ сабу и прибавляютъ къ нему небольшое количество кислаго молока или крута. Смѣсь эту время отъ времени взбалтываютъ деревянной колотушкой, на концѣ которой имѣется круглая дощечка съ просверленными въ ней дырочками. Чрезъ два или три дня кумысъ готовъ, и его начинаютъ пить, а въ сабу вливаютъ свѣжаго лошадинаго молока.

Кромѣ кумыса, многіе киргизы пьютъ чай, заваривая его въ котелкѣ или на самоварѣ.

Ѣдятъ киргизы сидя на землѣ, поджавши ноги. Пищу ставятъ, въ деревянной мискѣ, на низкій столъ, вокругъ котораго помѣщается вся семья. Сначала беретъ себѣ кусокъ самый старшій, затѣмъ слѣдующій по старшинству и т. д. Если въ кругу семьи ѣстъ гость, то хозяинъ считаетъ своею обязанностью собственными пальцами положить ему въ ротъ кусокъ пищи. За такую любезность гость старается отплатить хозяину тѣмъ же. Ножей и вилокъ при ѣдѣ киргизы не употребляютъ. Опредѣленнаго времени для принятія пищи они не имѣютъ, а ѣдятъ, когда захотятъ; большею же частью они принимаютъ пищу рано утромъ и вечеромъ. При изобиліи пищи киргизъ съѣдаетъ за троихъ, но зато при недостаткѣ ея терпѣливо переноситъ голодъ.

Скажемъ о важнѣйшихъ бытовыхъ обрядахъ киргизовъ.

При свадьбѣ совершаются слѣдующіе обряды: отецъ жениха посылаетъ къ родителямъ невѣсты сватовъ, которые условливаются о количествѣ калыма, т.-е. платы за невѣсту. Размѣръ калыма опредѣляется состояніемъ жениха; иногда

онъ достигаетъ до сотни лошадей, рогатаго скота и верблюдовъ. Условившись насчетъ количества калыма, родители невѣсты въ свою очередь отправляютъ пословъ къ родителямъ жениха. Послы получаютъ часть условленнаго калыма и угоняютъ полученный скотъ въ аулъ невѣсты. За ними слѣдуетъ женихъ съ подарками тестю. Передавши подарки, онъ помѣщается въ приготовленной ему юртѣ. Родственницы невѣсты оказываютъ ему возможныя услуги: приносятъ ему ѣду, воду и т. п. За каждую услугу онъ низко кланяется, опустивши длинные рукава своего халата. Невѣста въ сопровожденіи подругъ и молодыхъ парней (джигитовъ) ѣдетъ прощаться со своими родными и знакомыми; тѣ угощаютъ ее и ея провожатыхъ. Въ это время къ тестю пригоняютъ остальную часть скота. По уплатѣ, такимъ образомъ, калыма и по возвращеніи невѣсты домой, совершается обрядъ бракосочетанія. Жениха и невѣсту вводятъ въ юрту, при чемъ послѣднюю ставятъ за особую занавѣску. Мулла спрашиваетъ ихъ, желаютъ ли они вступить въ бракъ; они обыкновенно отвѣчаютъ въ прошедшемъ времени (я желалъ, я желала), или ничего не отвѣчаютъ. Молчаніе принимается за знакъ согласія. Мулла прочитываетъ молитву, при чемъ дуетъ на приготовленную воду и даетъ ее пить жениху, невѣстѣ и свидѣтелямъ. Послѣ брака отецъ невѣсты обращается къ ней со словами: „живи такъ, чтобы меня не проклинали". Затѣмъ, обратившись къ зятю, говоритъ: „не оскорбляй жены, чтобы не омрачить моей славы". Молодая уходитъ въ другую юрту и переодѣвается въ одежду замужней женщины (повязываетъ голову бѣлымъ покрываломъ). Вслѣдъ затѣмъ новобрачные отправляются въ аулъ мужа; за ними везутъ приданое, размѣръ котораго соотвѣтствуетъ обыкновенно размѣру калыма. Оно состоитъ по большей части изъ юрты, постели, 9 рубахъ, 9 холстовъ, 9 халатовъ или шубъ, 9 ковровъ, головного убора съ серебряными бляхами и сѣдла. Все это укладывается въ арбы или навьючивается на лошадей или верблюдовъ. Чѣмъ больше арбъ, верблюдовъ и лошадей слѣдуетъ за новобрачной, тѣмъ больше славы и ей самой, и ея отцу, а мужу—прибыли. Съ приближеніемъ поѣзда къ аулу мужа, навстрѣчу молодой выходятъ ея свекровь и другія родственницы со своими знакомыми. Пока идутъ привѣтствія, нѣсколько женщинъ спѣшатъ поставить привезенную за молодой юрту и разложить въ ней необходимыя для хозяйства принадлежности. Когда юрта готова, въ нее вводятъ новобрачныхъ. Отецъ новобрачнаго разсылаетъ по ауламъ гонцовъ съ приглашеніемъ на свадебныя пиршества. Чѣмъ онъ богаче, тѣмъ болѣе съѣзжается гостей и тѣмъ болѣе закалывается барановъ и лошадей для угощенія ихъ. Для съѣхавшихся гостей устраиваются игры (байга).

Дѣвушку у киргизовъ нерѣдко просватываютъ задолго до свадьбы. Можетъ случиться, что просватанная невѣста умретъ, или не захочетъ выйти за назначеннаго ей жениха, или родители выдадутъ ее за другого; тогда они обязаны выдать жениху вторую свою дочь; если же таковой нѣтъ, то должны возвратить калымъ и заплатить штрафъ. Если женихъ умретъ или откажется отъ невѣсты, то на ней долженъ жениться его братъ, а если брата нѣтъ, то родители невѣсты возвращаютъ калымъ.

Разводъ у киргизовъ совершается довольно легко. Достаточно, чтобы мужъ въ продолженіи дня три раза сказалъ женѣ: „уйди прочь отъ меня", чтобы разводъ состоялся. При разводѣ, совершенномъ по желанію мужа, калымъ, уплаченный имъ, ему не возвращается.

Жену себѣ киргизы стараются выбирать изъ семействъ, которыя соотвѣтствовали бы имъ по роду, знатности и богатству: киргизъ, принадлежащій къ высшему сословію (бѣлой кости), съ трудомъ согласится жениться на дѣвушкѣ изъ семьи, принадлежащей къ низшему сословію (черной кости).

Къ дѣтямъ своимъ киргизы относятся ласково и заботливо. По рожденіи ребенка, его обмываютъ, обвертываютъ въ тряпки и кладутъ въ колыбель, къ которой и привязываютъ тесьмой. Для удобства при ношеніи къ колыбелькѣ придѣлываются обручи. На пятый день ребенку даютъ имя, при чемъ мать получаетъ подарки отъ отца и родственниковъ ребенка, а отецъ устраиваетъ угощеніе для родныхъ и знакомыхъ. Мать обыкновенно кормитъ своего ребенка очень долго, иногда до трехъ лѣтъ.

Похороны у киргизовъ совершаются при слѣдующихъ обрядахъ. О смерти покойника гонцы извѣщаютъ родственниковъ и знакомыхъ. Тѣ и другіе спѣшатъ навѣстить покойника; вошедши въ юрту, они прочитываютъ установленную молитву и отходятъ въ сторону. Трупъ обмываютъ, обвертываютъ въ бумажную матерію и бѣлый войлокъ и обвязываютъ тесьмой. Затѣмъ кладутъ его на коверъ и отдѣляютъ отъ остального пространства юрты занавѣской. Хоронятъ покойника въ день его смерти; если же этотъ день, по вѣрованію киргизовъ, несчастный (вторникъ, пятница, воскресенье), то похороны откладываются до слѣдующаго дня. Когда все готово для похоронъ, трупъ везутъ или несутъ на мѣсто погребенія. Могилу роютъ возлѣ дороги или рѣки, дабы удобнѣе было посѣщать ее. Жена и дочери въ погребальной церемоніи не участвуютъ; онѣ остаются въ особой юртѣ и во всю ночь голосятъ и причитываютъ. Вдова покойнаго, кромѣ того, въ знакъ своей глубокой печали, царапаетъ себѣ до крови лицо и руки.

Покойника помѣщаютъ въ могилѣ лицомъ къ Меккѣ. Могилу закладываютъ досками и затѣмъ засыпаютъ ее землей. Надъ могилой прочитываютъ молитву и закалываютъ барана, а у богатыхъ лошадь.

Похороны кончены. Всѣ возвращаются въ юрту, гдѣ происходитъ угощеніе мясомъ заколотаго барана или лошади. Въ угощеніи не принимаетъ участія вдова покойнаго. Въ знакъ печали она въ первые дни послѣ смерти мужа не должна даже ѣсть днемъ, а только ночью. Трауръ продолжается 40 дней, при чемъ мужчины не бреютъ себѣ головы, а женщины снимаютъ съ себя украшенія—серьги и кораллы. На третій, седьмой и сороковой день бываютъ поминки по покойникѣ, при чемъ бываетъ угощеніе приглашенныхъ гостей. Но главныя поминки справляются чрезъ годъ послѣ смерти покойника. Поминки эти называются „асъ". Онѣ продолжаются иногда до семи дней. Созываются родные и знакомые не только изъ ближайшихъ, но также и изъ отдаленныхъ ауловъ. Многіе, узнавъ о предстоящемъ „асѣ", пріѣзжаютъ безъ приглашенія. Родственники покойнаго заготовляютъ, для угощенія гостей, много баранины, конины и кумыса. Нерѣдко сами гости привозятъ съ собою необходимые для угощенія мясо и кумысъ. Въ день, назначенный для аса, украшаютъ юрту покойнаго лучшими вещами: коврами, одѣялами, оружіемъ и проч. Возлѣ юрты стоятъ верблюды и лошади, которыхъ наиболѣе любилъ покойный. Мулла открываетъ праздникъ чтеніемъ молитвы. Кругомъ стоятъ разряженныя женщины; онѣ вспоминаютъ хорошія качества покойнаго, плачутъ и причитываютъ. Послѣ молитвы закалывается любимая лошадь умершаго. Собравшіеся на поминки ѣдятъ, а затѣмъ устраиваютъ игры и между прочимъ байгу.

Надъ могилою почетнаго лица возводится памятникъ въ видѣ глиняной пирамиды, конуса или четыреугольной ограды, съ башнями по угламъ, иногда весьма затѣйливой архитектуры.

Увеселенія киргизовъ состоятъ въ слушаніи разсказовъ и игрѣ въ бараньи кости; главнымъ же ихъ увеселеніемъ служитъ байга. Байга устраивается по поводу свадьбы, поминокъ и вообще по поводу какого-нибудь важнаго случая въ жизни киргизовъ. Нерѣдко само начальство устраиваетъ для киргизовъ байгу.

Байга обыкновенно начинается борьбой киргизскихъ силачей. Выходятъ два киргиза, измѣриваютъ другъ друга глазами и начинаютъ бороться. Если силы у борющихся равны, они долго ходятъ кругомъ, стараясь свалить другъ друга. Толпа между тѣмъ подстрекаетъ ихъ всякаго рода насмѣшками, похвалами, крикомъ и гиканьемъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, улучивъ минуту, свалилъ противника. Одобрительныя восклицанія служатъ наградой побѣдителю. Кромѣ борьбы, киргизы состязаются въ лазаніи на столбъ, на вершинѣ котораго повѣшенъ призъ. Съ трудомъ достается степнякамъ этотъ призъ. Рѣдкій можетъ взобраться на столбъ. Иногда состязанія бываютъ и такія: ставятъ верблюда; кто, разбѣжавшись, перескочитъ чрезъ него, тому онъ и достается. Вѣшаютъ также на нитку серебряную монету: кто попадетъ въ нее изъ винтовки, тотъ беретъ ее себѣ. Самая важная часть байги состоитъ въ скачкѣ лошадей-бѣгунцовъ. Для бѣга назначается разстояніе верстъ въ 25. По знаку судей или свидѣтелей всадники стремглавъ пускаются въ бѣгъ, стараясь опередить другъ друга. Каждый изъ нихъ крикомъ, взвизгиваніемъ и ударами плети погоняетъ своего бѣгунца. Лошади мчатся, какъ стрѣлы, и бѣда тому,—будь то животное или человѣкъ, — кто встрѣтится на пути и не успѣетъ посторониться.... Толпа съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда покажутся всадники. Вотъ вдали показалась пыль. Всѣ вскрикнули и замолчали, обративши вниманіе на приближающихся всадниковъ. Первая лошадь прискакала. Она вся въ мылѣ. Торжествующій всадникъ соскакиваетъ съ нея и представляется судьѣ. Лошадь уводятъ. Вслѣдъ за первымъ всадникомъ показывается второй, потомъ третій и т. д. Прискакавшій первымъ получаетъ самый дорогой призъ—или юрту, или конскую сбрую, или шелковый халатъ, или другую цѣнную вещь. Прискакавшій вторымъ получаетъ второй, менѣе цѣнный призъ. Полученный призъ въ прежнее время передавался, по существовавшему обычаю, старшему въ родѣ, а не оставлялся выигравшимъ у себя. По окончаніи игръ и состязаній киргизы угощаются. Они усаживаются группами около котловъ, куда распорядители бросаютъ огромные куски вареной баранины или конины. Какъ только въ котелъ попалъ такой кусокъ, киргизы съ волчьей жадностью рвутъ его своими пальцами и ѣдятъ.

Пляски у киргизовъ нѣтъ никакой. Игру на инструментѣ иногда приходится слышать. Изъ музыкальныхъ инструментовъ употребительны: *кобызъ*—родъ віолончели съ колышкомъ внизу, для упора въ землю; на немъ играютъ смычкомъ; *домбра*—родъ треугольной балалайки съ двумя или тремя бараньими струнами; *зурна*—духовой инструментъ, вродѣ короткаго гобоя. Что касается пѣнія, то его тоже можно услышать у киргизовъ. Напѣвъ ихъ пѣсенъ—монотонный и протяжный. Тянетъ киргизъ до тѣхъ поръ, пока голосъ не оборвется; ему кажется, что чѣмъ дольше онъ тянетъ, тѣмъ лучше поетъ.

Киргизы большею частью импровизируютъ свои пѣсни. Пѣвецъ поетъ обыкновенно про то, что видитъ или что чувствуетъ въ данный моментъ. Вотъ вздумалось киргизу, ѣдущему по степи на верблюдѣ, пѣть,—и онъ начинаетъ свое монотонное пѣніе. Увидѣлъ онъ птичку—запоетъ про нее, затѣмъ про то, что онъ чувствуетъ голодъ; наконецъ, переходитъ на что-нибудь другое. Иногда трудно уловить нить мысли его пѣсни; она такъ же быстро перебѣгаетъ отъ одного изъ окружающихъ предметовъ на другой, какъ быстро смѣняются впечатлѣнія пѣвца отъ этихъ предметовъ. Вотъ, для примѣра, переводъ одной импровизованной киргизской пѣсни: „Бросился ястребъ на утокъ, на стадо, стадо большое.... А я самъ боленъ, и ѣда на умъ не идетъ".

Между киргизами встрѣчаются пѣвцы по призванію. Они приглашаются на празднества и здѣсь поютъ, аккомпанируя своему пѣнію игрой на домбрѣ. Пѣсни ихъ нерѣдко отличаются задушевностью и содержательностью. Слушатели, окружая пѣвца со вниманіемъ слушаютъ его, выражая иногда возгласомъ свое одобреніе.

113

II.

САРТЫ.

Сарты произошли отъ смѣшенія древняго иранскаго населенія Туркестана съ позднѣйшими завоевателями и поселенцами тюрко-монгольскаго племени. Говорятъ они нарѣчіемъ тюркскаго языка. Всѣхъ ихъ насчитывается около 600 тысячъ человѣкъ.

Вслѣдствіе своего смѣшаннаго происхожденія, сарты носятъ въ своей физіономіи черты иранскія, или персидскія, и тюрко-монгольскія, при чемъ у однихъ преобладаютъ первыя, а у другихъ—вторыя. Вообще же говоря, сарты имѣютъ довольно правильный овалъ головы, смугловатый цвѣтъ лица, черные, большіе, продолговатаго разрѣза глаза, окаймленные густыми дугообразными бровями, прямой, а иногда съ горбомъ носъ и слегка выдавшіяся скулы. Волосы ихъ черны и борода густа. Они довольно высокаго роста и стройны; дородность ихъ иногда переходитъ въ тучность.

Обыкновенной одеждой сартовъ служитъ широкій цвѣтной халатъ. Желая похвастаться своимъ богатствомъ, сартъ надѣваетъ нѣсколько халатовъ, при чемъ нижній халатъ надѣваетъ въ рукава, а верхніе — на распашку. По нижнему халату онъ опоясывается широкимъ бумажнымъ или кожанымъ поясомъ, на которомъ сбоку виситъ кошелекъ и футляръ для ножа. Обувью служатъ ичиги, сверхъ которыхъ надѣваютъ калоши съ загнутыми вверхъ носками. Калоши обыкновенно снимаются при входѣ въ домъ, при молитвѣ и принятіи пищи. На голову надѣваютъ аракчинъ (ермолку), поверхъ котораго повязываютъ чалму. Многіе вмѣсто чалмы носятъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой мѣховую шапку съ отогнутыми наружу краями.

Одежда женщинъ состоитъ изъ рубашки съ вышивкой, идущей со спины на грудь широкой полосой, и халата, отличающагося покроемъ отъ мужского. Халатомъ онѣ покрываютъ не только туловище, но и голову. Лицо закрываютъ черною вуалью, сдѣланною по большей части изъ конскаго волоса.

Слѣдуетъ вообще замѣтить, что сарты любятъ щеголять своею одеждой. Нарядившись въ свой нарядный пестрый костюмъ, сартъ въ праздникъ выходитъ на улицу пощеголять имъ передъ знакомыми.

Живутъ сарты преимущественно въ городахъ; занимающіеся же земледѣліемъ живутъ въ кишлакахъ (селеніяхъ). Вообще говоря, они предпочитаютъ скученную городскую жизнь жизни деревенской, и, если представляется возможность, сартъ охотно перебирается жить изъ кишлака въ городъ.

Жилищемъ богатыхъ сартовъ служатъ дома восточной архитектуры, а бѣдныхъ — сакли. Какъ дома, такъ и сакли строятся большею частью изъ камней и глины и имѣютъ плоскую крышу, на которой хозяева проводятъ время въ теплую погоду.

Внутренность богатаго сартовскаго дома раздѣлена на нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ первая служитъ для пріема гостей; въ слѣдующей комнатѣ помѣщается хозяинъ, а въ заднихъ — его семейство. Рядомъ съ комнатой хозяина находится помѣщеніе для склада товаровъ и домашнихъ принадлежностей. Комната, предназначенная для пріема гостей, обыкновенно содержится чище другихъ: у стѣнъ ея разставлены красивые кожаные сундуки съ имуществомъ, въ нишахъ разставлена болѣе цѣнная домашняя посуда, на стѣнахъ висятъ ковры, халаты; тутъ же можно видѣть и изображеніе Мекки.

Сакля бѣднаго сарта состоитъ обыкновенно изъ одной комнаты съ небольшимъ вверху окномъ. Въ нее ведетъ низенькая дверь. Посреди сакли вырывается яма, служащая очагомъ, надъ которымъ въ холодное время ставятъ табуретъ, покрытый одѣялами. Подъ эти одѣяла сарты прячутъ ноги и такимъ образомъ согрѣваютъ ихъ. Глиняный полъ сакли выстилается коврами, на которыхъ сарты сидятъ, поджавши ноги.

Возлѣ своихъ домовъ и сакель сарты нерѣдко разводятъ огороды и садики съ плодовыми деревьями и цвѣтами.

Домашній бытъ сартовъ отличается патріархальностью и простотой. Дѣти относятся съ почтеніемъ къ своимъ родителямъ и старшимъ родственникамъ и сами пользуются ихъ нѣжною любовью и заботливостью. Женщины у сартовъ не показываются постороннимъ мужчинамъ. У состоятельныхъ для женщинъ устраивается даже особое помѣщеніе, отдѣленное отъ мужского жилья.

Въ пищѣ сарты умѣренны. Преобладающая ихъ пища растительная: мучныя лепешки, фрукты и т. п.; пищу приправляютъ пряностями; мяса употребляютъ мало.

Сарты занимаются всѣми промыслами, существующими въ краѣ. Такъ, многіе изъ нихъ занимаются земледѣліемъ, при чемъ для обработки земли нанимаютъ рабочихъ. Для орошенія своихъ полей они проводятъ арыки. Съ большой охотой они занимаются также садоводствомъ. Владѣя значительными фруктовыми садами, они снабжаютъ фруктами не только Туркестанскій край, но и сѣверныя области страны, гдѣ фрукты не растутъ.

Ремесленная дѣятельность края сосредоточена преимущественно въ рукахъ сартовъ. Сарты — плотники, столяры, кузнецы, красильщики, шорники. На базарахъ въ Ташкентѣ и другихъ туркестанскихъ городахъ можно видѣть сѣдла, уздечки, попоны въ азіатскомъ вкусѣ, а также одежду, обувь и дѣтскія игрушки, сдѣланныя руками сартовъ. Ознакамливаясь съ издѣліями европейцевъ, сарты постепенно улучшаютъ свое производство.

Самымъ любимымъ занятіемъ сартовъ служитъ торговля. Для сарта нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ сидѣть въ лавочкѣ и отпускать товаръ покупателямъ. Какъ только появились у сарта лишнія деньги, онъ сейчасъ же пускаетъ ихъ въ торговые обороты. Иногда онъ въ долгъ беретъ у купцовъ товаръ и разноситъ или развозитъ его по деревнямъ, промѣнивая на сельскіе продукты, которые продаетъ въ городѣ, получая нѣсколько копеекъ барыша. Изъ копеекъ онъ составляетъ рубли, изъ рублей — десятки, сотни, и затѣмъ обзаводится лавочкой, въ которой готовъ сидѣть по цѣлымъ днямъ. Въ торговлѣ сарты изворотливы и находчивы. Нерѣдко въ одинъ годъ сартъ-торговецъ сдѣлаетъ нѣсколько оборотовъ своему капиталу, ибо гонится не столько за большими процентами, сколько за быстрой продажей товара.

Пока сартъ не пріобрѣлъ обезпеченнаго состоянія или не обзавелся лавочкой, онъ дѣятеленъ, подвиженъ, предпріимчивъ. Но чуть только онъ почувствовалъ себя обезпеченнымъ, онъ становится лѣнивымъ, малоподвижнымъ. Онъ или неподвижно сидитъ въ своей лавкѣ и безучастно смотритъ на окружающее, или бездѣльно ходитъ по базару, выслушивая всякаго рода новости, или же проводитъ время въ игорномъ домѣ за азартной игрой. Нужно замѣтить, что сарты охотно отдаются азартнымъ играмъ; они играютъ въ карты, кости, четъ и нечетъ и друг. Не только въ игорныхъ домахъ, но также иногда и среди улицы можно видѣть сартовъ, играющихъ въ какую-нибудь азартную игру. Нерѣдко можно также видѣть сартовъ, потѣшающихся боемъ перепеловъ, барановъ и даже верблюдовъ. Иногда по цѣлымъ часамъ они внимательно слѣдятъ за ходомъ битвы.

Сарты исповѣдуютъ магометанскую религію суннитскаго толка. Муллы и вообще духовныя лица имѣютъ у нихъ важное значеніе; такое значеніе они пріобрѣтаютъ какъ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, такъ и обученіемъ дѣтей въ школѣ, куда каждый сартъ обязанъ посылать своихъ сыновей, для изученія религіи, чтенія и письма. Самая дѣятельность духовныхъ лицъ у сартовъ признается почетной и прибыльной, а потому понятно, отчего многіе стремятся сдѣлаться муллой. Сыновья духовныхъ лицъ обыкновенно занимаются профессіей своихъ отцовъ; сыновья свѣтскихъ лицъ, т.-е. купцовъ, ремесленниковъ и т. п., охотно занимаютъ духовныя должности, если только окончаніемъ своего образованія въ высшей школѣ (медрессе) получаютъ на то право.

Въ характерѣ сартовъ замѣчается скрытность и подозрительность. Эти качества у нихъ доходятъ до того, что если русскій, напр., попроситъ сарта разсказать что-нибудь изъ своихъ народныхъ преданій, то онъ станетъ божиться, что ничего не знаетъ и даже незнакомъ съ человѣкомъ, который могъ бы разсказать просимое; но если этотъ же русскій попотчуетъ сарта и войдетъ въ довѣріе къ нему, то онъ разскажетъ не только просимое, но и много посторонняго. Кромѣ того, онъ станетъ часто посѣщать его и даже приводить къ нему своихъ родственниковъ и знакомыхъ, рекомендуя ихъ съ самой хорошей стороны.

Къ начальствующимъ и вообще вліятельнымъ и богатымъ лицамъ сарты относятся обыкновенно услужливо и льстиво. При всякомъ удобномъ случаѣ они льстятъ вліятельному лицу, выражая свою лесть то прямо, то косвенно, разговаривая о немъ съ кѣмъ-нибудь другимъ. Ведя такой разговоръ, сартъ разсчитываетъ, что его льстивыя рѣчи дойдутъ по назначенію.

Сарты хвастливы. Ни одинъ изъ нихъ не преминетъ случая похвастаться чѣмъ только можетъ: одинъ хвастается богатой или знатной родней, другой — своимъ знакомствомъ съ русскимъ чиновникомъ или вліятельнымъ и богатымъ лицомъ, третій — своимъ богатствомъ или удачно совершенной торговой операціей, четвертый — своимъ новымъ костюмомъ и т. д.

Въ своихъ отношеніяхъ къ лицамъ, съ которыми приходится сталкиваться, сарты хитры, изворотливы и подчасъ лживы. Сартъ не стѣснится сказать неправду, если увѣренъ, что чрезъ это осуществится какое-нибудь изъ его желаній.

Стремленіе къ наживѣ составляетъ существенную черту сартовъ; въ этомъ отношеніи они не уступаютъ евреямъ.

При всѣхъ изложенныхъ непривлекательныхъ качествахъ, сарты обладаютъ и хорошими качествами, къ числу которыхъ относится ихъ гостепріимство. Если зайдетъ гость, сартъ постарается его угостить чаемъ съ кишмишемъ (такъ называется туркестанскій сушеный виноградъ), фруктами и, въ заключеніе, трубкой.

Если знатное или богатое лицо посѣтитъ сарта, послѣдній постарается всячески выразить ему свое почтеніе; сосѣди, желая выразить ему такое же почтеніе, собираются на дворъ и, находя неприличнымъ войти въ комнату, становятся поодиночкѣ у дверей ея и, сложивши руки на груди или животѣ, кланяются въ поясъ, произнося: „ассалямъ-алей-кумъ". На это привѣтствіе гость дѣлаетъ чуть замѣтный кивокъ головою и отвѣчаетъ: „алей-кумъ-ассалямъ". Получивъ отвѣтъ, сартъ, не разгибаясь, пятится назадъ и входитъ въ толпу.

Любимымъ мѣстомъ препровожденія свободнаго времени у сартовъ служитъ базарная площадь. Здѣсь сообщаются и распространяются всякія новости... Базарная молва, какъ источникъ новостей, называется у нихъ характернымъ именемъ „узунъ-кулакъ", т.-е. длинное ухо.

Въ праздничные дни знакомые сарты посѣщаютъ другъ друга и по очереди устраиваютъ вечеринки. Будучи вообще степеннымъ и даже надменнымъ, гдѣ это требуется этикетомъ, сартъ среди близкихъ знакомыхъ, которыхъ не приходится стѣсняться, охотно шутитъ, остритъ и проявляетъ живую веселость.

Сарты не могутъ быть названы храбрыми: изъ трусости они бояться войны и смотрятъ на нее, какъ на зло. Они сами о себѣ говорятъ: „мы не любимъ войны, ибо имѣемъ дома, землю, лавки; мы работаемъ и можемъ быть сыты своими трудами: война разоряетъ насъ".

Изъ бытовыхъ обрядовъ сартовъ обращаютъ на себя вниманіе обряды при бракѣ и похоронахъ.

Сарты женятся рано. Въ выборѣ невѣсты принимаютъ участіе родители. Выборъ личный возможенъ, но просить руки невѣсты женихъ долженъ чрезъ родителей. Въ сватовствѣ нерѣдко принимаютъ участіе муллы.

Сговорившись о калымѣ и приданомъ, назначаютъ день свадьбы. Обрядъ брака совершается въ домѣ невѣсты, въ присутствіи брачущихся и родственни-

ковъ—мужчинъ. Мулла спрашиваетъ жениха: согласенъ ли онъ поступать и жить съ женою хорошо? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ объявляетъ о количествѣ калыма и приданого, читаетъ молитву и даетъ жениху и невѣстѣ съѣсть кусочекъ хлѣба, намоченнаго въ молокѣ или водѣ съ солью. Актъ бракосочетанія тѣмъ оканчивается. Гости, бывшіе въ другой комнатѣ, выходятъ, и начинается угощеніе. Приличіе требуетъ, чтобы гости не сидѣли долго. На другой день послѣ свадьбы бываетъ угощеніе у родителей жениха, а на третій — у родителей невѣсты. На третій же день вечеромъ молодая съ нѣсколькими пожилыми женщинами идетъ въ гости къ своему свекру, а мужъ въ то же время идетъ къ своему тестю. Подошедши къ дому свекра, молодая или одна изъ провожавшихъ ее женщинъ говоритъ: „поклонъ Богу". Изъ дома ей отвѣчаетъ свекорь: „Богъ поможетъ". Снова молодая или провожающая ее женщина говоритъ: „поклонъ пророку",—на что получаетъ отвѣтъ: „и онъ поможетъ". Такимъ образомъ выражаютъ поклоны свекру, свекрови, родственникамъ и т. д. Послѣ отданія всѣхъ поклоновъ, пришедшіе садятся у порога. Молодой даютъ чай безъ молока. Она проситъ молока. Ей отвѣчаютъ, что корова еще пасется въ степи и, когда придетъ, ее пригонятъ къ ней. Съ того момента отецъ, мать, родственники мужа начинаютъ дарить молодой подарки. Мужъ въ то же время получаетъ подарки отъ родителей и родственниковъ невѣсты.

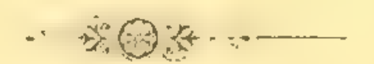
Послѣ смерти сарта, трупъ его обвертываютъ бѣлою матеріей, а голову повязываютъ чалмой. Трупъ выносятъ изъ дома въ закрытыхъ сверху и съ боковъ носилкахъ и несутъ въ мечеть, гдѣ происходитъ отпѣваніе, послѣ котораго несутъ его на кладбище.

Могилу копаютъ въ ростъ человѣка; на днѣ ея въ горизонтальномъ направленіи дѣлаютъ нишу, въ которую вдвигаютъ тѣло покойника, головою къ сѣверу, а лицомъ къ западу, т.-е. въ сторону Мекки. Положивши въ нишѣ трупъ, отверстіе закладываютъ кирпичомъ, а могилу засыпаютъ землею. На похоронахъ бываютъ только мужчины. Поминки по покойникѣ справляютъ на третій, седьмой и сороковой день и по истеченіи года со дня смерти. На поминкахъ мулла читаетъ молитву надъ могилой покойника, и затѣмъ идетъ угощеніе родственниковъ и знакомыхъ. Траура по покойникѣ не носятъ.

Въ заключеніе изложенія о сартахъ приведемъ описаніе препровожденія праздничнаго дня богатымъ сартомъ.

„Утромъ, около семи часовъ, сартъ начинаетъ одѣваться. Онъ сурмитъ брови, подводитъ глаза и облекается въ свой новый костюмъ. Жена или сестра помогаетъ ему одѣваться, прикрашиваться. Халатъ и поясъ не такъ сильно занимаютъ его, какъ чалма. Онъ повязываетъ ее передъ зеркаломъ, перемѣняетъ повязку нѣсколько разъ, совѣтуется съ женой или сестрой, къ лицу ли ему такая-то повязка чалмы, и только убѣдившись, что она повязана совершенно къ лицу, выходитъ изъ дома. По улицамъ онъ идетъ закинувъ голову кверху, при чемъ сильно размахиваетъ руками, но шаги дѣлаетъ маленькіе и идетъ медленно, что дѣлаетъ походку его неестественной и смѣшной. Встрѣчая знакомыхъ, хуже его одѣтыхъ, онъ не узнаетъ ихъ и проходитъ мимо. Дороги онъ никому не уступаетъ, почему то и дѣло сталкивается съ проходящими. Выйдя на площадь, онъ напускаетъ на себя еще больше спеси. Зашедши къ знакомому купцу въ лавку, онъ садится въ ней и посылаетъ за чаемъ въ чайную. Чай принесенъ. Сартъ пьетъ его, презрительно посматривая

на проходящихъ. Халатъ у него полуспущенъ съ плечъ, видна бѣлая рубашка. Время отъ времени онъ снимаетъ чалму, потряхиваетъ тюбетейкой надъ головой и опахивается рубашкой, какъ вѣеромъ: это все дѣлается для того чтобы показать проходящимъ, что онъ не въ мѣру выпилъ чаю и чувствуетъ необыкновенную жару. Проходящіе разсматриваютъ новый нарядъ сарта, любуются имъ,—чего только онъ и добивался. Посидѣвъ въ одной лавкѣ, сартъ переходитъ въ другую, гдѣ повторяется то же самое. Подъ вечеръ, выпивши не одну дюжину чашекъ чая, вдоволь натѣшивъ свое чванство и показавъ себя всѣмъ, сартъ идетъ домой. Дома, вертясь въ своемъ нарядѣ передъ женой или сестрой, онъ, съ мелочною подробностью и съ прибавленіемъ противъ дѣйствительности, разсказываетъ имъ: какъ онъ шелъ по улицѣ, по площади, сидѣлъ въ лавкѣ, сколько выпилъ чаю съ сахаромъ (хотя, можетъ быть, пилъ и безъ сахару), какъ прохожіе удивлялись ему, костюму его и важному виду, какъ онъ извѣстному лицу, за то, что тотъ не далъ ему дороги, наговорилъ дерзостей и заставилъ при всѣхъ его извиниться передъ собой и проч. Жена только успѣваетъ дѣлать возгласы: „хаиръ! хаиръ!“ и временами прибавляетъ: „да я всегда была увѣрена, что ты знаешь, какъ себя держать; ты не похожъ на своихъ сосѣдей“,—а выслушавъ все отъ мужа, спѣшитъ къ сосѣдкѣ, чтобы съ прикрасами передать ей замѣчательныя похожденія его.“

III.

ТАДЖИКИ.

Таджики своимъ бытомъ и образомъ жизни сходны съ сартами, такъ что Вамбери считаетъ тѣхъ и другихъ за одно и то же племя, утверждая, будто слово „сартъ" есть турецкое названіе таджика.

Таджики родственны персамъ; языкъ ихъ — нарѣчіе персидскаго языка. Они имѣютъ высокій лобъ, выразительные глаза, осѣненные черными рѣсницами, тонкій прямой или горбатый носъ, густые темнорусые волосы и густую бороду.

Живутъ таджики въ селеніяхъ и городахъ; въ нихъ въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ у сартовъ, замѣчается стремленіе къ городской жизни. Занимаются они земледѣліемъ, скотоводствомъ, ремеслами и торговлей; послѣдней, впрочемъ, они занимаются съ меньшей охотой, чѣмъ сарты.

Таджики исповѣдуютъ магометанскую религію шіитскаго толка, чѣмъ они, между прочимъ, отличаются отъ сартовъ, послѣдователей суннитскаго толка. Нужно замѣтить, что у таджиковъ сохранились еще слѣды почитанія огня и солнца. Нѣкоторые изъ нихъ справляютъ даже праздникъ въ честь огня или солнца; на этомъ праздникѣ они зажигаютъ костры, служащіе для очищенія и излѣченія тѣхъ, кто перепрыгнетъ чрезъ нихъ. Если больной слишкомъ слабъ, такъ что не въ состояніи перепрыгнуть чрезъ костеръ, то его водятъ вокругъ него или предлагаютъ ему пристально смотрѣть на пламя въ то время, когда надъ послѣднимъ произносятъ заклинаніе. Изъ уваженія къ огню, таджикъ не задуетъ горящую свѣчку, а движеніемъ руки погаситъ ее.

Начальное образованіе у таджиковъ настолько же распространено, какъ и у сартовъ. Значительная часть магометанскаго духовенства въ Туркестанскомъ краѣ — таджики.

Бытовые обряды таджиковъ мало чѣмъ отличаются отъ обрядовъ сартовъ; только обряды при бракѣ у нихъ представляютъ нѣкоторыя особенности, а потому и скажемъ объ этихъ обрядахъ.

Женихъ, желающій вступить въ бракъ, посылаетъ въ кишлакъ невѣсты сватовъ, которые условливаются относительно калыма. Затѣмъ ѣдетъ въ кишлакъ и самъ женихъ въ сопровожденіи родственниковъ и друзей. Недоѣзжая нѣсколькихъ саженей до мѣстожительства невѣсты, онъ слѣзаетъ съ лошади и дожидаетъ встрѣчи; всѣ же, сопровождающіе его, ѣдутъ къ невѣстѣ. Женщины и дѣвушки выходятъ навстрѣчу жениху и несутъ съ собою угощеніе. При встрѣчѣ всѣ другъ другу кланяются. Послѣ поклоновъ, женщины угощаютъ жениха и получаютъ отъ него подарки. Приблизившись къ саклѣ отца невѣсты, женихъ у самаго порога видитъ палку или веревку, переступить чрезъ которую, не уплативши за пропускъ, считается неприличнымъ. Онъ одариваетъ родственниковъ и подругъ невѣсты и, получивъ такимъ

образомъ пропускъ, приближается къ невѣстѣ. Начинается пирушка. Затѣмъ является приглашенный мулла. Посреди сакли разводятъ огонь и вокругъ него раскладываютъ платки, куски матеріи и другіе предметы. Отецъ невѣсты беретъ чашку съ водой и, опустивъ въ нее двѣ серебряныя монеты, держитъ ее до тѣхъ поръ, пока мулла не окончитъ чтенія молитвы. Затѣмъ чашку передаетъ муллѣ, который, глотнувъ изъ нея воды, передаетъ всѣмъ присутствующимъ. Всѣ отхлебываютъ воды. Этимъ обрядъ вѣнчанія кончается. Послѣ вѣнчанія слѣдуютъ угощеніе и игры. Между прочими играми видное мѣсто занимаетъ джигитовка, при чемъ молодой и другіе парни догоняютъ молодую, скачущую во весь духъ на отличномъ бѣгунцѣ.

IV.

УЗБЕКИ.

Узбеки разбросаны на пространствѣ отъ Хивы и Бухары до Каспійскаго моря и Аральскаго озера; преимущественно же они живутъ по Сыръ-Дарьѣ, въ Ходжентскомъ уѣздѣ. Бо́льшая часть ихъ ведетъ осѣдлый образъ жизни и живетъ рядомъ съ таджиками и сартами въ кишлакахъ и городахъ; мѐньшая же часть ихъ ведетъ еще полукочевой образъ жизни, т.-е. хотя и имѣетъ сакли и даже пашни, однако въ извѣстное время года перекочевываетъ со своими баранами и верблюдами съ мѣста на мѣсто.

Названіе свое узбеки производятъ отъ двухъ словъ: *узи* и *бекъ*—самъ себѣ бекъ, самъ себѣ господинъ.

Узбеки произошли отъ смѣшенія тюркскихъ, монгольскихъ и иранскихъ народовъ центральной Азіи. Они имѣютъ коричневый цвѣтъ лица, широкій, приплюснутый носъ, продолговатые глаза, скошенный лобъ и жидкую бороду. Они большею частью высокаго роста, пропорціонально сложены и мускулисты. Говорятъ они тюркскимъ языкомъ.

Всѣхъ узбековъ насчитывается до 350 тысячъ человѣкъ; они хотя и живутъ рядомъ съ таджиками и сартами, однако мало сближаются съ ними и уклоняются отъ вступленія съ ними въ бракъ.

Религію узбеки исповѣдуютъ магометанскую; они фанатики, и фанатизмъ ихъ поддерживается проповѣдями хаджей и муллъ. Образованіе между узбеками весьма слабо распространено; очень немногіе изъ нихъ умѣютъ читать и писать.

Узбеки, по наблюденію путешественниковъ, имѣютъ и хорошія, и дурныя черты въ своемъ характерѣ. Они честны, искренни, но вмѣстѣ съ тѣмъ жестоки и мстительны.

Съ древнихъ временъ узбеки раздѣляются на племена и роды, изъ которыхъ болѣе извѣстны кипчаки, джузы, карабчи, кырки и др. Узбеки, относящіеся къ знатному роду, гордятся своимъ происхожденіемъ, стараются сохранить родовые обычаи и преданія и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относятся къ менѣе знатнымъ родамъ. Узбекъ знатнаго рода рѣдко рѣшится выдать свою дочь за жениха низшаго рода. Точно также и женихъ изъ знатнаго рода постарается найти себѣ невѣсту изъ такого же рода. При заключеніи брака у нихъ немаловажную роль играетъ и величина калыма, который, впрочемъ, не составляетъ необходимой принадлежности брака. Неимущіе обыкновенно не уплачиваютъ калыма. Случается, что лица, находящіяся между собою въ дружественныхъ отношеніяхъ, соглашаются безъ уплаты калыма сочетать бракомъ своихъ дѣтей, когда они придутъ въ надлежащій возрастъ. Женихъ въ такомъ случаѣ имѣетъ право отказаться отъ предназначенной ему еще въ дѣтствѣ невѣсты.

При свадьбѣ соблюдаются слѣдующіе обряды. Женихъ посылаетъ въ семейство своей невѣсты сватовъ. Получивъ согласіе родителей невѣсты, онъ, по обычаю, не долженъ видѣться ни съ отцомъ невѣсты, ни съ матерью ея и даже долженъ избѣгать встрѣчи съ ними; если же нечаянно встрѣтится съ ними, то обязанъ, чтобы не нарушить приличія, закрыться халатомъ и отворотиться, т.-е. сдѣлать то же, что дѣлаютъ женщины-мусульманки при встрѣчѣ съ мужчинами.

Женихъ и его родители одариваютъ невѣсту и ея родныхъ. Для подарковъ служитъ все, что можетъ пригодиться невѣстѣ или ея роднымъ, именно: платки, гребенки, ленты, матеріи, лакомство и съѣстные припасы—мясо, сало, рисъ, хлѣбъ и т. п. Стоимость всѣхъ подарковъ тщательно запоминается обѣими сторонами, дабы, если бракъ не состоится, дарившіе имѣли возможность потребовать обратно свои подарки.

День совершенія брака, или „ломанія лепешки", какъ выражаются узбеки, назначается родителями жениха и невѣсты. Бракъ совершается въ саклѣ отца невѣсты. Сначала перечисляются подарки, данные невѣстѣ, и калымъ, уплаченный за нее, затѣмъ мулла прочитываетъ надъ чашкой съ водой молитву. При чтеніи молитвы присутствуютъ женихъ, родители брачущихся и старики; невѣсты не бываетъ; вмѣсто нея присутствуетъ ея повѣренный. Послѣ молитвы начинается пированіе, при чемъ гости и родные ѣдятъ, поютъ, пляшутъ. Мужчины пируютъ отдѣльно отъ женщинъ. Послѣ угощенія женихъ и его друзья идутъ въ саклю, гдѣ угощаются невѣста, ея подруги и родственницы. Навстрѣчу имъ выходятъ женщины. Послѣднія стараются отбить жениха. Когда имъ удастся овладѣть женихомъ, одна изъ нихъ беретъ его голову себѣ подъ мышку и тащитъ его къ молодой. Прочія женщины сопровождаютъ ихъ, а мужчины, лишившись молодого, уходятъ въ свою саклю, гдѣ продолжаютъ пировать. Молодой угощаетъ женщинъ лакомствами, а тѣ развлекаютъ его веселымъ разговоромъ и шутками.

На второй или третій день послѣ заключенія брака молодая переселяется въ саклю мужа, при чемъ ее сопровождаютъ ея подруги. Случается, что мужъ, не имѣя возможности обзавестись своимъ хозяйствомъ, остается въ саклѣ родителей жены до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтетъ такого состоянія, которое дало бы ему возможность жить своимъ хозяйствомъ.

Узбеки, какъ магометане, могутъ имѣть болѣе одной жены. Если узбекъ имѣетъ нѣсколько женъ, то держитъ ихъ обыкновенно въ особыхъ помѣщеніяхъ; въ противномъ случаѣ между ними происходили бы постоянныя ссоры и драки.

Воспитаніе дѣтей не требуетъ особенныхъ заботъ или хлопотъ отъ родителей. Дѣти растутъ на свободѣ и сами собою, наблюдая за жизнью и дѣятельностью взрослыхъ, научаются тому, что нужно знать каждому узбеку.

Въ сынѣ или дочери цѣнится не столько красота, умъ, находчивость, сколько физическая сила, необходимая для выполненія работъ. Когда сынъ настолько укрѣпится, что можетъ быть помощникомъ отцу, на него начинаютъ обращать вниманіе, какъ на рабочую силу. Смотря на ребенка, какъ на будущаго помощника въ работѣ, отецъ, естественно, бываетъ болѣе доволенъ рожденіемъ сына, чѣмъ дочери.

Женатые сыновья обыкновенно отдѣляются отъ отца и составляютъ особыя семейства; но случается въ нѣкоторыхъ родахъ, что всѣ сыновья съ ихъ женами остаются при отцѣ, ведутъ общее хозяйство и питаются изъ общаго котла.

Занятія узбековъ обусловливаются мѣстожительствомъ и образомъ ихъ жизни. Осѣдлые узбеки, живущіе въ кишлакахъ, занимаются земледѣліемъ и вообще сельскимъ хозяйствомъ; живущіе въ городахъ нанимаются въ услуженіе къ сартамъ или принимаются за ремесла. Кочевые узбеки занимаются скотоводствомъ.

Нужно замѣтить, что у узбековъ, какъ и у другихъ народовъ, находящихся на низшей ступени цивилизаціи, большая часть работъ по домашнему хозяйству взвалена на женщинъ: онѣ собираютъ топливо, прядутъ нитки, заготовляютъ одежду для всей семьи, выдѣлываютъ овчину и т. п. Даже полевыя работы въ значительной мѣрѣ исполняются ими: онѣ не только жнутъ или свозятъ снопы съ поля, но также иногда пашутъ и обработываютъ сады. Забота о прокормленіи семьи лежитъ тоже болѣе на женѣ, чѣмъ на мужѣ. Нерѣдко узбечка несетъ на базаръ какое-нибудь свое издѣліе и на вырученныя отъ продажи деньги покупаетъ хлѣбъ или мясо для семьи.

Узбеки отличные наѣздники и любятъ лошадей. Не менѣе того они любятъ и даже почитаютъ собакъ. „Если вы, говоритъ Гельвальдъ, спросите узбека: не продастъ ли онъ свою жену? то это нисколько не оскорбитъ его; но вы нанесете ему кровавую обиду вопросомъ: не продастъ ли онъ свою собаку? Выраженіе: „торгующій собаками" служитъ самымъ браннымъ у узбековъ."

Увеселенія узбековъ состоятъ въ конскихъ скачкахъ, борьбѣ и другихъ состязаніяхъ. Побѣдитель на этихъ состязаніяхъ получаетъ награду. Нечужды имъ поэзія и музыка. Они имѣютъ своихъ разсказчиковъ и пѣвцовъ. Музыкальными инструментами у нихъ служатъ *дютара* (двухструнная гитара) и *кобоза* (лютня). Игрой на этихъ инструментахъ они сопровождаютъ свои пѣсни и пляски.

V.

ТУРКМЕНЫ.

Туркмены живутъ между Каспійскимъ моремъ и рѣкою Аму-Дарьей. Пространство это только по берегамъ рѣкъ (Атреку, Мургабу, Аму-Дарьѣ и друг.) представляетъ удобства для осѣдлой жизни и занятія земледѣліемъ; остальныя же мѣста неудобны для осѣдлой жизни и земледѣлія: они состоятъ изъ степей, большею частью песчаныхъ, и солончаковъ, лишенныхъ прѣсной воды. Туркмены до такой степени свыклись съ своею степью, что испытываютъ чувство стѣсненія среди лѣса или горъ, лишающихъ ихъ возможности свободно скакать на своихъ быстрыхъ коняхъ и озирать безпредѣльную ширь.

Туркмены—турецко-татарскаго происхожденія, что показываетъ уже и самое ихъ названіе. Названіе Туркмены или Тюркмены состоитъ изъ собственнаго имени *„Тюркъ“* и суффикса *„менъ“*.

Туркмены, благодаря своей изолированности отъ другихъ народовъ, въ большой степени сохранили языкъ и наружный видъ того племени, отъ котораго происходятъ. Только тѣ изъ туркменовъ, которые живутъ по сосѣдству съ персами, смѣшались съ послѣдними и потеряли свои племенныя черты.

Туркмены имѣютъ косолежащіе блестящіе глаза, рѣзко очерченный носъ, мало выдавшіяся скулы, черную, рѣдкую бороду и коротко остриженные черные волосы. Цвѣтъ лица ихъ желтовато-бурый. Видъ и осанка ихъ выражаютъ смѣлость и сознаніе своей силы. Туркменки не уступаютъ туркменамъ въ красотѣ и стройности.

Одеждой туркменовъ служитъ цвѣтной халатъ; голову они покрываютъ мохнатой бараньей шапкой, которая нерѣдко во время сна служитъ подушкой. На ногахъ—ичиги или сапоги. Одежда женщинъ похожа на мужскую, съ тою только разницею, что голову онѣ покрываютъ не шапкой, а шалью. Если женщина хочетъ принарядиться, она опоясывается большою шалью, концы которой спускаются внизъ; на плечи надѣваетъ кофту, въ косу вплетаетъ ленту, ноги обуваетъ въ желтые или красные сапоги. Кромѣ того, она украшаетъ себя серьгами, кольцами и побрякушками, которыя при движеніи издаютъ звукъ, очень нравящійся туркменамъ. Туркменскія женщины не прячутъ своего лица подъ покрывало, какъ другія магометанки. „Куда намъ, бѣднымъ жительницамъ степей,—говорятъ онѣ,—сообразоваться съ городскими обычаями“.

Туркмены раздѣляются на нѣсколько племенъ (хальковъ), каковы, напр., племена: Текке, Іомуды, Эрзари, Солори, Сарыки и друг. Племена раздѣляются на роды, а послѣдніе—на семьи. Между членами одного и того же племени или рода всегда замѣчалась тѣсная связь: за обиду, нанесенную одному члену рода или племени, обыкновенно мстилъ весь родъ.

Всѣхъ туркменовъ насчитываютъ до милліона человѣкъ. Наибольшая часть ихъ живетъ въ юго-западной части Туранской низменности, на треугольникѣ, вершинами котораго служатъ на сѣверѣ заливъ Кара-Бугазъ, на востокѣ — верховье рѣки Атрека и на западѣ — устье рѣки Гюргеня, впадающей въ Каспійское море.

Значительная часть туркменовъ, именно тѣ, которые поселились на удобныхъ для осѣдлой жизни земляхъ, перешли уже къ осѣдлому образу жизни; остальные же, именно всѣ тѣ, которые живутъ въ степяхъ, неудобныхъ для земледѣлія, ведутъ еще кочевой или полукочевой образъ жизни.

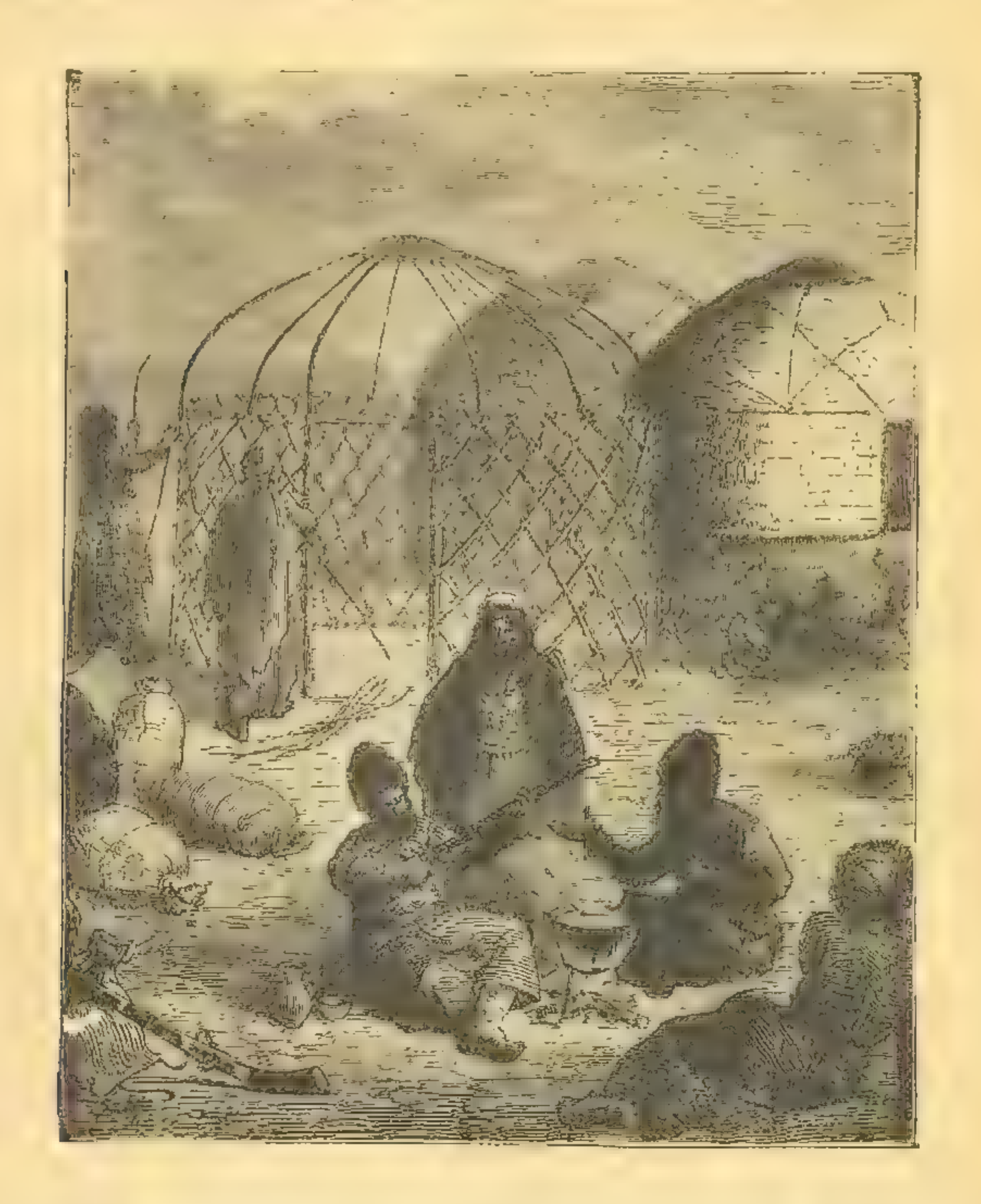

Жилищемъ для туркменовъ служитъ войлочная палатка или юрта. Палатки зажиточныхъ туркменовъ бываютъ устланы коврами; но вообще онѣ рѣдко бываютъ чисты и опрятны. Нѣкоторые туркмены имѣютъ запасную палатку для пріема гостей; она обыкновенно бываетъ обтянута болѣе цѣнной бѣлой или цвѣтной кошмой и содержится чище. Осѣдлые туркмены обзаводятся глиняными саклями или деревянными хижинами.

Туркмены исповѣдуютъ магометанскую религію суннитскаго толка. Муллы пользуются у нихъ почетомъ. Къ кому бы ни пришелъ мулла, онъ желанный гость. Умные муллы, обладающіе краснорѣчіемъ, нерѣдко пріобрѣтаютъ въ народѣ особенное вліяніе. Ихъ называютъ „ишанами“, т.-е. избранными и излюбленными Богомъ людьми, которымъ все удается.

Нѣкоторые муллы обучаютъ дѣтей религіи и чтенію въ открытыхъ ими школахъ. Мулла пишетъ на грифельной доскѣ урокъ и заставляетъ ученика выучить его. Когда урокъ выученъ, мулла выслушиваетъ его, пишетъ дальше и снова приказываетъ ученику выучить написанное. Дѣти учатся въ школѣ обыкновенно до 10—12-лѣтняго возраста, а затѣмъ становятся помощниками отцу или матери.

Силой, опредѣляющей поведеніе туркменовъ, отношенія ихъ между собою и къ иноплеменникамъ, служитъ не столько требованіе корана или ихъ правителей, сколько обычай (адатъ). Ни одинъ туркменъ не рѣшится нарушить требованіе обычая. Нарушеніе его влечетъ за собою негодованіе и даже презрѣніе сородичей. Такимъ образомъ обычай имѣетъ у нихъ силу закона и ограничиваетъ произволъ ихъ.

Однимъ изъ такихъ обычаевъ служитъ обычай гостепріимства. Кто бы ни былъ гость, но пока онъ въ палаткѣ туркмена, онъ въ безопасности. Хозяинъ не только накормитъ его и дастъ ему мѣсто для отдыха, но и защититъ его отъ обидъ со стороны другихъ лицъ. За обиду, нанесенную гостю, хозяинъ мститъ, какъ за обиду, нанесенную члену семьи.

Месть въ прежнее время признавалась священнымъ долгомъ. За убійство обычай требовалъ смерти убійцы; за незначительное поврежденіе члена виновный подвергался такому же поврежденію. Если мстящій соглашался, онъ могъ получить за обиду выкупъ. За убійство полагался выкупъ въ тысячу тиллъ, или 2500 руб., за повреж-

деніе руки или ноги взыскивалось 500 тиллъ. Если виновный скрылся, между тѣмъ всѣ улики въ его преступленіи были налицо, истецъ обращался съ жалобой къ старшинамъ, по опредѣленію которыхъ родственники виновнаго вознаграждали истца; если же онъ не успѣлъ скрыться, обиженный, не прибѣгая къ суду, самъ старался отомстить ему, причинивши соотвѣтственное зло.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ русскихъ, обычай мести значительно ослабѣлъ; но все-таки онъ еще иногда проявляется.

Въ прежнее время разбои, грабежи и нападенія на сосѣдей не только не считались у туркменовъ преступленіями, но, напротивъ, признавались доблестными подвигами; отсюда происходило, что они постоянно вели борьбу то съ сосѣдями, то между собою. Завидѣвъ гдѣ-нибудь купеческій караванъ, или чужихъ верблюдовъ и лошадей, туркмены дѣлали засаду, чтобы овладѣть тѣмъ или другимъ. На напавшихъ возставалъ сосѣдній аулъ, къ нему присоединялся родъ, и такимъ образомъ шла безконечная вражда между родами и племенами. Если же не было вражды между родами, то они нападали на сосѣднія государства, грабили и уводили людей въ плѣнъ. Плѣнныхъ они продавали въ рабство бухарцамъ или хивинцамъ, или же держали у себя, принуждая къ тяжелой работѣ и поджидая, пока родственники не выкупятъ ихъ.

Въ настоящее время, когда большая часть туркменовъ вошла въ составъ Русскаго государства, для нихъ прекращена возможность безнаказанно грабить и нападать на сосѣдей и продавать плѣнныхъ въ рабство.

Постоянныя войны сдѣлали туркменовъ храбрыми и отважными: въ храбрости и отвагѣ съ ними не можетъ сравниться ни одинъ средне-азіатскій народъ.

Отличаясь жестокостью и вѣроломствомъ на войнѣ, туркмены проявляютъ честность по отношенію къ своимъ близкимъ въ мирное время. У нихъ, напр., не заимодавецъ, а должникъ хранитъ у себя расписку въ полученіи занятой суммы, для того, чтобы помнить, какую сумму онъ долженъ возвратить заимодавцу.

Народная поэзія — эта выразительница народныхъ идеаловъ и стремленій — довольно богата у туркменовъ. По вечерамъ, особенно въ зимнее время, они любятъ слушать разсказы о быломъ. Иногда въ группѣ туркменовъ можно видѣть пѣвца, который подъ аккомпаниментъ дютары (двухструннаго инструмента) поетъ пѣсни. Въ пѣсняхъ этихъ большею частью разсказывается о военныхъ подвигахъ и набѣгахъ храбрыхъ предковъ. Понятно, что эти пѣсни воодушевляютъ молодыхъ туркменовъ и возбуждаютъ въ нихъ желаніе прославиться такими же подвигами.

Грамотность между туркменами мало распространена: не многіе изъ нихъ умѣютъ читать коранъ; но они и не заботятся о томъ, чтобы научить своихъ дѣтей грамотѣ. Главная ихъ забота при воспитаніи дѣтей сводится къ тому, чтобы сдѣлать ихъ храбрыми, сильными членами рода, умѣющими управлять конемъ и исполнять ту работу, которая кормитъ семью.

Занятіе осѣдлыхъ туркменовъ состоитъ въ земледѣліи; прибрежные занимаются рыболовствомъ и добываніемъ соли, а нѣкоторые изъ нихъ — торговлей. Женщины приготовляютъ пищу, выдѣлываютъ ковры, кошмы и шелковыя издѣлія.

Главное занятіе кочевыхъ туркменовъ состоитъ въ скотоводствѣ, при чемъ они разводятъ лошадей, верблюдовъ и овецъ. Наиболѣе любимымъ ими животнымъ служитъ лошадь. Туркменская лошадь красива, быстро бѣжитъ и вынослива. Уходъ за нею составляетъ главное занятіе туркмена-кочевника, свалившаго большую часть работъ по хозяйству на женщинъ. Нужно замѣтить, что у туркменовъ, какъ и у

другихъ инородцевъ, стоящихъ на низшей ступени цивилизаціи, почти всѣ домашнія работы выполняются женщинами. По ихъ убѣжденію, мужчинѣ неприлично заниматься какимъ-либо домашнимъ дѣломъ. Если туркменъ не имѣетъ работы внѣ палатки, то, досмотрѣвъ своихъ лошадей, отправляется къ знакомымъ, или присоединяется къ группѣ сородичей, сидящихъ на землѣ передъ палаткою и проводящихъ время въ разговорѣ и слушаніи разсказовъ о старинѣ.

Пищей туркменовъ служитъ мясо домашнихъ животныхъ (лошадей, верблюдовъ, ословъ и барановъ), рыба и хлѣбъ. Пилавъ служитъ у нихъ лакомымъ блюдомъ. Такимъ же блюдомъ служитъ шура—родъ супа съ бараньимъ мясомъ, солью и перцемъ. Напиткомъ служитъ кумысъ, кислое овечье молоко и иногда чай безъ сахара; хмельныхъ напитковъ не употребляютъ, и пьяныхъ между ними нельзя встрѣтить.

Кушанья подаются въ деревянныхъ чашкахъ. Ѣдятъ молча, мужчины отдѣльно отъ женщинъ.

Туркмены устраиваютъ по поводу важныхъ въ своей жизни событій игры, на которыхъ главную роль играетъ проявленіе силы и ловкости. Изъ такихъ игръ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующая, устраиваемая при бракѣ. Невѣста, сидя на отличномъ бѣгунцѣ, беретъ черезъ сѣдло ягненка или козленка и пускается во весь галопъ; за нею верхомъ гонятся женихъ и его друзья. Она ловкими поворотами избѣгаетъ преслѣдованій и не даетъ ни одному изъ нихъ возможности приблизиться настолько, чтобы схватить ягненка. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эта игра бываетъ и у другихъ среднеазіатскихъ инородцевъ.

По смерти любимаго въ семьѣ человѣка, туркмены правятъ поминки, при чемъ ежедневно въ часъ его смерти члены семьи голосятъ. Имъ иногда вторятъ нанятые плакальщики. Во время плача они продолжаютъ свои обычныя занятія, такъ что женщины, напр., ткутъ коверъ, а мужчины чистятъ лошадей, и при этомъ тѣ и другіе голосятъ. На могилѣ знатнаго туркмена набрасываютъ большой холмъ, для чего каждый изъ присутствующихъ при погребеніи обязанъ бросить не менѣе семи горстей или корзинъ земли. Такіе холмы нерѣдко встрѣчаются въ Туркменскихъ степяхъ.

VI.

ДУНГАНЕ.

Дунгане въ числѣ около 25 тысячъ человѣкъ вышли изъ Китайскихъ владѣній и поселились въ Семирѣченской, Сыръ-Дарьинской и Ферганской областяхъ. Возлѣ русскихъ городовъ они построили особыя слободы, обыкновенно называемыя „дунганскими городками". „Городки" эти состоятъ изъ одноэтажныхъ глиняныхъ сакель съ маленькими окнами, обращенными на дворъ. Крыша сакель большею частью плоская. Между саклями выдѣляется мечеть; она больше сакель и носитъ на себѣ отпечатокъ китайскаго стиля, чѣмъ отличается отъ мечетей прочихъ магометанскихъ народовъ. Улицы „городковъ" обыкновенно широки и чисты; онѣ немноголюдны и поражаютъ тишиной. Внутри сакель обыкновенно бываетъ чисто и опрятно. Полъ въ нихъ глиняный, по стѣнамъ устраиваются полки и ниши для склада имущества. Сакля обыкновенно раздѣляется на два отдѣленія — общую и женскую.

Внѣшній видъ дунганъ носитъ отпечатокъ монгольскаго типа. Цвѣтъ лица ихъ желтый. Они, подобно китайцамъ, бреютъ голову, оставляя на макушкѣ длинную косу. Если собственная коса коротка, то дунганъ припѣпляетъ къ ней шелковую косу. Дернуть за косу дунгана значитъ нанести ему большое оскорбленіе. Тѣлосложеніе дунганъ крѣпче и мускулистѣе, чѣмъ китайцевъ. Ростъ ихъ довольно высокій, осанка величавая, мужественная. Во время работы дунгане большею частью сосредоточены, даже угрюмы; они рѣдко улыбаются, а еще рѣже смѣются.

Одежда дунганъ состоитъ изъ короткой куртки безъ рукавовъ, называемой „курмой", и холщевыхъ шароваръ. Обувью обыкновенно служатъ чулки и туфли. На головѣ носятъ ермолку темнаго цвѣта; ермолка бѣлаго цвѣта означаетъ трауръ. Сверхъ ермолки надѣваютъ, смотря по времени года, войлочную или большую соломенную шляпу. Верхнюю одежду составляетъ халатъ. Одежда женщинъ длиннѣе, чѣмъ мужчинъ; къ тому же женщины любятъ украшать себя кольцами, серьгами и браслетами. Преобладающій цвѣтъ одежды дунганъ — синій. По этому цвѣту одежды, да по длинной косѣ отличаютъ дунганъ отъ другихъ народовъ, встрѣчающихся въ среднеазіатскихъ городахъ.

Дунгане трудолюбивы. Они занимаются хлѣбопашествомъ, при чемъ сѣютъ рисъ, просо, кукурузу и пшеницу. Кромѣ того, они очень успѣшно занимаются огородничествомъ и садоводствомъ. Многіе изъ нихъ занимаются ремеслами и торговлей; они изготовляютъ металлическія издѣлія, шьютъ обувь, дѣлаютъ посуду и вѣера и раскрашиваютъ ихъ причудливыми изображеніями птицъ, животныхъ и другими картинами. Картины дунганъ, какъ и китайцевъ, отличаются яркостью красокъ и отсутствіемъ перспективы. Такими картинами они нерѣдко украшаютъ свои жилища и даже устраиваютъ изъ нихъ панорамы для показыванія за деньги.

Женщины у дунганъ исполняютъ домашнія работы: приготовляютъ пищу, ухаживаютъ за домашними птицами и животными и смотрятъ за огородами.

Дунгане трудолюбивы; у нихъ всѣ работаютъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ не въ состояніи работать, его прокармливаютъ родственники или знакомые. Отсюда и происходитъ, что въ дунганскихъ „городкахъ“ не замѣчается нищихъ.

151

Дунгане исповѣдуютъ магометанскую религію. Они строго соблюдаютъ постъ и религіозные обряды, но менѣе фанатичны, чѣмъ другіе народы, исповѣдующіе ту же религію. Муллы хотя и пользуются у нихъ почетомъ, но не имѣютъ сильнаго вліянія на ихъ дѣла.

Начальное образованіе у дунганъ, какъ и у китайцевъ, значительно распространено. Почти всѣ дѣти обучаются въ школахъ подъ руководствомъ муллъ. Мальчики обучаются отдѣльно отъ дѣвочекъ. Кругъ школьныхъ занятій ихъ узокъ. Грамота у нихъ китайская.

Дунгане имѣютъ своихъ докторовъ, которые подготовляются къ своей профессіи въ Китаѣ.

дунгане честны; у нихъ рѣдко случается воровство. Кромѣ того, они тверды и настойчивы. Разъ дунганъ задумалъ что-нибудь сдѣлать, онъ свое намѣреніе доведетъ до исполненія. Далѣе, они выносливы и терпѣливо переносятъ случающіяся физическія страданія.

Кромѣ названныхъ хорошихъ чертъ, въ характерѣ дунганъ замѣчаются и нехорошія черты. Такъ, они мстительны и раздражительны. Если дунганъ въ яростномъ гнѣвѣ выпулъ ножъ, онъ навѣрно пуститъ его въ ходъ. Къ иностранцамъ

дунгане относятся недовѣрчиво и несообщительны съ ними; мало сближаются и съ русскими, хотя съ уваженіемъ относятся къ нимъ. Къ китайцамъ относятся съ враждебною ненавистью. Такая ненависть сложилась исторически, вслѣдствіе притѣсненій со стороны китайцевъ, когда дунгане находились въ зависимости отъ нихъ.

Дунгане живутъ большими семьями и неохотно выдѣляютъ дѣтей. Къ старшимъ, особенно къ родителямъ, они относятся съ полнымъ уваженіемъ. За неповиновеніе родительской власти виновный строго наказывается.

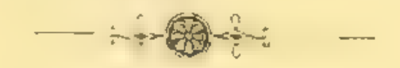
Высшее управленіе дунганами лежитъ на обязанности русскихъ властей; ближайшее же управленіе ими возложено на выборныхъ старшинъ и судей (казіевъ). 153 Эти послѣдніе налагаютъ наказаніе за неважные проступки, въ которыхъ не замѣшаны русскіе. При наложеніи наказаній они руководствуются обычаемъ. Обычай допускаетъ тѣлесное наказаніе, которое иногда и примѣняется. Примѣняется еще и такое наказаніе: виновнаго, а иногда и цѣлое виновное семейство садятъ въ яму, которая имѣетъ въ глубину сажени полторы и сверху покрывается навѣсомъ такъ, что свѣтъ проникаетъ въ нее съ трудомъ. Пищи даютъ заключеннымъ въ умѣренномъ количествѣ. Наказываютъ виновныхъ также и денежнымъ штрафомъ.

Бракъ у дунганъ совершается послѣ уплаты за невѣсту калыма. Мужчины моложе 18, а женщины моложе 15 лѣтъ не вступаютъ въ бракъ. Старость не служитъ препятствіемъ къ вступленію въ бракъ. Близкое родство служитъ препятствіемъ къ браку. Бракъ совершается муллой, который прочитываетъ установленную молитву. Послѣ брака родные одариваютъ новобрачныхъ. Многоженство допускается у дунганъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по двѣ и даже по три жены.

Покойниковъ дунгане зарываютъ въ землю, при чемъ мулла читаетъ установленныя молитвы. По смерти близкаго родственника полагается трауръ, который продолжается 40 дней. Наружнымъ признакомъ траура служитъ бѣлый халатъ и бѣлая ермолка. Женщины въ знакъ траура носятъ на головѣ что-нибудь бѣлое и подолъ платья обшиваютъ бѣлою тесьмой.

Дунгане любятъ играть въ кости. Кости, употребляющіяся при игрѣ, бываютъ до четверти аршина длины и около дюйма ширины. Одна сторона ихъ бываетъ окрашена въ красный цвѣтъ, а на другой разрисованы условные знаки. Игра въ кости нерѣдко становится азартной.

Пищей дунганъ служатъ плоды, мясо и хлѣбъ. Чаще всего подается лапша и „джусай", приготовляемый изъ муки, мяса и яицъ. Ѣдятъ обыкновенно два раза въ день. Чай пьютъ не менѣе китайцевъ. Отъ водки отказываются, но въ праздникъ иногда пьютъ опьяняющій напитокъ „джюнъ", приготовляемый изъ проса и подаваемый подогрѣтымъ. Опьянѣвши отъ излишне выпитаго „джюна", дунгане поднимаютъ ссору, которая нерѣдко оканчивается дракой. Опіума и табаку дунгане не употребляютъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ добываютъ опіумъ, но не для своего употребленія, а для сбыта китайцамъ.

VII.

ТАРАНЧИ.

Таранчи—народъ монгольскаго племени; они, подобно дунганамъ, перешли, въ числѣ 40 тысячъ человѣкъ, изъ китайскихъ владѣній и поселились въ Семирѣченской области. Цвѣтъ ихъ лица желтый, лицо продолговатое, глаза прямые, узкіе, большею частью черные, уши оттопыренныя, носъ длинный, въ большинствѣ случаевъ широкій и приплюснутый въ срединѣ; волосы на головѣ и бровяхъ черные, густые; голову бреютъ, но усы и бороду носятъ; борода большею частью рѣдкая. Женщины носятъ длинные волосы, заплетая ихъ, дѣвушки—въ нѣсколько, а замужнія, не имѣющія дѣтей—въ одну, имѣющія же ихъ—въ двѣ косы.

Тѣлосложеніе ихъ слабѣе, чѣмъ дунганъ; мускулы ихъ вялы. Роста они средняго или ниже средняго; руки ихъ, сравнительно съ вышиною тѣла, длинны, а ноги коротки. Изъ внѣшнихъ чувствъ у нихъ лучше другихъ развиты зрѣніе и слухъ.

Таранчи живутъ въ глиняныхъ сакляхъ, не отличающихся чистотой. Въ стѣнахъ сакли вдѣланы ниши и полки, а посрединѣ—углубленіе для очага; въ немъ зимою постоянно горитъ каменный уголь. Сидятъ и спятъ таранчи большею частью на полу, подкладывая войлоки или сѣнники и круглыя подушки, набитыя шерстью или ватою. При сакляхъ устраиваются сады и огороды; чрезъ дворъ нерѣдко проходитъ канавка (арыкъ) съ проточной водой, служащей для поливки огородовъ и для домашняго употребленія. Вода въ этихъ арыкахъ большею частью бываетъ нечиста.

Одежда таранчинцевъ похожа на одежду дунганъ, т.-е. состоитъ изъ рубашки, шароваръ и халата, а зимою тулупа; на ноги надѣваютъ ичиги, а зимою—теплые сапоги; на голову, сверхъ тюбетейки, надѣваютъ мѣховую шапку. Женщины любятъ наряжаться, при чемъ подкрашиваютъ брови и ногти. Выходя на улицу, нѣкоторыя изъ нихъ закрываютъ лицо бѣлою, легкою тканью.

Таранчи исповѣдуютъ магометанскую религію, суннитскаго толка. Муллы пользуются у нихъ огромнымъ вліяніемъ. Установленный религіей постъ соблюдается строго, при чемъ отъ поста освобождаются только старики, малолѣтніе и больные.

Грамотность у нихъ распространена настолько же, какъ и у дунганъ. Они, подобно послѣднимъ, трудолюбивы, терпѣливы, трезвы и довольно честны. Любятъ они музыку, пѣніе и танцы.

Таранчи занимаются преимущественно земледѣліемъ, при чемъ сѣютъ пшеницу, просо, овесъ и кукурузу; на огородахъ они разводятъ огурцы и другіе овощи; на

бахчахъ разводятъ дыни и арбузы. По окончаніи полевыхъ работъ они занимаются охотой и торговлей, а нѣкоторые принимаются за ремесла—плотничное, кузнечное и другія. Занимаются также рытьемъ арыковъ и извозомъ. Для перевозки тяжести они употребляютъ арбы, въ которыя впрягаютъ воловъ или лошадей; ѣздятъ также на ишакахъ. Домашнія работы производятся преимущественно женщинами: онѣ прядутъ шерсть, ткутъ ковры, носятъ воду, ухаживаютъ за огородами и т. п.

Преобладающая пища таранчинцевъ — растительная; они питаются лапшой, мучными лепешками, плодами и овощами. Мясо ѣдятъ не болѣе одного раза въ недѣлю. Напиткомъ служитъ чай съ солью и молокомъ: утромъ пьютъ чай съ пшеничными лепешками, которыя обыкновенно бросаютъ въ чашку съ чаемъ. Пить холодную воду избѣгаютъ, замѣняя ее чаемъ. Табаку они не курятъ, но многіе изъ нихъ его нюхаютъ или кладутъ за щеки.

Бракъ совершается у нихъ при такихъ же обрядахъ, какъ и у сартовъ и дунганъ. Бракъ между близкими родственниками запрещенъ; разводъ совершается очень легко.

Молодая обязана въ продолженіе года послѣ свадьбы ежедневно бывать у своихъ родителей, и первыя роды должны совершиться у нихъ въ саклѣ. При родахъ бываютъ только женщины, которыя оказываютъ рождающей помощь. При тяжелыхъ родахъ кто-либо изъ близкихъ родныхъ взлѣзаетъ на крышу, стучитъ и спрашиваетъ: „принесла ли женщина?“ Снизу отвѣчаютъ: „Богъ далъ“, хотя въ дѣйствительности никто еще не родился; это дѣлается съ цѣлью ободрить рождающую. Иногда при трудныхъ родахъ мулла пишетъ на краю чашки стихъ изъ корана, наливаетъ въ нее чаю и этотъ чай даетъ рождающей. Женщину, умершую во время родовъ, почитаютъ за безгрѣшную Новорожденнаго купаютъ въ теплой водѣ, при чемъ въ корытце бросаютъ золотыя и серебряныя украшенія и кольца. Новорожденныхъ не пеленаютъ, а завертываютъ въ тряпки и кладутъ въ узкую колыбель, поверхъ которой обвертываютъ бинтомъ, такъ что ребенокъ не можетъ выпасть.

О рожденіи ребенка чрезъ посланнаго извѣщаютъ родственниковъ и знакомыхъ. Если кто изъ нихъ спроситъ: сынъ или дочь родилась, то посланный отвѣчаетъ: „волкъ“, если родился сынъ, и „лисица“, если родилась дочь. Родственники и знакомые поздравляютъ отца. Поздравленія принимаются только въ первые два дня послѣ рожденія; на третій день мулла даетъ новорожденному имя. Мать кормитъ своего ребенка до трехъ лѣтъ.

Съ семи лѣтъ мальчики и дѣвочки начинаютъ посѣщать школу, въ которой обучаетъ мулла. Приведши сына въ школу, отецъ обыкновенно, подобно тому, какъ и у киргизовъ, говоритъ муллѣ: „кости мои, а мясо твое“, разрѣшая этимъ наказывать мальчика, сколько ему заблагоразсудится, лишь бы не повредилъ его костей. Въ школѣ дѣти обучаются чтенію, письму, счету и молитвамъ; тутъ же мулла наставляетъ ихъ въ правилахъ житейской мудрости и честности.

Отъ дѣтей требуется безусловное повиновеніе старшимъ, особенно родителямъ. Каждый молодой человѣкъ за неповиновеніе старшимъ или родителямъ строго наказывается судьями. Кромѣ того, отецъ, по обычаю, имѣетъ право лишить своего сына, замѣченнаго въ неповиновеніи, участія въ наслѣдствѣ не только благопріобрѣтеннымъ, но и родовымъ имуществомъ.

Послѣ смерти таранчинца, тѣло его обвертываютъ въ три ряда тонкою бѣлою матеріею, при чемъ лицо оставляютъ открытымъ Духовное лицо на крышѣ читаетъ молитву и тѣмъ даетъ знать родственникамъ и знакомымъ, что въ саклѣ покойникъ. Собираются родственники и плачутъ. Хоронятъ безъ гробовъ. Покойника выносятъ въ закрытыхъ сверху и сбоковъ носилкахъ. Въ могилѣ дѣлаютъ нишу, куда кладутъ покойника. Нишу закладываютъ кирпичомъ, а могилу засыпаютъ землею.

На третій, седьмой и сороковой день и чрезъ годъ послѣ смерти совершаются поминки, при чемъ угощаютъ знакомыхъ и родственниковъ; мулла читаетъ на могилѣ молитвы.

По смерти близкихъ родственниковъ носятъ трауръ, при чемъ мужчины не бреютъ головы и носятъ бѣлую ермолку и чалму, а женщины снимаютъ съ себя всѣ украшенія и обшиваютъ верхъ шапочки бѣлой тесьмой.

Къ русскимъ таранчи относятся подобострастно, даже униженно. Нѣкоторые изъ нихъ вступаютъ въ военную службу и несутъ ее безупречно.

1) П. ПОЛЕВОЙ. **Учебникъ по Русской Исторіи въ очеркахъ и біографіяхъ съ картами и портретами въ текстѣ, для городскихъ училищъ.** Ц. 40 к.

2) П. ПОЛЕВОЙ. **Учебная Русская Хрестоматія** съ толкованіями, въ трехъ частяхъ *1-я часть*—50 к., *2-я часть*—70 к. и *3-я часть*—75 к. б) **Методическая Русская Грамматика** Ц. 40 коп.

3) Прот. ПѢВЦОВЪ: а) **Евангельскіе разсказы съ большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ.** Ц. 50 к. б) **Священная Исторія Ветхаго Завѣта, съ картинами и картами въ текстѣ.** Ц. 50 к. и в) **Священная Исторія Новаго Завѣта, съ картинами и картами въ текстѣ.** Ц. 40 к.

4) А. ПАВЛОВЪ. **Городская Школа.** Книга для классначо чтенія, съ матеріаломъ для письменныхъ упражненій и съ картинами въ текстѣ, примѣненная къ обученію родному языку въ городскихъ училищахъ, въ двухъ частяхъ: *Часть первая* — Первый годъ обученія. Ц. 30 к. *Часть вторая*—Второй годъ обученія. Ц. 45 к.

5) А. ПАВЛОВЪ. **Городская школа.** Русская хрестоматія, съ матеріаломъ для письменныхъ упражненій, съ картинами въ текстѣ: а) Третій и четвертый годъ обученія. Ц. 75 к. б) Пятый и шестой годъ обученія въ городскихъ училищахъ.

6) А. ПАВЛОВЪ. **Біографіи русскихъ образцовыхъ писателей,** съ портретами. Учебное пособіе для городскихъ училищъ. Ц. 25 к.

7) А. БАРАНОВЪ: а) **Наше Родное.** Русскій и церковно-славянскій букварь и книга для чтенія для народныхъ училищъ съ трехъ годичнымъ курсомъ. *Первый годъ обученія*—Ц. 30 к. *второй годъ*—Ц. 40 к. и *третій годъ*—Ц. 60 к. и б) **Книга для чтенія,** примѣненная къ обученію родному языку во 2-й и 3-й годъ обученія. Ц. 45 к.

8) Н. БУНАКОВЪ. а) **Русская и церковно-славянская Азбука.** Ц. 25 к. б) **«Первинка»** первая послѣ **«Азбуки»** книжка для чтенія. Ц. 15 к. в) Книга для чтенія **«Въ школѣ и дома»** примѣненная къ обученію родному языку въ народныхъ школахъ. *Первая часть*—курсъ 2-го года обученія. Ц. 40 к. *Вторая часть*—курсъ 3-го года обученія. Ц. 60 к. и г) **Грамматическія и орфографическія упражненія въ начальной народной школѣ.** Ц. 15 к.

9) Н. БУНАКОВЪ: а) Въ Школѣ и дома: часть III. Христоматія для городскихъ училищъ Ц. 75 к. и б) **Учебникъ Русской грамматики для городскихъ училищъ.** Ц. 40 к.

10) А. ГОЛЬДЕНБЕРГЪ. **Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія** начальной Ариѳметики, въ двухъ выпускахъ: *Выпускъ I*—Задачи и примѣры на числа первой сотни и на простѣйшія дроби. Ц. 15 к. *Выпускъ II*—Задачи и примѣры на числа любой величины. Ц. 15 к.

11) А. ВОРОНОВЪ: а) **Руководство практической Ариѳметики.** Ц. 75 к. б) Собраніе **ариѳметическихъ задачъ,** въ двухъ частяхъ: *1-я часть* (цѣлыя числа). Ц. 30 к. и *2-я часть* (дроби). Ц. 30 к.

12) В. ЕВТУШЕВСКІЙ. **Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ** примѣровъ въ двухъ частяхъ: *Первая часть*—Цѣлыя числа. Ц. 35 к. *Вторая часть*—Дроби. Ц. 40 к.

13) А. БАРАНОВЪ. **Географія Россійской Имперіи,** съ картами и рисунками въ текстѣ Курсъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Ц. 50 к.

14) И. МИХАЙЛОВЪ. **Краткая Отечественная Географія.** Руководство для городскихъ училищъ. Въ текстѣ этой книги помѣщено 33 рисунка, 21 географ. карта, 4 плана важнѣйшихъ городовъ и большая карта Европ. Россіи. Ц. 60 к.

15) **«Картинный Учебный Атласъ».** Въ этомъ Атласѣ помѣщено 183 картинки, большая часть которыхъ исполнена лучшими заграчными и русскими художниками и граверами: 1) Виды городовъ, монастырей, деревень и вообще различныхъ жилищъ—21 картинка. 2) Замѣчательныя зданія, памятники, соборы и т. п. — 13 картинокъ. 3) Главные типы народовъ, живущихъ въ Россіи—29 картинокъ. 4) Различныя картинки, служащія для выясненія географическихъ понятій и для характеристики извѣстной мѣстности—52 картинки. 5) Наиболѣе распространеныя въ Россіи деревья и растенія—38 картинокъ. 6) Наиболѣе распространенныя въ Россіи животныя—28 картинокъ. и 7) Земледѣльческія орудія и способы обработки земли—3 картинки. Цѣна 2 руб. 50 коп. *Примѣчаніе:* Объясненія къ этому атласу. Ц. 40 коп.

16) П. ПЛЕТЕНЕВЪ. **Учебникъ Всеобщей Географіи,** составленный примѣнительно къ программамъ городскихъ училищъ. Ц. 60 к.

17) А. ВОРОНЕЦКІЙ: **Учебникъ Всеобщей Географіи, съ картами и картинами въ текстѣ,** а) въ трехъ курсахъ: *Курсъ первый*—Общій обзоръ земнаго шара. Ц. 45 к. *Курсъ второй*—Внѣевропейскія страны. Ц. 45 к. и *Курсъ третій*—Европа. Ц. 40 к. б) **Иллюстрированная Учебная Географическая Хрестоматія,** въ трехъ частяхъ. *Часть первая*—Общій обзоръ земнаго шара. Ц. 1 р. 35 к. *Часть вторая*—Внѣ-европейскія страны. Ц. 2 р. и *Часть третья*—Европа. Ц. 1 р. 65 к.

18) А. ГЕРДЪ. **Учебникъ минералогіи для городскихъ училищъ.** Ц. 80 к.

19) В. ГЕРБАЧЪ. **Русскія прописи.** Ц. 40 к.

20) Прот. Д. СОКОЛОВЪ: а) **Начальное наставленіе въ Православной Христіанской вѣрѣ.** Ц. 20 к. б) **Молитвы, Заповѣди и Символъ вѣры.** Ц. 15 к. и в) **Ученіе о Богослуженіи Православной Церкви.** Ц. 45 коп.

21) АѲ. СОКОЛОВЪ. **Первые уроки церковно-славянскаго языка.** Практическій учебникъ для низшихъ училищъ. Ц. 45 коп.

22) И. ГАРЧИНСКІЙ. **Краткій очеркъ строенія человѣческаго тѣла и его отправленій съ изложеніемъ главныхъ правилъ для сохраненія здоровья.** Руководство для городскихъ училищъ. Ц. 75 коп.

текстѣ. Курсъ систематическій. Ц. 1 р. 25 к. б) **Русская Исторія** съ портретами и картами въ текстѣ. Курсъ элементарный. Ц. 50 к.

2) П. ПОЛЕВОЙ. а) **Учебная Русская Хрестоматія** съ толкованіями, въ трехъ частяхъ: *1-я часть*—50 к., *2-я часть*—70 к. и *3-я часть*—75 к. б) **Методическая Русская Грамматика.** Ц. 40 к.

3) П. ПОЛЕВОЙ. **Исторія Русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ,** съ большимъ количествомъ изящно исполненныхъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ. Цѣна за обѣ части 5 р.

Примѣчаніе. Въ пятомъ изданіи новый періодъ пополненъ тринадцатью біографіями писателей новѣйшаго времени.

4) А. БАРАНОВЪ и Н. ГОРѢЛОВЪ. **Географія Россійской Имперіи,** съ картами и дополнительными и справочными свѣдѣніями. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 1 р.

5) А. ВОРОНЕЦКІЙ: а) **Учебникъ Всеобщей Географіи,** съ картами и картинами въ текстѣ, въ трехъ курсахъ: *Курсъ первый*—Общій обзоръ земнаго шара. Ц. 45 к. *Курсъ второй*—Внѣ-европейскія страны. Ц. 45 к. и *Курсъ третій*—Европа. Ц. 40 к. б) **Иллюстрированная Учебная Географическая Хрестоматія,** въ трехъ частяхъ: *Часть первая*—Общій обзоръ земнаго шара. Ц. 1 р. 35 к. *Часть вторая* — Внѣ-европейскія страны. Ц. 2 р. и *Часть третья* — Европа. Ц. 1 р. 65 к.

6) В. ЕВТУШЕВСКІЙ. **Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ** въ двухъ частяхъ: *Первая часть*—Цѣлыя числа. Ц. 35 к. *Вторая часть*—Дроби. Ц. 40 к.

7) А. ВОРОНОВЪ: а) **Руководство Практической Ариѳметики.** Ц. 75 к. б) **Собраніе ариѳметическихъ задачъ,** въ двухъ частяхъ: *1-я часть* (цѣлыя числа). Ц. 30 к. и *2-я часть* (дроби). Ц. 30 к.

8) П. ЕВСТАФІЕВЪ. 1) **Новая Русская Литература.** Ц. 1 р. 60 к. 2) **Древняя Русская Литература** въ двухъ выпускахъ: Ц. 1-го выпуска 50 к., а 2-го — 75 к. и 3) **Замѣчательные** русскіе писатели въ отдѣльныхъ очеркахъ: а) **Тургеневъ.** Ц. 75 к. б) **Гончаровъ.** Ц. 50 к. в) **Л. Толстой.** Ц. 70 к. и г) **Островскій.** Ц. 70 к.

9) Н. БУНАКОВЪ. **Хрестоматія** для изученія образцовъ русской словесности, съ примѣчаніями, руководящими вопросами и біографическими очерками, въ четырехъ частяхъ: *1-я часть* Ц. 60 к., *2-я часть*—1 р. 50 к., *3-я часть*—1 р. 20 к. и *4-я часть*—90 к.

10) В. ИГНАТОВИЧЪ: а) **Французская Азбука** по аналитической системѣ. Ц. 60 к. б) **Концентрическій Учебникъ Французскаго языка** сравнительно съ русскимъ и латинскимъ въ 3-хъ частяхъ: *1 часть*—Ц. 50 к., *2 часть* Ц. 60 к. и *3 часть* Ц. 1 р. 25 к. и в) **Французскіе классики** въ обработкѣ для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ, въ четырехъ выпускахъ: *1-й и 2-й вып.* Molière, *3-й вып.*—Corneille и *4-й вып.* Racine. Цѣна каждаго выпуска 1 р.

11) А. РАНСИ: а) **Французская азбука.** Ц. 30 к. б) **Практическій учебникъ французскаго языка** для низшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 1 р. 25 к. и б) **Новая французская грамматика.** Ц. 1 р. 15 к.

12) Прот. Д. СОКОЛОВЪ: а) **Начальное наставленіе въ Православной Христіанской вѣрѣ.** Ц. 20 к. б) **Молитвы, Заповѣди и Символъ вѣры.** Ц. 15 к. в) **Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта.** по 30 к. и г) **Ученіе о Богослуженіи.** Ц. 40 к.

13) А. ДМИТРІЕВЪ: а) **Собраніе Геометрическихъ Задачъ** въ двухъ книгахъ: книга I—**Планиметрія.** Ц. 70 к., книга II—**Стереометрія.** Ц. 80 к. и б) **Начальныя основанія Прямолинейной Тригонометріи.** Ц. 75 к.

14) Проф. Э. БРАНДТЪ. **Начальныя свѣдѣнія изъ Естественной исторіи,** въ четырехъ выпускахъ. Руководство для реальныхъ училищъ. Цѣна *перваго выпука* 1 р., *втораго*—1 р. 10 к. *третьяго*—1 р. 40 к. и *четвертаго*—1 р. 10 к.

15) А. ГЕРДЪ: а) **Руководство Минералогіи.** для реальныхъ училищъ. Ц. 1 р. 50 к. б) **Опредѣлитель минераловъ.** Цѣна 1 руб.

16) В. ГЕРБАЧЪ: а) **Прописи Русскія.** Ц. 40 к. б) **Прописи Французскія и Нѣмецкія.** Ц. 35 к. и в) **Прописи Латинскія и Греческія.** Ц. 30 к.

17) К. ЕЛЬНИЦКІЙ: а) **Учебникъ теоріи словесности.** Ц. 75 к. и б) **Сборникъ поэтическихъ произведеній.** Ц. 45 к.

18) И. ГАРЧИНСКІЙ. **Очерки изъ Анатоміи, Физіологіи и Гигіены** Ц. **1 р. 50 к.**

19) В. СИПОВСКІЙ. **«Родная старина».** Отечественная исторія въ разсказахъ, въ трехъ выпускахъ (во всѣхъ трехъ выпускахъ 400 рисунковъ). Цѣна полнаго экземпляра **6 руб.**

20) И. БЕЛЛЯРМИНОВЪ: а) **Руководство къ древней исторіи** Ц. 70 к. б) **Руководство къ средней исторіи** Ц. 70 к. в) **Курсъ всеобщей исторіи** (элементарный) Ц. 80 к. г) **Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи** Ц. 90 к. д) **Курсъ русской исторіи** (элементарный) Ц. 50 к. и е) **Руководство къ русской исторіи** съ дополненіемъ изъ всеобщей. Ц. 50 к.

21) А. КУНЦЕВИЧЪ. Учебникъ Ариѳметики.

Примѣчаніе. Всѣ заказы частныхъ лицъ и школъ на изданія Д. Д. Полубояринова исполняются только при высылкѣ, по объявленнымъ цѣнамъ, **всѣхъ денегъ впередъ.** При каждомъ заказѣ, по объявленнымъ цѣнамъ, на сумму **меньшую пятидесяти рублей издатель,** при разстояніи отъ Петербурга до 1000 верстъ, принимаетъ на свой счетъ всѣ расходы по пересылкѣ требуемыхъ книгъ; при разстояніяхъ же 1000 и болѣе верстъ слѣдуетъ присылать на пересылку согласно новой возвышенной почтовой таксѣ по 10 коп. съ каждаго фунта на каждую 1000 верстъ. При каждомъ же заказѣ на сумму **50 и болѣе рублей** издатель дѣлаетъ съ объявленныхъ цѣнъ **20 процентовъ** уступки, но въ этомъ случаѣ всѣ расходы по пересылкѣ, упаковкѣ и страховкѣ товара падаютъ на покупателя; товаръ же отправляется или по почтѣ или черезъ Контору Россійскаго Общества Транспортированія кладей.

Дозволено ценз. СПБ. 15 ...

